

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
508.772
.S 84

HW CCIU W

x

SVIENTSITS'KYI

OBZOR

WID-LC

DK

508.772

.S 84

X

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

34. D. 3141

М. С. Свѣтлицкій.

ОБЗОРЪ СНОШЕНІЙ
КАРПАТСКОЙ РУСИ СЪ РОССИЕЙ

въ 1-ую пол. XIX в.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1906.

WID-LC

DK

508.772

.S84

X

✓

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С -Петербургъ, декабрь 1906.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

SVIENTSITS'KYI

=

"OBZOR"

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY

JUN 11 1981

69*2

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XI (1906 г.), кн. 3, стран. 257—367.

3141

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
ПЫПИНА.

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение.

Предварительная замѣтка по поводу слова «Карпаторусскій». Мнѣнія Карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота вѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача 1

Глава I.

Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи:

1. Случайныя сношенія — монастырскія и общественныя челобитчики, просятели, жалобщики изъ Карпатской Руси въ Московской. Походы русскихъ армій черезъ Карпатскую Русь и воспоминанія военныхъ. Торговля сношенія. Надежды парода на московскихъ государей и російскихъ царей. Отношеніе правительственныхъ російскихъ круговъ къ Галичшѣ 9

2. Учебно-ученныя сношенія съ Карпатской Русью. Вызовъ угорорусовъ — Базудьянскаго, Кукольника, Лодія и другихъ. Дѣятельность Орлая и Венеліна 24

Глава II.

Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппель, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія Карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-взвучный характеръ этихъ сношеній въ 1-ую пол. XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси 45

Глава III.

Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угорорусскихъ писателей. Отношеніе галицко-русскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключение — связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ... 79

THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES THE FIRST

1625

BY JOHN BURNET

1679

THE HISTORY OF THE REIGN OF CHARLES THE FIRST

THE HISTORY OF

THE REIGN OF CHARLES THE FIRST

THE HISTORY OF

THE REIGN OF CHARLES THE FIRST

Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.

Памяти Александра Николаевича Пыпина.

Введение.

(Предварительная замѣтка по поводу слова «Карпаторусскій». Мнѣнія карпаторусскихъ изслѣдователей періода возрожденія объ этихъ сношеніяхъ. Мнѣнія русскихъ ученыхъ. Односторонность и неполнота нѣкоторыхъ мнѣній. Наша задача).

Подъ словомъ «Карпаторусскій» будемъ подразумѣвать все относящееся къ австро-угорской, т. е. галицкой, буковинской и угорской Руси, раскинувшейся по обѣ стороны Карпатъ. Этотъ *terminus technicus*, хотя и чисто географическаго происхожденія, кажется намъ правильнѣе нерѣдко встрѣчаемаго въ русской журналистической, а даже ученой печати — варваризма «русинскій». Послѣдній терминъ образованъ такъ же неправильно и произвольно, какъ и нѣкимъ не употребляемые: болгаринскій, славянинскій, польакскій и другіе имъ подобные.

Уже дѣятели главнаго момента галицко-русскаго возрожденія, какъ подписавшіе «Запрошеніе ученыхъ русскихъ на зѣздѣ

до Львова»¹⁾, такъ и участвовавшіе въ «Съѣздѣ», І. Жуковский — въ своей привѣтственной рѣчи²⁾ и Н. Устіановичъ — въ «Воспоминаніяхъ»³⁾, ясно указали на зависимость галицко-русского возрожденія отъ предшествовавшего и современнаго умственнаго движенія чеховъ, хорватовъ и сербовъ. Историки же карпаторусского возрожденія, какъ — Я. Головацкій⁴⁾, В. Коцовскій⁵⁾, Ом. Огоновскій⁶⁾, И. Франко⁷⁾ и Ф. И. Свистунъ⁸⁾, развивая эту мысль, пришли къ слѣдующимъ выводамъ: Карпаторусское возрожденіе было послѣдствіемъ благосклоннаго отношенія австрійскихъ императоровъ — Маріи Терезы, Іосифа II и Фердинанда, къ своимъ русскимъ подданнымъ — съ одной стороны, и проснувшейся народной души подъ благотворнымъ вліяніемъ польскихъ, чешско-словацкихъ и сербо-хорватскихъ дѣятелей — съ другой стороны.

О вліяніи русской науки и жизни на карпаторусское возрожденіе было сказано мѣстными изслѣдователями очень немного. — Я. Головацкій ограничился только своими личными воспоминаніями. Другіе же оперли свои выводы — отчасти на его воспоминанія, отчасти же на переписку карпаторусовъ съ М. П. Погодинымъ⁹⁾.

1) Зоря Галицка, Льв. 1848, № 17: «Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ» ХХІ стр.

2) Истор. очеркъ... 49 стр.

3) Науковий Сборникъ, Льв. 1885, стр. 42.

4) Истор. очеркъ основ. г.-рус. Мат., Льв. 1850 г.; Три вступительни преподаванія о руской словесности, Льв. 1849 г.; О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи. — Наук. Сбор. 1865, II; Воспоминанія и Автобіографія въ Наук. Сбор. 1885 г. 10—41 стр. и 1886 г. 198—9 стр.

5) «Передне слово» въ И. Онишкевича — Руску бібліотеку т. III. Льв. 1884 г. и «Жите и значене Маркіяна Пашкевича», Льв. 1886 г. 1—6, 23—86 стр.

6) Історія литературы рускои, III—1889 г. и IV—1894 г. 60—150 стр.

7) Zarzuty ruchu literackiego Rusinów въ Ateneum 1885 г. II стр. 491 и сл. III стр. 339 и сл.; Szkice z dziejów literatury rusińskiej w Galicyi въ Głosie 1888 г. статьи II и III; Южнорусская литература въ 41-омъ т. Энциклопедич. Словаря, 307—313 стр.

8) Прикарпатская Русь, Льв. 1895 г. I.

9) Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, М—ва. 1879 г. вып. III т., 533—666 стр.: 2 письма Компаневича, 28 писемъ Зубрицкаго, 11 писемъ Вагилевича, 2 письма Я. Головацкаго и 5 писемъ Шеховича.

Въ изложеніи вліянія Россіи на карпаторусское возрожденіе наблюдаемъ у мѣстныхъ изслѣдователей три направленія. Итакъ: Я. Головацкій видѣлъ въ посѣщеніи русскими учеными—Погодиномъ, Кирѣевскимъ, Лукашевичемъ и Срезневскимъ—Галичины въ 1835—1842 гг. событіе большой важности (Н. Сбор. 1885 г., 35 стр.), ссылаясь при этомъ на одну только посылку русскихъ книгъ изъ Россіи галицкорусскимъ дѣтелямъ. Болѣе вѣскими явились его выводы, относящіеся къ исторіи книжно-литературной общности юго-западной и сѣверо-восточной Руси XVII—XVIII вв. (О перв. умств. движ. 21—2 стр.).—Проф. Огоновскій утверждаетъ, что Погодинъ и «московскій панслависты — только — морочили духа кѣлькохъ галицко-русскихъ писменниковъ» (II, 42 стр.). Это повторилъ и И. Франко въ *Ate-neum* (1885 г., III, 339 стр.): «historyk D. Zubricki zaznajomił się z panslawistami z Moskwy, z Pogodinem i wielu innymi. Zubrickiego i Iwana Hołowackiego, brata Jakóba, panslawiści nawrócili na swoje idee o jedności narodu i języka wielkorosyjskiego z halickim, i doradzali dążenie do przyswojenia sobie literackiego języka rosyjskiego. Rady te zapewne nie sięgały tak daleko, żeby rusini musieli zaraz chwytac się języka rossyjskiego; zapewne pisarze rusińscy musieli pierwiej sami nauczyć się tego języka o którym nie mieli zgoła pojęcia. Ale w pierwszym popędzie nie dobrze zrozumiano rady panslawistów i zaczęto uszlachetniać język ludowy, czyli pisać tak dziwacznie, że najzacieklejsi panslawiści z oburzeniem tylko mogli to czytać».—Высказывая почти то же мнѣніе, В. Коцовскій старался въ біографіи Шашкевича доказать, что карпаторусскія симпатіи къ Россіи и къ славянороссійскому языку имѣли свои причины въ литературной традиціи XVIII в. и въ книжно-литературныхъ, церковныхъ и политически-національных взаимосошеніяхъ обѣихъ Русей. Въ виду чего В. Коцовскій и отличаетъ «россійскія симпатіи и російщину» первыхъ карпаторусскихъ дѣтелей — Захарыяевича, Лодія и Могилянцакаго — отъ объединительныхъ стремленій второй половины XIX в. (op. cit.

68 стр.). Мнѣніе Огоновскаго о Погодинѣ повторилъ и проф. Студинскій ¹⁾).

Разбирая самыя крайнія воззрѣнія А. Барвинскаго ²⁾ насчетъ вредности и тенденціозности объединительныхъ идей Погодина и другихъ панславистовъ въ Карпатской Руси, М. Драгомановъ указалъ ³⁾ на то, что какъ Погодинъ, такъ и первые славяно-филы относились дружественно къ украинской литературѣ; что исторія Галицкаго Княжества Зубрицкаго появилась въ русскомъ переводѣ только благодаря Погодину, который равнымъ образомъ содѣйствовалъ появленію народныхъ пѣсень Головацкаго; что наконецъ Погодинъ спасъ десятки драгоценныхъ галицкорусскихъ рукописей. — Ф. И. Свистунъ объединилъ выводы Головацкаго и Драгоманова, прибавивъ отъ себя, что Погодинъ «далъ галичанамъ толчекъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступить на поприще исторической науки. Доставляя . . . имъ книги и научныя пособія, подавая имъ указанія, якъ поступати въ историческихъ изслѣдованіяхъ — положилъ онъ основаніе современной исторической науцѣ у галичанъ. Онъ поступалъ благородно, не мѣшался въ языкословныя споры, а настаивалъ лишь, чтобы галичане предались серіозному труду и научились мыслить». (Прикарп. Русь I, 218 стр.).

Русскіе историки-слависты отвели въ своихъ работахъ ⁴⁾ не-

1) См. З кореспонденції Д. Зубрицкаго, Льв. 1901 г. и «Передмову» в «Кореспонденцію Я. Головацького» XVI стр.

2) Випивки з народної літератури українсько-руської XIX в., Льв. 1898 г. Вступ. XXXIX—XLI стр., въ изданіи же 1898 г. LXVI—LXIX.

3) Въ газетѣ «Народъ», Льв. 1894 г. 127—134 стр.

4) Обзоръ журнальныхъ статей о Карпатской Руси въ 1-ую полов. XIX в. см. въ нашихъ «Матеріалахъ по исторіи возрожденія К. Р.» 16—22 стр.; здѣсь укажемъ только на болѣе важныя статьи 2-ой пол. XIX в. *Русскій Вѣстникъ*: 1859 г. 23 ч.—Замѣтки о современномъ настроеніи русиновъ; 1872, I.—Эпизодъ изъ Галицкихъ смутъ 1846 г., IV—Посольство угорскихъ русскихъ 1849 г. въ

много мѣста разслѣдованію сношеній Карпатской Руси съ Россіей, обративъ главное вниманіе лишь на вопросъ о состоятельности или несостоятельности стремленій одной части карпаторусскаго общества къ культурно-національному, или политическому объединенію.

Къ самымъ важнымъ статьямъ-изслѣдованіямъ, обнимаю-

Вѣнѣ; 1886, XI—Замѣтки и дополненія къ статьѣ (Пыпина) «Обзоръ малорусской этнографіи» — Я. Головацкаго; 1887 г. его же — Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ; (обѣ статьи были изданы Я. Головацкимъ отдѣльно подъ первымъ заголовкомъ въ Вильнѣ 1888 г.). *Отечественныя Записки*: 1865, IV—Австрія и славянскія земли; 1867, XI и XII—въ Слав. обзор. «О русскихъ галичанахъ и борьбѣ съ поляками и австрійскимъ правительствомъ»; 1871, VI—VII.—Вопросъ о національностяхъ въ Австріи (о Гал.-рус. возрожденіи и о значеніи политики Бейста для Гал. Руси говорится въ 7-ой главѣ VI кн.). *Вѣстникъ Егерей*: 1873, I, II и IX, X.—Русскіе въ Галиціи и литературное движеніе въ Галиціи—статьи М. Т—ова (Драгоманова); 1879, IV.—Австрійскіе славяне 1848—9 г. О. Первольфа; 1882, X.—Львовскій процессъ; 1883, IV.—Годы возстанія въ Венгріи—де Воллана; 1886, I, IX.—Буковина и Русины, Галичина и Русины. *Древняя и новая Россія*: 1878, II.—Воспоминаніе о Галичѣ—проф. Иловайскаго. *Русская Речь*: 1879, VIII.—Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848, О. Первольфа. *Русская Мысль*: 1880, III.—Голосъ изъ Угорской Руси; 1890—Просвѣщеніе въ Галицкой Руси, А. Конискаго. *Историческій Вѣстникъ*: 1881, V—Забутый уголь, И. Филевича; 1884, XI стр. 885—6. Отрывокъ изъ воспоминаній В. И. Модестова; 1888, VII—Некрологъ Я. Головацкаго. *Наблюдатель*: 1882, VIII—Австрійскіе русскіе и львовскій процессъ, В. Модестова (это статья вошла и въ книгу Модестова «Статьи для публики» 167—188 стр.). *Дѣло*: 1882, X.—Литературно-общественное движеніе въ Галиціи, Туриста (Драгоманова). *Энциклопедическій Словарь*: т. VII, стр. 913—22: К. Арабажина—Галицкорусское литерат.-общественное движеніе—см. разборъ статьи Драгомановымъ въ «Народѣ» 1893 № 9 и 10. — Статьи новѣйшихъ путешественниковъ по Гал. Руси—А. С. Будиловича, А. П. Лопухина, И. С. Пальмова и Русскаго (А. П. Соловьевича) не представляютъ для насъ интереса.

Цѣльный обзоръ Карпаторусскаго возрожденія находимъ у А. Н. Пыпина въ: Обзоръ истор. славян. литературъ 1865 г. 232—241 стр.; Исторія слав. литературы, 1879 г. I стр. 405—447 и Исторія рус. этногр. III, стр. 134—8, 223—258 и 413—419. А. Кочубинскаго — Начальные годы рус. славяновѣдѣнія, Од. 1888 г. стр. 199—200 о посѣщеніи Кенпеномъ Галичины, 220—2 стр. о дороговизнѣ русской книги въ Австріи въ 30-ые гг., 228—9 стр. о сношеніяхъ Новосильцова съ карпаторуссами, 261—2 стр. о планѣ минист. народ. просвѣщенія вызвать профессоровъ для Казанскаго университета въ 1827 году изъ карпат. Руси. Н. Дашкевича—въ Отчетѣ о 29-омъ присудж. наградъ гр. Уварова въ 59-омъ т. Зап. имп. Акад. Наукъ стр. 123—132 и В. А. Францева—Обзоръ главнѣйшихъ изученій Угорской Руси, въ Рус. Фил. Вѣстн. 1901 г.

щимъ и нашъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ, принадлежать работы А. Н. Пыпина, статьи М. Т—ова (М. П. Драгоманова), проф. Филевича и проф. Дашкевича. Первенство цѣльнаго изложенія Карпаторусскаго возрожденія въ русской литературной исторіографіи принадлежитъ А. Н. Пыпину. Заслуга же его заключается въ томъ, что онъ изложилъ Карпаторусское возрожденіе объективно-критически, чѣмъ и содѣйствовалъ уясненію многихъ вопросовъ, освѣщаемыхъ нѣкоторыми мѣстными историками слишкомъ субъективно-односторонне, подчасъ и невѣрно. Возвращаясь нѣсколько разъ къ изложенію исторіи Карпаторусскаго возрожденія, Пыпинъ указалъ на несомнѣнную зависимость его отъ первыхъ польскихъ этнографовъ и представителей такъ называемой «украинской школы»; что опять Я. Головацкій, со времени перехода въ Россію въ 1867 г., отрицалъ или же недоцѣнивалъ, видя въ этомъ вліяніи «хитрую интригу поляковъ и австрійскаго правительства»¹⁾. Такъ же строго критически отнесся Пыпинъ и къ язычно-литературному вопросу, волнующему и по нынѣ умы карпаторусскихъ дѣятелей и являющемуся одной изъ крупныхъ причинъ раздѣленія карпаторусскаго общества на два враждебныхъ лагеря. Пыпинъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ очень вѣрной точки зрѣнія, соединивъ его съ вопросомъ объ отношеніи карпаторусскихъ партій къ русскимъ партіямъ—западниковъ и славянофиловъ, прогрессистовъ и консерваторовъ и къ русской литературѣ вообще.—М. Т—овъ затронулъ этотъ вопросъ постольку, поскольку онъ занимался разборомъ противорѣчій дѣлъ и стремленій такъ называемой старорусской партіи въ 60—70-ые гг.—Исслѣдуя тотъ же періодъ галицкорусской жизни въ статьѣ «Забытый уголокъ», проф. Филевичъ оцѣнилъ дѣятельность русскихъ галичанъ въ Холмщинѣ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и представилъ этихъ дѣятелей «уніи — воссоединенія-расположенія» безъ ореола отечественныхъ, т. е. га-

1) См. его—Замѣтки и дополненія, 2-ая ч. и въ сборникѣ Гербеля «Поэзія славянъ» статью Г—аго «Червонорусскіе поэты» 197—204 стр.

лицких старорусскихъ похвалъ, въ свѣтъ нагой фактической правды.

Послѣ этихъ работъ самый полный обзоръ условій и причинъ Карпаторусскаго возрожденія принадлежитъ проф. Н. П. Дашкевичу. По мнѣнiю профессора, карпаторусское движенiе 30-ыхъ гг. явилось однимъ изъ главныхъ источниковъ надлежащаго пониманiя современнаго украинскаго движенiя (ор. cit. 133 стр.); поэтому авторъ и разсмотрѣлъ условiя и причины возрожденiя. На основанiи тщательнаго разбора, онъ пришелъ къ выводу, что Карпаторусское возрожденiе было послѣдствiемъ— не только пробужденiя идеи народности, влiянiя со стороны зарождавшейся новой украинской литературы и западнославянскаго движенiя, но и послѣдствiемъ знакомства карпаторусскихъ дѣятелей возрожденiя съ русской литературой, преимущественно научной (ор. cit. 132 стр.).

Уже бѣглое сравненiе мнѣнiй нѣкоторыхъ галицкорусскихъ изслѣдователей отечественнаго возрожденiя съ мнѣнiями русскихъ изслѣдователей приводитъ насъ къ выводу, что русскiе ученые отнеслись къ вопросу о значенiи Россiи для этого возрожденiя болѣе объективно. Упрекъ въ односторонности относится, какъ къ Головацкому, такъ и къ Огоновскому и къ ихъ послѣдователямъ.

По мѣрѣ того, однако, какъ накапливается новый матеріалъ по исторiи взаимоотношенiй Карпатской Руси и Россiи, мы убѣждаемся, что большинство мнѣнiй и сужденiй о Карпаторусскомъ возрожденiи страдаетъ неполнотой, такъ какъ не обращаетъ надлежащаго вниманiя на продолжительность и характеръ этихъ взаимоотношенiй. Итакъ: принято утверждать, что Карпатская Русь вошла въ болѣе близкiя сношенiя съ Россiей только чрезъ М. П. Погодина. Сношенiя съ Кеппеномъ и Срезневскимъ, и болѣе ранняя дѣятельность угрорусскихъ выходцевъ въ Россiи не

находили себѣ въ этихъ мнѣніяхъ никакого мѣста. О непрерывности же этихъ сношеній, начавшихся чуть ли не тремя столѣтіями раньше, нигдѣ и не упоминается. А между тѣмъ намъ нельзя предположить, что эти старинныя сношенія прошли безслѣдно, что они не повліяли на сложеніе извѣстнаго культурно-общественнаго міросозерпання у Карпаторусовъ—съ одной стороны, и на отношеніе къ нимъ россійскаго правительства и русскаго общества—съ другой стороны.—Не меньше важнымъ будетъ для насъ прослѣдить аналогическія явленія у другихъ славянскихъ народовъ, и такимъ образомъ подойти поближе къ возможно точному опредѣленію связи между взаимосношеніями и взаимоотношеніями обѣихъ сторонъ. Думаемъ здѣсь объ эволюціи такъ называемаго русофильства Карпатской Руси, которое несомнѣнно будетъ послѣдствіемъ сношеній ея, какъ съ Россіей, такъ и съ юго-западными славянскими племенами.

Основой подлежащаго «Очерка» и являются прежде всего собранные нами «Матеріалы по исторіи сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.» ¹⁾. Правда, эти «Матеріалы» должны бы вызвать рядъ монографическихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, послѣ чего можно было бы приступить къ окончательному изложенію вліянія Россіи на Карпаторусское возрожденіе. Внутренняя идейная связь отдѣльныхъ фазисовъ этихъ взаимосношеній заставляетъ насъ, однако, попытаться набросать основной рисунокъ-скицъ, по которому—послѣ исправленія и дополненія въ деталяхъ—можно было бы написать цѣльную картину вліянія Россіи на умственную жизнь Карпатской Руси въ періодъ возрожденія.

1) См. Научно-литерат. Сборникъ Гал.-рус. Матицы 1905, кн. III—1906 кн. I и отдѣльно—Львовъ, 1906 г., 212 стр., 8-ка.

ГЛАВА I.

Источники взаимныхъ свѣдѣній и эволюція взаимоотношеній Карпатской Руси и Россіи.

1.

Случайныя сношенія—монастырскіе и общественныя челобитчики, просители-жалобщики изъ Карпатской Руси въ Московской. Походы русскихъ армій черезъ Карпатскую Русь и воспоминанія военныхъ. Торговля сношенія. Надежды народа на московскихъ государей и російскихъ царей. Отношеніе правительственныхъ російскихъ круговъ къ Галичинѣ.

Москва—«третій Римъ», единственное свободное православное государство XVI—XVIII в., привлекала ежегодно многочисленныхъ представителей юго-восточнаго, азіатскаго и европейскаго православія. Самыхъ численныхъ представителей посылали въ Москву Константинопольскіе патріархи и греческіе монастыри; за ними же шли представители сербскаго и румынскаго, а наконецъ и югозападнорусскаго православія¹⁾. Цѣль этихъ странствованій заключалась въ испрошеніи милостыни для монастырей и строящихся церквей, а также въ изложеніи жалобъ на притѣснителей православнаго благочестія—на невѣрныхъ турокъ, римскихъ католиковъ и поляковъ²⁾.

Югозападно-русское православіе—Литвы, Бѣлой Руси, Волыни и Украины посылало своихъ просителей и жалобщиковъ, начиная съ 1581 г., Карпатская же Русь стала посылать ихъ съ 1625 г. спорадически, а съ 1650 г. черезъ каждые три года—въ среднемъ³⁾.

1) См. «Греческія дѣла» 1509—1798 г. въ Главномъ архивѣ минист. иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

2) *Отаеропизіальное Братство* во Львовѣ отправляетъ въ 1608 г. окружное посланіе ко всемъ православнымъ людямъ съ извѣщеніемъ о претерѣваемыхъ гоненіяхъ отъ поляковъ и съ просьбой о матеріальной помощи. См. Архивъ Ю.-Зап. Россіи ч. I, т. XII, 526—9 стр.

3) См. въ *Глав. Арх. Мин. Ин. дѣл* «Греческія дѣла: 7133 (1626) января 30. Пріѣздъ въ Москву малороссійскихъ монастырей настоятелей, присланныхъ отъ находившагося тамо (въ Малороссіи) *перемышльскаго епископа Исаи Котин-*

Карпаторусскіе просители и жалобщики отъ православныхъ монастырей, церквей и епископовъ подвергались, какъ на границахъ государства и отдѣльныхъ воеводствъ, такъ и въ самой Москвѣ подробнымъ допросамъ.—Это была общая участь всѣхъ путешественниковъ по Московскому государству.—Вотъ и первый источникъ знакомства московскихъ приказныхъ людей съ положеніемъ зарубежныхъ единовѣрцевъ.—Попутно, однако, карпаторусскіе странники собираютъ — по жалованнымъ государевымъ грамотамъ — милостыни для своихъ монастырей и церквей. Понятно, что отдѣльные благочестивые благодѣтели не преминули распросить странниковъ о всемъ, что только и представляло какой-либо интересъ любопытства: «откуда? для кого? много ли васъ? какъ вамъ живется? и т. д.». Странники явля-

скаю о дачѣ милостыни; того же года іюня 22. Отписки изъ Путивля о недозволеніи ѣхать въ Москву прибывшихъ изъ Львовской области *монастыря Унева іеромон. Митрофану съ іеродіак. Германомъ*... по причинѣ бывшей тогда въ Польшѣ и Литвѣ моровой язвы. 7134 (1626) г. окт. 27 № 4. Приѣздъ въ Путивль польскаго юрода *Галица строителя Спиридона съ листомъ къ Государю отъ Львовскаго епископа Іереміи съ жалобою на поляковъ, угнетающихъ греческую вѣру*, а 7134 (1627) февр. 25. вторичный приѣздъ того же строителя съ вѣстями. 7136 (1628) мар. 1. (Картонъ 9).—Приѣздъ въ Москву изъ *Галича скицкого монастыря Келара Іоанникія съ прошеніемъ о милостыни*. 7165 (1657) въ мартѣ (К. 51).—приѣздъ въ Москву *Львовскаго уѣзда Креховской пустыни строителя Вассіана за милостынею*; іюня 8. *юр. Львова соборной а) Успенской церкви игумена Иларіона, б) Георгиевской церкви протопопа Михаила*, присланныхъ за милостынею отъ *Львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго*: Получили Соборникъ (Моск. 1648), о чемъ свидѣтельствуетъ вкладная 1657 г. на экземплярѣ Львов. епарх. Музея. [—Сія книга сочтася книгамъ бблиотеки и сие превел. Гѣа Упа Арсеніи Желиборскаго прав: Епископа Львова:... вѣсто спсєніа мира дхнѣ. Ц царскаго величества пресвѣтлаго Алексѣи Михайловича великаго самодержца московскаго со иннымъ дарованіемъ препосланнамъ.—]. Въ 1676 г. Кор. пол. Янъ III, даетъ гал. Скитскимъ монахамъ грамоту на свободный проходъ въ Московское государство—см. Целевичъ, Скитъ Ман. XXVI стр.—7182 (1674) г. нояб. 14. (К. 72). Дѣло о приѣздѣ изъ Киева *Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна Божьслова игумена Іосифа Творинскаго и съ нимъ мѣщанъ двухъ человекъ* для испрошенія милостыни на постройку церкви Николая чудотворца. 7187 (1679) г. декаб. 10. (К. 75).—Приѣздъ въ Москву *архимандрита Деражницкаго Іннокентія съ просительными къ Государю листами отъ Православныхъ въ Польшѣ духовныхъ особъ* защитить ихъ отъ угнетенія *Поляковъ*. 7187 (1680) г. іюня 20. (К. 85).—Приѣздъ въ Москву *Львовской области Креховской пустыни іеромон. Вассіана Радзича за милостынею*, а іюля 23. той же пустыни *игумена Діонисія за милосты-*

ются опять сѣятелями свѣдѣній о «благочестивыя вѣры греко-россійскія людяхъ, обрѣтающихся въ Польшѣ», но уже среди широкихъ народныхъ массъ московскаго государства. Такой именно ходъ дѣла, а не другой, обусловленъ еще тѣмъ, что рассказы о «безчинствахъ и неистовствахъ католиковъ-ляховъ и нехристей-жидовъ» вызывали въ сердцахъ православнаго народа кромѣ нравственнаго и матеріальное состраданіе съ притѣсняемыми.

Такова въ общихъ чертахъ картина отношенія Московской Руси къ Карпатской въ XVII и XVIII вв. Эти отношенія не шли дальше сознанія о единовѣрьѣ и связанной съ нимъ матерьяльной поддержки. Въ періодъ мнимаго преобладанія интересовъ одной вѣры въ жизни народовъ—другихъ сношеній и быть не

нею по жалованной грамотѣ и архидіак. *Парвенія отъ Львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго*, присланнаго съ грамотами къ государямъ; въ 1689 г. іюля 20, архидіаконъ Парвеній является въ Москву съ просительнымъ письмомъ о заступленіи къ польскому королю за благочестивые греко-россійскіе въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтающіеся люди (Польскаго двора дѣла, св. 243); [в «Чинovníку» Моск. 1677 г. Львов. архиепарх. Музея находимъ слѣдующую записъ:—«Лѣта зрчи' вктября нѣ по указу великаго Гдна бѣйшаго Кирь Іоакіма Московскаго і всеа россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха данъ сей чиновникъ изъ ево стѣйшаго патріарха домовыя казны Іосифѣ Шемлянскому еппу львовскому галицкому. во бѣго соборную црковъ великомѣчника георгіа.]; 7188 (1681) февраля 14. (К. 75), пріѣздъ въ Москву пустыннаго скитскаго Крестовоздвиженскаго монастыря старцовъ Вареолема и Веніамина за милостынею и за жалованными на собраніе милостыни грамотами, а 7195 (1688) г. февраля 9 (К. 82) явился за тѣмъ же игуменъ Іовъ; 7202 (1695) г. іюля 7 (К. 92) пріѣздъ въ Москву львовскаго креховскаго монастыря игумена Полихронія за милостынею по жалованнымъ государевымъ грамотамъ; 7205 (1698) въ январѣ (К. 94), пріѣздъ въ Москву венгерской земли гѣр. Брашева протопопа Василія Хобона за милостынею; 1705 янв. 31. (К. 99), пріѣздъ изъ Польши Креховской обители намѣстника Іова за милостынею—и т. д. до 1761 г.—Въ архивѣ Свят. Синода находится тоже не мало актовъ, указывающихъ намъ на эти древнія сношенія Карпатской Руси съ Россіей, см. Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода:—т. II, ч. I-ая. Послы Петра Вел. въ Венецію и Польшу по дѣлу православныхъ единовѣрцевъ и Архивъ зап.-рус. уніатскихъ митрополитовъ I—II (пользовался корректурными листами, за чтó искренне благодарю г. Рункевича).—Кромѣ этихъ извѣстій можно найти еще немало матеріала по данному вопросу въ «Сводной гал.-рус. лѣтописи» Канон. А. С. Петрушевича и въ архивѣ Львовск. архиепарх. Музея.

могло.—Отношеніе же карпаторусскаго православія къ Москвѣ и Россіи опредѣляется не только сознаніемъ объ единовѣрѣ, но и надеждой на могущество своихъ сѣверныхъ единовѣрцевъ. Не будь у Карпаторусовъ того времени этой надежды, галицкіе и угорскіе епископы навѣрно не жаловались бы московскимъ государямъ на притѣсненія и обиды, «чинимыя греко-россійской церкви людямъ» католической латынью. Эти жалобы зарубежныхъ православныхъ единовѣрцевъ и были предметомъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшей. Въ городскихъ актахъ г. Галича имѣется даже специальное заявленіе Скитскаго монастыря, внесенное туда отъ имени игумена и братіи о томъ, что — въ силу договора Россіи съ Польшей 1768 г.—ктиторы ихъ монастыря, скрывавшіе до сихъ поръ свое православное вѣроисповѣданіе, станутъ явно исповѣдывать его¹⁾.

Предпріятія и дальнія странствованія отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и просителей отъ монастырей и церковныхъ общинъ не оставались, навѣрно, тайной и для народныхъ массъ духовной паствы; тѣмъ болѣе, что народъ находился въ то отдаленное время въ довольно тѣсной связи съ низшей церковной и монастырской іерархіей. Странники, возвращаясь изъ дальняго путешествія на родину, рассказывали землякамъ о видѣнномъ въ земляхъ «православнаго царя», восхваляли его щедрость, богатство, силу и значеніе—а главное, превозносили его благочестіе и преданность православной греческой вѣрѣ. Въ итогѣ получилось то, что въ Карпаторусскомъ народѣ Польши и Угорщины усилилось сознаніе единовѣрія съ далекимъ московскимъ православнымъ государствомъ, отъ котораго и слѣдовало ему надѣяться на сильную помощь.

Это сознаніе единовѣрія и соединенной съ нимъ надежды на православныхъ царей не исчезло и съ окончательной побѣдой уніи въ Карпатской Руси: старинное преданіе и тяжелое состоя-

1) См. Ю. Целевичъ.—Скитъ Манявскій, Львовъ 1887, стр. LXV, док. отъ 6 февр. 1768.

ніе простонародной массы заставили ее опять подумать о могущественномъ російскомъ царѣ, какъ о сильномъ защитникѣ угнетенныхъ ¹⁾). Событія времени только поддерживали эти надежды. Такъ: Польша пала—значительная же часть ея досталась въ удѣлъ Россіи; появился Наполеонъ, наполнившій собой чуть ли не четверть столѣтія европейской исторіи — и вдругъ онъ палъ подъ ударами той же Россіи; а тамъ турецкая война, польское возстаніе, усмиреніе угорскаго возстанія. Вездѣ Россія и Россія!—Какъ же тутъ народной массѣ не проникнуться вѣрой въ силу російскаго царя? Какъ не вообразить себѣ его защитникомъ угнетенныхъ и побѣдителемъ притѣснителей? Вѣдь Наполеонъ воевалъ и съ Австріей, разбилъ и уничтожилъ не одинъ карпаторусскій полкъ австрійской арміи и увеличилъ рекрутскіе наборы — этого довольно, чтобы его считать общенароднымъ врагомъ; турки же—басурмане; польскіе ксендзы притѣсняли и продолжаютъ притѣснять крѣпостной народъ, а мадьяры бунтовали противъ «нашого цѣсаря»—вотъ и логика и пси-

1) Для характеристики отношеній Карпаторусскаго духовенства и народа къ Россіи укажемъ на два случая. Такъ офиціалъ львовскаго униат. капитула во Львовѣ *Антоній Левинскій* писалъ 21 апр. 1773 г. своему брату архидіакону нунціатуры въ Варшавѣ слѣдующее: если бы Западная Русь была православною, то *ciełli by się nam były sprzykły Państwu u podwoły, to iako prostacy Schizmatycy łatwo mogli byśmy byli znaleść Proteksyą u Moskwy, teraz w całej Europie apprehensią mającey. I pewnie prędzey byśmy ją byli tam znaleźli, iak teraz w Rzymie...* *Że propter fidem opprimimur a Moschis, opprimimur według ich zdania sprawiedliwie, iako od nich odszczepieni, y to nam iest gloriosum et meritum.*—Галичанинъ 1862 г. I, стр. 141.

Данилевскій, А. М. говоритъ въ «Журналѣ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію въ 1814 г.» (Сынъ Отечества 1816 г. 34-ая кн. 207 стр.), что его въ Пештѣ «окружалъ народъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на русскаго: особенно подходили ко мнѣ сербы и *славяне*; нѣкоторые изъ нихъ послѣднихъ говорили мнѣ: «мы пріѣхали въ Офенъ издадека, нарочно, чтобы увидѣть монарха славянскаго поколѣнія». «Все, что мы о немъ слышали—прервалъ одинъ изъ нихъ—увѣряетъ насъ, что онъ есть печать Царей». Выраженіе поэтическое, показывающее чувства единоплеменниковъ нашихъ! Они рассказывали мнѣ о восхищеніи своемъ, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. Мы радовались, что Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ своимъ посреди славянскаго рода». См. еще «Матеріалы» I, воспоминанія Броневскаго и Глаголева и примѣчаніе о вел. княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, 6 стр.

хологія народныхъ симпатій вся тутъ. Если же прибавить къ тому, что этому народу въ теченіе 1-ой половины XIX в. пришлось встрѣчаться съ русскимъ солдатомъ довольно часто, какъ во время походовъ русскихъ черезъ Галичину и Угорщину 1799, 1813—1814 и 1846—1849 гг., такъ и во время владычества русскихъ въ Тернопольскомъ округѣ 1809—1815 г., мы убѣдимся въ слишкомъ достаточной наличности причинъ, вызвавшихъ среди Карпаторусскаго народа живыя симпатіи къ Россіи, какъ къ могущественной державѣ, покоряющей «бунтарей», «не-вѣрныхъ» и угнетателей.

Наконецъ нельзя оставлять въ сторонѣ и торговыя сношенія Россіи съ Карпатской Русью. Такъ — торговый путь изъ Варшавы въ Каменецъ-Подольскъ шелъ на Люблинъ—Львовъ—Глиняны—Золочевъ—Теребовлю—Гусятинъ; другой же путь, соединявшій Южную Россію съ Силезіей шелъ на Радвильовъ—Гродно—Золочевъ—Глиняны—Львовъ—Перемышль—Краковъ ¹⁾. Объ оживленности этой транзитной торговли свидѣтельствуеъ 26-ая статья торговаго договора Россіи съ Австріей 1785 г., на основаніи которой дома російскихъ купцовъ во Львовѣ и Бродахъ освобождались отъ всякаго постоа военныхъ людей. Кромѣ транзитной торговли существовала почти до половины XVIII в. и мелкая книжная торговля Галичины съ Южной Россіей, куда Львовская Ставропигія посылала своихъ агентовъ съ книгами; сѣвернорусскіе же торговцы навѣщали Угорщину до 1728 г. ²⁾. Эти торговыя сношенія слѣдуетъ опять счи-

1) См. Броневскій. — Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга, ч. II. Броды (въ «Матеріалахъ» 8—11 стр.); М. Чулковъ—Истор. опис. російск. коммерціи, т. VI. Кн. 4, стр. 547—548, Почтовый путь отъ Варшавы до Каменецъ-Подольска и т. VII, кн. 1, стр. 216, статья договора 26.

2) О торговцахъ Ставропигійской печати во Львовѣ находимъ извѣстіе въ актахъ Кіево-печерской Лавры (Арх.-тип. 1730 г. 22 ноябр. № 9): въ копіи челобитной Лавры въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ о запрещеніи ввоза книгъ «изъ-за рубежа Польской границы разныхъ печатей» въ Малую Россію на ярмарки и торги; на что и послѣдовалъ запретительный указъ (Глав. арх. мин. иностр. дѣлъ—Малорос. дѣла нов. лѣтъ, св. 66, № 21, 1730 г.). Львовская Ставропигія посылала своихъ книжныхъ агентовъ въ украинскіе города на осно-

татъ однимъ изъ источниковъ непосредственнаго знакомства обѣихъ Русей.

Симпатіи Карпатокой Руси къ Россіи нашли собѣ лучшее выраженіе въ немногочисленныхъ, появившихся въ печати народныхъ пѣсняхъ, разсказахъ и лѣтописныхъ записяхъ. Такъ: взятіе Хотина русскими 1739 г. было воспѣто народомъ въ пѣснѣ— «Въ славномъ мѣстѣ подѣ Хотиномъ, гей, гей у потоку— Бѣсѣя турокъ изъ москалемъ больше якъ пѣвъ року» (Головацкій— Пѣсни I, 21 стр.); военные успѣхи и походы русскихъ армій XVIII в. заносились карпаторусскими грамотѣями въ лѣтописныя записи на поляхъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ¹⁾; солдатская пѣсня о легендарномъ Суворовѣ плѣнила, повидимому, воображеніе галицкаго крестьянина и вошла въ составъ его нѣсеннаго ревертуара (Головацкій III² стр. 11—13 и двѣ пѣсни 13—14 стр.); помощь русской арміи, оказанная Австріи противъ Угорщины, явилась сюжетомъ для угрорусской народной пѣсни— «Та бо чей насъ поратую сила Москалева» и надежды, что «Русскій Богъ поможетъ» (Г. А. де-Волланъ— Угрорусскія народ. пѣсни 161—162 стр.).— Анекдоты о могуществѣ русскаго царя, о сноромъ пришествіи его войскъ для занятія Галичины, о заботахъ его о благосостояніи земледѣльца и объ его ненависти къ «панамъ и жидамъ» въ большемъ ходу еще и нынѣ среди галицкаго, мазурскаго и русскаго населенія²⁾. Наряду съ

ванціи грамоты Петра Великаго 1707 г. (Арх. юго-западной Россіи, ч. I, т. XII, стр. 614).—О русскихъ торговцахъ книгами въ Австрійской Сербіи и о запретѣ имъ являться въ угро-нѣмецкія границы 1728 г. см. Опис. дѣлъ и документы Архива св. Синод. т. II, ч. I. Прилож. 355 стр. и П. А. Кулаковскаго—Начало русской школы у Сербовъ 101 и 139 стр.

1) См. А. С. Петрушевича—Гал.-русская сводная лѣтопись 1701—1772—1800, съ дополненіемъ и нами—Описи рукописей Народнаго Дома и Митрополической бібліотеки во Львовѣ. Въ нихъ есть довольно много выписокъ, свидѣтельствующихъ объ интересѣ Карпатской Руси для событій въ Россіи.

2) См. М. Павлика—*Moskalofilstwo między ludem ruskim Galicyi i Bukowiny*, статьи въ газетѣ *Kurjer Lwowski* 1884 г., №№ 311, 312, 321, 322, 324, 326 и 329; Громадскій Голос 1906 г.; тѣ-же статьи дополненныя и исправленныя и отдѣльно, п. з. *Москвофилство та українофилство серед австро-руського народу*. Льв. 1906.

этими политически-общественными анекдотами народъ разсказываетъ много интересныхъ вещей о проворности, хитрости и плутовствѣ «москалів і російських салдатів»¹⁾.

Отношеніе народной массы къ Россіи отразилось и на карпаторусской интеллигенціи, которая, поддаваясь — какъ народнымъ симпатіямъ, такъ и руссофильству своихъ славянскихъ сосѣдей чеховъ, словаковъ и сербовъ, привѣтствовала восторженными одами главнѣйшія событія русской жизни. Укажемъ только на оды по случаю смерти Александры Павловны, супруги угорскаго палатина 1804 г. («Матеріалы» 8 стр.); А. Духновича «Оду на триумфъ Ніколая царя Россіи, егда на турковъ воевавъ, напрасно чрезъ Дунай устроеннымъ мостомъ, въ Болгарію съ всею силою перейшолъ Ісаакчу и Ісмаиль и прочія крѣпости взялъ 1 октовріа 1829» и «Стихи на взятіе Варны 12 октовріа 1829²⁾» и И. Головацкаго — Пѣніе радостнаго голоса... Николаю I... при высочайшемъ выѣздѣ до города Вѣдня 1845 (изд. 1848 г. и въ «Русской книгѣ для чтенія» 1860).

Словомъ — «москали, русская сила, русскій Богъ» не были, повидимому, противны Карпатской Руси и пользовались у нея значительными симпатіями.

Говоря о сношеніяхъ карпаторусскихъ монастырскихъ и церковныхъ просителей и жалобщиковъ съ Московской Русью XVII и нач. XVIII вв., мы отмѣтили образъ ознакомленія Россіи съ Карпатской Русью. Такъ какъ въ то время экономически-пра-

1) См. В. Гнатюка — Гал.-руські анекдоти 187—197 стр.; 29 анекдотовъ, собранныхъ случайно въ трехъ мѣстностяхъ бучацкаго, дрогобыцкаго и стрыйскаго повѣтовъ. Здѣсь слѣдуетъ указать еще на интересную лемковскую легенду о томъ «Коли московскій цар став християниномъ», содержащую смѣсь сказаній о посольствахъ Владимира и о крестѣ, видѣнномъ во снѣ царемъ Константиномъ (того же—Гал. руські народні легенди 185 стр.).

2) Библ. Народ. Дома во Львовѣ—рпк. «Забавки»—А. Духновича № 176, стр. 1 и сл..

вовое положеніе престоуародья заключалось въ естественномъ служеніи боярину-пану, нѣтъ ничего удивительнаго, что имъ не интересовались московскіе благодѣтели карпаторусскаго благочестія, а монахи-карпаторусы не обращали ихъ вниманія на него. Съ той же точки зрѣнія посмотрѣлъ на судьбу карпаторусскаго народа и русскій путешественникъ, Пѣшеходецъ Василій Григоровичъ-Барскій, изложившій свои впечатлѣнія о Карпатской Руси (1723—1724 г.) въ запискахъ ¹⁾. Если вѣрить первому издателю «Путешествія», В. Рубану, такъ эту книгу «тридцать лѣтъ... списываютъ съ превеликою жадностью всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающіхъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного знатнаго мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ Россійскихъ семинаріяхъ, для Епархіальныхъ Архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній, за великія деньги доставали оную» — что даетъ намъ полное право заключить, что русское общество, послѣ прекра-

1) *Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго Плахи Албова*, уроженца Кіевского, монаха Антіохійскаго *Путешествіе къ святымъ мѣстамъ* въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся, препринятое въ 1723 и оконченное 1747 году имъ самимъ писанное. Спб. 1778 г. 1-ое изданіе В. Рубана; мы пользуемся изданіемъ 1819 г. Критическое изданіе появилось въ «Трудахъ Православ. Палестинскаго общества 1885—1889 г.» съ литературно-біографическимъ очеркомъ Пѣшеходца пера Н. П. Барсукова.

Василій Григоровичъ, сынъ Кіевского купца, родился 1701 г., учился въ Кіевской Академіи, а 1723 г. отправился во Львовъ для лѣченія, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ кіевскимъ товарищемъ вписался 1724 г., подъ вымышленнымъ именемъ Барскаго, въ іезуитскую коллегію. — Онъ былъ, однако, уличенъ своими товарищами уніатами въ обманѣ, и какъ схизматикъ исключенъ изъ училища. Правда, благодаря благосклонности львовскаго уніатскаго епископа Аванасія Шептицкаго, его приняли обратно въ коллегію, но онъ уже не захотѣлъ продолжать ученіе и рѣшился отправиться въ Римъ. Это ему и удалось исполнить, благодаря тому же Шептицкому, львовскому католическому бискупу и монахамъ Василіанамъ изъ Львова и Крехова. — Все это, какъ и свое путешествіе отъ Львова, на Самборъ, Угорцы въ Грушевъ и Бачку до Будапешта, Григоровичъ-Барскій излагаетъ въ указанномъ «Путешествіи» 3—17 ст. — Григоровичъ-Барскій умеръ въ Кіевѣ 1747 г. и былъ похороненъ подъ восточной стѣной академической свято-троицкой церкви на Подоляхъ.

щенія непосредственныхъ сношеній съ Карпаторусскими монахами-просителями и жалобщиками, имѣло возможность знакомиться съ церковно-общественной жизнью Карпатской Руси по запискамъ Григоровича-Барскаго.

Съ экономически-гражданской жизнью Карпатской Руси русское общество стало знакомиться только послѣ отечественной войны по запискамъ и воспоминаніямъ русскихъ офицеровъ, а затѣмъ частныхъ путешественниковъ ¹⁾.

Прочитывая нынѣ извѣстія русскихъ офицеровъ и путешественниковъ о Карпатской Руси и сравнивая ихъ съ современными имъ записками-воспоминаніями Краттера ²⁾, Карпинскаго ³⁾, Завадскаго ⁴⁾ и другихъ ⁵⁾—мы убѣждаемся, что русское общество получило сразу советъ новыя, очень вѣрныя, хотя далеко не полныя, свѣдѣнія о покореніи австрійской Руси. Мало того, эти случайные русскіе бытописатели Прикарпатъя, оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ единовѣрьи, стали чаще обращать вниманіе на единоплеменность Карпатской Руси съ Малой и Великой

1) См. О. Глинка—Письма русскаго офицера, ч. I. Москва 1815 г.; А. М. Данилевскій—Журналъ путешествія изъ Вѣны въ Венгрію, (Сынъ Отеч. 1816 г. 84-ая кн.); В. Броневскій—Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 г., Москва 1828 г.; А. Глагодевъ—Записки русскаго путешественника, Спб. 1837 г. и 1845 г.; Суворовскій-ратникъ—Записки о походѣ въ Италію 1799 г. въ Москвитанинѣ 1844 г. № 1 и Журн. Мин. Народн. Просв. 43 кн. и М. Д. Лихутинъ—Записки о походѣ въ Венгрію 1849 г. Москва 1874 г.—все относящееся къ Карпатской Руси было извлечено нами и пересказано въ «Материалы» 4—15 стр.

2) Ср. Briefe über jetzigen Zustand von Galizien, Leipzig 1786, I—147, 151—153, 217—230 стр. о галицкомъ крестьянствѣ и 154—188 стр. о шляхтѣ.

3) Fr. Karpińskiego—Pamiętniki, Lwów 1849 г. 103 стр.—положеніе угорскихъ крестьянъ; 109 стр.—своєвольіе магнатовъ и 145 стр.—судьба крѣпостныхъ.

4) Wł. Zawadzki—Literatura w Galicyi 1772—1848, Lwów 1878 г. I cz. o германизаци; о томъ же см. у Z. Kaszkowskiego—Mój pamiętnik z lat 1833—1848. Lwów, 1899 г. 23 стр. и сл.

5) См. Meciszewski—Listy Galicyjskie. Supraśl 1843 и пересказъ—дополненіе Listów въ брошюрѣ Obecny stan Galicyi. Paryż 1843 г. 53 стр. 160.—Литература вопроса, впрочемъ очень богата; это преимущественно воспоминанія и записки польскихъ дѣятелей 1-ой половины XIX в.

Русью и такимъ образомъ вызывать въ русскомъ обществѣ новыя чувства симпатіи къ единоплеменникамъ, а быть можетъ и класть основанія позднѣйшимъ мечтамъ о культурномъ и политическомъ объединеніи.

Причину неполноты воспоминаній и записокъ русскихъ военныхъ путешественниковъ о Карпатской Руси слѣдуетъ видѣть въ условіяхъ военного времени, забросившаго туда случайно одного и другого мемуариста и давшего имъ возможность такъ же случайныхъ наблюденій. Нельзя тоже забывать о томъ, что эти военные мемуаристы смотрѣли на Карпатскую Русь глазами современнаго русскаго передового общества. Такъ, оставаясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ тяжелаго положенія крестьянъ въ Россіи, офицеры—путешественники Глинка, Броневскій, Глагожевъ, Суворовскій Ратникъ и Лихутинъ—обращаютъ главное вниманіе на бѣдность, темноту и пьянство Карпаторусскаго крестьянства. Они находятъ, однако, возможнымъ поправить судьбу этого крестьянства съ помощью насажденія ремесла и художества на мѣсто устранинной винной продажи (Глинка 182 стр.). Свобода, по мнѣнію того же автора, погубила бы галицкое крестьянство, такъ какъ оно еще не созрѣло для нея (180 стр.), тѣмъ болѣе, что хорошій помѣщикъ долженъ видѣть въ благоденствіи крестьянъ и собственное преуспѣяніе (183 стр.). — Броневскій опять обратилъ вниманіе на непомѣрные оброки, панщизняныя работы, панское своеволие и большіе налоги, немилосердно давившіе народъ (56 стр.)—не забывъ, однако, кольнуть современное руссійское правительство указаніемъ на кроткое отношеніе австрійскаго правительства къ крестьянству и на его заботы объ ограниченіи шляхетскаго буйства (57 и сл.). На то же своеволие панства и рабство мужицтва обратилъ вниманіе и Суворовскій Ратникъ (156—157 стр.).

Что болѣло въ свое время на душѣ руссійскаго подданнаго дома, на это онъ обращалъ вниманіе и за границами Россіи и, говоря позже о томъ въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, онъ—хотя косвенно—обличалъ свои домашніе «порядки». Лучше другихъ

опредѣлилъ всю тяжесть домашнихъ порядковъ въ Россіи Лихутинъ — указаніемъ на отвѣтъ галицкихъ мужиковъ, не желавшихъ якобы присоединенія къ Россіи изъ-за пановъ и исправниковъ, которымъ въ Россіи слишкомъ много воли дано (23 стр.). Тотъ же авторъ говоритъ съ умиленіемъ о сознательно гордомъ отношеніи свободнаго крестьянина къ своему бывшему властелину-пану и радуется благоустроенности галицкихъ селъ и мѣстечекъ, чего онъ въ сосѣднихъ російскихъ губерніяхъ не замѣчалъ (19 стр.).

Глинка (120 стр.), Броневскій (192 стр.) и Глаголевъ (149 стр.) обрадовались находкѣ единоплеменныхъ карпатскихъ славянъ, но они и не подумали о возможности или желательности присоединенія ихъ къ Россіи. Мысль о присоединеніи Галичины къ Россіи не была чуждой, однако, російскому правительству¹⁾. Такъ — правительство Екатерины II сопротивлялось передачѣ гор. Львова Австріи въ 1772 г. Послѣ окончательнаго присоединенія Галичины къ Австріи въ правительственныхъ сферахъ Россіи появляется мысль о необходимости ревиндикаціи Галичины, такъ какъ посредствомъ ея легче было бы рѣшить восточный вопросъ. Александръ I, мечтая о соединеніи польскихъ земель подъ своей рукой, предлагалъ Австріи шлезско-баварское княжество въ замѣнъ за западную Галичину (1805 г.). Когда же Россія получила въ 1809 г. Тернопольскій округъ, Александръ I далъ генер. Голицыну тайную инструкцію: привлекать къ Россіи населеніе Галичины, утверждая въ немъ убѣжденіе, что Россія — дѣйствуя противъ Австріи, считаетъ ихъ благо своимъ собственнымъ; Галицкая милиція должна быть авангардомъ русской арміи; стремиться перейти и Вислу, такъ какъ интересъ Россіи требуетъ самаго широкаго распространенія въ Галичинѣ²⁾. Россій-

1) Резюмируемъ выводы проф. С. Аскенази въ предисловіи къ *J. Leszczyńskiego—Rządy gosyjskie w Kraju Tarnopolskim 1809—1815. Lwów 1904 г. VI—XII и XXI—XXXIII стр.*

2) Проф. Аскенази ссылается на Михайловскаго-Данилевскаго: Война Россіи съ Австріей 1809 г., ркп. въ Архивѣ Генер. Штаба въ Спб.

скій же комиссаръ генераль Дохтуровъ получилъ тоже инструкцію отъ императора Александра I, въ которой возлагается ему въ обязанность увѣрить австрійскихъ комиссаровъ, передававшихъ часть восточной Галичины Россіи, что «я никогда не переставалъ пещись, чтобы она (Австрія) сохранилась въ цѣлости и настоялъ въ томъ, чтобы она понесла ущербъ сколько можно менѣе»¹⁾).

Кратковременное правленіе Россіи въ Тернопольскомъ краѣ осталось вѣрнымъ инструкціямъ Александра I. Губернаторъ Тейльсъ сумѣлъ снискать себѣ симпатіи польской шляхты—своимъ великосвѣтскимъ салономъ и привлеченіемъ ея къ участию въ псевдоавтономномъ правленіи, а народа—плательщика податей облегченіемъ и распредѣленіемъ податнаго бремени и ограниченіемъ рекрутскаго набора. Народъ, стонавшій до сихъ поръ подъ непосильнымъ бременемъ военныхъ податей—наличными, провизіей и рекрутами—долженъ былъ съ радостью встрѣтить російскія облегченія и надолго запомнить ихъ себѣ. Въ виду чего донесеніе російскаго посланника графа Татищева изъ Вѣны 1828 г. императору Николаю I о томъ, что жители тернопольской и залѣщицкой земли благословляютъ годы, проведенные

1) См. *Румянцевскій музей*.—Бумаги генерала-отъ-инфантеріи Д. С. Дохтурова № 113. Этотъ номеръ состоитъ изъ десяти дѣлъ, изъ которыхъ самыя важныя бумаги и акты по размежеванію части старой Галиціи, 2 окт. 1809 г. уступленной Австріей Россіи: 1) Инструкція ген. Дохтурову, кою онъ уполномочивается избрать тѣ округа, «коихъ присоединеніе по Вашему усмотрѣнію наивыгоднѣйшимъ вы признаете»; 2) письмо статсъ-секретаря гр. Румянцева отъ 18 янв. 1810 г. къ ген. Дохтурову о возстановленіи картеля съ Австріей насчетъ взаимной выдачи бѣглецовъ; 3) письмо уполномоченнаго російскаго двора д'Анштетта отъ 10 февр. 1810 г. изъ Львова къ Дохтурову опредѣлить точно граничную линію, которой безъ російскаго пропуска нельзя переходить «aucun individu d'une classe inférieure», такъ какъ «d'après des notions particulières, mais sûres, il commence à y avoir des émigrations furtives des paysans de la partie de la Galicie, destinée à être réunie au sceptre de la Russie»—и 4) отношеніе графа Румянцева отъ 20 мар. 1810 г., которымъ Дохтуровъ извѣщается о принятіи императоромъ заключеннаго имъ договора съ австрійскими комиссарами и о подаркахъ для нихъ—по золотой табакеркѣ съ изображеніемъ императора и 2000 червонцевъ для министерской канцеляріи.

подъ російскимъ скипетромъ, и плачутъ о быломъ счастьѣ, являются не пустымъ патетическимъ восклицаніемъ, а близкимъ къ истинѣ положеніемъ¹⁾).

Послѣ окончательной передачи всей восточной Галичины Австріи, на основаніи рѣшеній Вѣнскаго конгресса 1815 г., правительственные круги Россіи продолжали заниматься вопросомъ

1) См. Leszczynski — op. cit. 68—69 стр. М. Hagariewiczъ въ *Annales ecclesiae ruthenicae*, p. 871 nota, изображаетъ, однако, положеніе крестьянства немножечко иначе: «Occupatio provinciae Tarnopolensis per Russos exinde perennat in memoria Ruthenorum, ibidem habitantium, quod nobilitas polonica cum officialistis russicis mox intimam amicitiam ad hoc iniverit, ut contra organisationem regiminis austriaci eriperet agricolis ruthenis agros, et abrogeret scholas pro agricolis introductas, quod indigat nota officii circularis ad Consistorium Metropolitanum ruthenum Leopoliense de dato 16 Julii 1818 № 5631, postquam haec provincia Austriae restituta fuerat, sequentibus verbis: «In diesem unter der russischen Regierung in allen Zweigen der inneren Verwaltung und Kultur vernachlässigten Kreise...» — Это мнѣніе Гарасевича оказывается очень одностороннимъ и основаннымъ на невѣрныхъ сообщеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ *донесеніе на доорной австрійской Комисіи отъ 25 декабря 1809 г. императору Францу I*, въ которомъ — между прочимъ говорится: «Diesen letzteren Befehl (eine neue Kon-skription des abzutretenden Districtes zu verlangen) scheint man den von einzelnen galizischen Insassen dem Fürsten Galitzin und selbst auch unmittelbar dem Petersburger Hofe übergebenen Anzeigen, dass nämlich aus den an Russland wahrscheinlich abzutretenden Gegenden sowohl von österreichischer als von warschauer Seite viele Menschen unter die Waffen genommen worden seien, zuschreiben zu müssen, und dieses verrätherische Andringen an Russland, gegen welches der Hass der Nationalen im Allgemeinen noch weit mehr als gegen Österreich entbrannt ist, giebt einen neuen Beleg von dem werthlosen und unkonsequenten Charakter dieses Volkes» — см. Leszczynski op. cit. 23 стр. и приложение 169 стр. Боже подробное опредѣленіе «des werthlosen und unkonsequenten Charakters dieses Volkes» находимъ въ донесеніи австр. комиссара Дике отъ 11 севр. 1810 г.: «Die Stutzigkeit der Insassen gegen die Kreisämter vorzüglich im Zaleszczyker Kreise, war gleich anfänglich bei Wiedereintretung in ihre Wirkung sehr gross. Kein Befehl wurde befolgt, keine Steuer entrichtet, kein ausgeschriebenes Naturale geliefert... Die Beamten wurden einer Menge Insolenzen von Seiten der Insassen ausgesetzt... General Suworow... den Landesinsassen sehr hold, unterstützt sie... Suworow erklärte, keine Exekution geben zu wollen... das russ. Kaiserl. Militair, theils mit unserer Executions—Verfassung unbekannt, theils in seinem gewöhnlichen Mistraden durch die Vorspiegelungen der Insassen, «dass diese Ausschreibungen nur von den Deutschen erfunden seien um die Insassen vor ihrem Abzug noch recht zu schinden, stützig gemacht, verweigerte nicht nur die Executionen, sondern vereinigte sich mit den Intriguen, vielleicht auch durch andere Mittel gewonnen...» *ibidem* 30—31 стр. и 172 стр.

о присоединеніи Галичины. Такъ—въ 1829 г. варшавскій генеральный штабъ разсматривалъ планъ вооруженнаго вступленія въ Галичину, а императоръ Николай I былъ даже готовъ въ 1846 году мирнымъ путемъ приобрести отъ Австріи Галичину—древнюю русскую землю, взаменъ за Польшу до Бзуры и Вислы. Генералъ Паскевичъ считалъ это настоящей мѣрой, такъ какъ легче управлять краемъ со смѣшаннымъ населеніемъ, пребывающимъ въ постоянныхъ спорахъ другъ съ другомъ, чѣмъ страной со сплошнымъ польскимъ населеніемъ. Впрочемъ, «Галичина была и раньше русскимъ краемъ, и нынѣ живутъ въ ней православные и униты»,—докладывалъ тотъ же генералъ.—Таково было отношеніе російскаго правительства къ Галичинѣ¹⁾.

Выразителемъ правительственнаго мнѣнія въ мемуарахъ, относящихся и къ Галичинѣ, является адъютантъ ген. К. Паскевича—Д. П. Сонцовъ²⁾. Самыми важными являются заключительныя положенія «Записки о Галиціи 1846 года», указывающія на «приверженность къ русскимъ по всей Галиціи. Краковъ желалъ и просилъ о присоединеніи его къ русско-польскимъ владѣніямъ. Польская шляхта послѣ страшныхъ избиеній въ прошлую зиму сообразила разницу между правительствами Австрійскимъ и Русскимъ. Они ясно стали сознать безопасность и спокойствіе въ будущемъ подъ могущественнымъ правленіемъ Россіи, смуты и неувѣренность въ достояніи и жизни подъ властію Австріи. Народъ племени Славянскаго, нѣкогда сильнаго Галицкаго княжества—достояніе древней Руси—большею частію вѣры греческой—уніаты, всегда желалъ и жаждалъ быть при-

1) Очень подробно изложенныя причины необходимости и обязанности Россіи занять Карпатскую Русь находимъ въ копіи записки графа М. Н. Муравьева—«Взглядъ на Австрію», составленной около 1840 г., послѣ путешествія графа изъ Курска черезъ Галичину въ Карловы Вары. (Имп. Публичн. Библ., рукоп. F. II. № 244, л. 19 об.—25 об. «Взглядъ на положеніе православія и уніи въ Австр. провинціяхъ»). Эта копія была изготовлена въ 1869 г. на 25 л., поступила же въ Библіот. въ 1900 г., см. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1900—1 г. стр. 234, 11).

2) См. *Матеріалы* 15—16 стр.

соединеннымъ къ Россіи. Слабое невоинственное австрійское войско, такъ убито морально, особенно со времени его постыднаго бѣгства изъ Кракова (въ 1815 г.—см. I гл. Записки), что достаточно одного слова и нѣсколько баталіоновъ — и Галиція наша». То же самое выходитъ и у Муравьева.

Такъ же стали думать о Галичинѣ и славянофилы 60—80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, что — пока не входитъ въ кругъ нашей работы.

2.

Учебно-ученыя сношенія съ Карпатской Русью. Вызовъ угорорусовъ—Балудьянскаго, Кукольника, Лодія и другихъ. Дѣятельность Орлая и Венелина.

Выдающіяся реформы учебнаго дѣла въ Россіи послѣднихъ двухъ столѣтій, XVIII и XIX, какъ учрежденіе архіерейскихъ школъ и семинарій для кандидатовъ священства — послѣ 1721 г., организація среднихъ училищъ и университетовъ при Александрѣ I и введеніе классическаго образованія при министрѣ Толстомъ — привлекали каждый разъ и Карпатскую Русь къ участию въ нихъ.

Такъ, когда, послѣ изданія «Духовнаго Регламента» 1721 г., предписывавшаго архіереямъ учреждать школы для малограмотныхъ кандидатовъ въ священство¹⁾, потребовались въ новооткрытыхъ духовныхъ семинаріяхъ учителя съ высшимъ образованіемъ, ихъ стала поставлять — на ряду съ Кіевской и Московскою академіями — и Карпатская Русь. Укажемъ за проф. Н. И. Петровымъ²⁾ на нѣсколькихъ учителей изъ карпаторусовъ въ архіерейскихъ училищахъ: «*Василій Ивановичъ сынъ Ли-*

1) См. Регламентъ духовной, статья «о епископахъ», пунктъ б: «Велимъ ко исправленію Цркви полезно есть сіе, чтобъ всякъ Епископъ имѣлъ въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ...» і и ѿ. п-ты.

2) См. Значеніе Кіевской Академіи, Кіевъ 1904 г.

щинскій родомъ изъ Перемышля польскаго, что за Львовомъ» училъ въ интимѣ и фарѣ Вятской семинаріи съ 1735 до 1738 г. (ор. cit. 76—77 стр.); *Эммануилъ Софроній Ивановъ сынъ, родомъ изъ Золочева*, монахъ, а затѣмъ іеромонахъ, преподавалъ въ Черниговской коллегіи 1737 г.—пятику, 1738 г.—былъ префектомъ семинаріи и преподавалъ реторику, а въ 1739 г. онъ преподавалъ реторику уже въ Московской академіи (ibid. 33—34 стр.); въ той же Черниговской коллегіи преподавалъ въ 1737 г. — грамматику и синтаксисъ іеромонахъ *Пафнутій Захаржевскій изъ Львова* (ibid. 34 стр.). Въ 1740 г. доносить нижегородскій епископъ Іоаннъ Дубинскій въ Святѣйшій Синодъ, что «отъ преосвященнаго Рафаила, архіепископа Кіевскаго, по просительнымъ моимъ письмамъ чрезъ нарочно посланныхъ на моемъ коштѣ для такогожъ латинскаго діалекта обрѣтающихся при домѣ моемъ учениковъ обученія присланы два человѣка польской націи—*воеводства русскаго города Львова шляхетскія дѣти греческаго исповѣданія Василій Θεодоровъ сынъ Кунашевичъ, Никита Алексѣевъ сынъ Доманевской*», учившіе въ его семинаріи грамматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ (ор. cit. 46 стр.). Кромѣ этихъ исторически-личныхъ свидѣтельствъ объ участіи русскихъ Карпатянъ въ учебномъ дѣлѣ Россіи XVIII в. имѣются еще и вещественныя свидѣтельства — это наличность рукописныхъ латинскихъ конспектовъ богословія и богословско-схоластической философіи, составленныхъ львовскими, креховскими и лавровскими василіанами, обрѣтаемыхъ въ монастырскихъ бібліотекахъ Югозападной Руси¹⁾. Эти рукописи, повиди-

1) См. Лилеева М. И. — Описаніе рукописей Черниговской духовной семинаріи, ркп. № 14; Лаврская бібліотека въ Почаевѣ и бібліотека Волын. духов. семинаріи въ Житомирѣ имѣютъ каждая по нѣсколько номеровъ такихъ конспектовъ... Укажемъ для примѣра по «Систематическ. каталогу» И. Тихомирова номера латинскихъ богословскихъ рукописныхъ конспектовъ, составленныхъ во Львовѣ, Креховѣ, Добромилѣ и Лавровѣ, обрѣтающихся въ Волынской духовной семинаріи: 1854—8, 1861—4, 1866—70, 1877, 1885, 1888, 1890, 1894, 1900, 1921, 1937, 1938, 1948, 1949, 1951 и 1955. — Въ той же бібліотекѣ находятся еще рукописи того же содержанія и происхожденія изъ Загоровскаго монастыря. Это №№ 58, 59, 62—4, 140 и 340.

мому, были занесены въ югозападнорусскіе василіанскіе монастыри карпаторусскими монахами, или же списаны уже въ монастырскихъ лицахъ съ подлинниковъ и ихъ копій.

Дальше константированія факта, что карпаторусскіе учителя дѣйствовали въ архіерейскихъ и духовныхъ училищахъ Россіи XVIII в. намъ, пока, нельзя пойти. Зато дѣятельность карпаторусскихъ ученыхъ въ эпоху Александра I и Николая I, если и не особенно богата педагогическими успѣхами, все таки ознаменовалась рядомъ выдающихся событій. Такъ — карпаторусскіе ученые явились, наряду съ другими, одними изъ первыхъ пионеровъ высшаго образованія въ Россіи; они стояли за свободу изслѣдованія и ученія въ то время, когда эта свобода подвергалась свирѣпому гоненію со стороны необразованной и грубой бюрократіи; наконецъ они были первыми карпаторусами, старавшимися обратить вниманіе русскаго общества на его зарубежныхъ соплеменниковъ. Займемся обстоятельнѣе этимъ вопросомъ.

Желая имѣть въ новоучрежденныхъ училищахъ, Педагогическомъ институтѣ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, опытныхъ педагоговъ съ высшимъ образованіемъ и владѣющихъ, хотя бы только отчасти, русскимъ литературнымъ языкомъ, организаторы высшаго образованія въ Россіи начала XIX в. (мин. народ. просвѣщ. Завадовскій, гр. Потоцкій, Новосильцевъ) обратили свое вниманіе — между прочимъ — и на Карпатскую Русь, для которой русскій языкъ не былъ чуждъ. Офиціальныи вызовъ педагоговъ послѣдовалъ подъ конецъ 1803 г. Со стороны правительства дѣйствовали гр. Потоцкій и Новосильцевъ; на достойныхъ же приглашенія угрорусовъ указывалъ угрорусинъ, штабслѣкаръ и гофхирургъ И. С. Орлай¹⁾. Для

1) См. «Матеріалы», письмо Орлая къ Виліе отъ 1 февр. 1873 г. и изданіе «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ» изд. 2-ое 1881 г. 183 стр., статью Н. В. Кукольника, и 202—205 стр., статью Н. Лавровскаго.

занятія мѣсть въ новооткрытомъ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и учительской гимназіи были призваны Михаилъ Андреевичъ Балудьянскій¹⁾, Василій Григорьевичъ Кукольникъ²⁾ и Петръ Дмитриевичъ Лодій³⁾. Юристъ Балудьян-

1) Русскіе изслѣдователи историки, передавая мадьярское правописаніе Baludyanski, пишутъ Балудьянскій, забывая о томъ, что слово пагуаг, они передаютъ русскимъ, фонетически вѣрнымъ, мадьяръ.

Балудьянскій, Мих. Андр. (1769—1847 г.) уроженецъ Карпатской Руси (см. Русская Мысль 1880 г. мартъ ст. «Голосъ изъ Угорской Руси»), проходилъ гимназію и философію въ Уйгелі и Кошицахъ, а университетъ окончилъ въ Вѣнѣ. Съ 1789—1796 г. онъ состоялъ учителемъ великоварадинской академіи, а 1796—1803 г. преподавалъ государственное право въ пештскомъ университетѣ. Съ осени 1803 г. онъ читалъ право въ педагогическомъ Институтѣ и работалъ въ комисіи Сперанскаго по составленіи свода законовъ. Продолжая свою педагогическую дѣятельность, онъ состоялъ 1809—1816 г. директоромъ законодательной комисіи и далъ цѣлый рядъ проектовъ; 1813—1817 г. преподавалъ политическія науки Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816—1819 года состоялъ деканомъ философско-юридическаго факультета педагогическаго института, а съ 1819—1821 г. былъ первымъ ректоромъ с.-петербургскаго университета. Съ 1826 г. онъ издавалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ Сводъ Законовъ, выпустивъ ранѣе сочиненіе подъ загл. «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ», которымъ положилъ основаніе русской политико-экономической терминологіи (см. Сухоминовъ — Изслѣд. и статьи I, стр. 246). Послѣ изданія Свода Законовъ, Балудьянскій былъ назначенъ сенаторомъ и статсъ-секретаремъ. — См. статью П. Баранова — М. А. Балудьянскій... (біографическій очеркъ), Спб 1882 г. 44 стр. 80.

2) Кукольникъ, Вас. Григ. (1765—1821 г.), происходилъ изъ окрестностей Мукачева, учился въ Львовской академіи и затѣмъ занялся изученіемъ агрономіи, плодомъ чего явились «Dzieło ekonomiczne» въ 5-ти частяхъ и 12 номеровъ журнала «Dziennik ekonomiczny». Впослѣдствіи принялъ мѣсто преподавателя математико-естественныхъ наукъ въ замостыскомъ лицей, а съ осени 1803—1820 г. читалъ физику, а затѣмъ право въ Спб. педагогическомъ институтѣ. Въ это время онъ издалъ: Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній 1805 г., Экономическій Журналъ, 3 части — 1807 г., Начальныя основанія римскаго гражданскаго права и Начальныя основ. сельскаго домоводства 1810 г., Нач. основ. русскаго частнаго гражданскаго права 1813 г., Частное гражданское право 2 части — 1816 г. и 2 части Руководства къ преподаванію римскаго права 1821 г. — Илья Андр. Безбородко ученикъ Кукольника, рѣшившись учредить высшее учебное заведеніе въ Малороссіи, поручилъ ему организацію своей гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, куда Кукольникъ и переѣхалъ въ августѣ 1820 г., какъ первый директоръ. — См. статью Н. Кукольника въ изданіи «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко» 2-ое изданіе 1881 г., 181—189 стр.

3) Лодій, Петръ Дмитр. (1764—1829 г.), угорусинъ по происхожденію, преподавалъ 1787—1801 г. логику и метафизику во Львовскомъ университетѣ

скій и математикъ-философъ Лодій, состояли въ это время профессорами, первый—пештскаго, второй—краковского университетовъ и заявили себя солидными работниками науки. Кукольникъ же, занимавшійся первоначально теоретической агрономіей, преподавалъ въ это время математико-естественныя науки въ Замостьскомъ лицѣѣ. Всѣ три угрорусина владѣли однимъ изъ русскихъ нарѣчій; по воспитанію же своему и образованію въ духѣ славяно-россійской школы—они знали и литературный славяно-россійскій языкъ, на которомъ профессоръ Лодій читалъ даже лекціи во львовскомъ университетѣ 1787—1801 г. и далъ переводъ философіи Баумейстера. Они и явились такимъ образомъ подходящими въ данное время людьми.

Примѣру С.-Петербургскаго педагогическаго института послѣдовалъ и Харьковскій университетъ, нуждавшійся въ 1805 г. сильно въ профессорахъ. Въ виду чего университетскій совѣтъ послалъ въ Угорщину своего члена Филиповича для совершенствованія въ наукахъ и найма учителей. Проф. Филиповичъ и нашелъ для Харькова 9 лицъ учителей изъ угорскихъ славянъ¹⁾,

на славяно-русскомъ и латинскомъ языкахъ; 1790 г. издалъ «Наставленія любомудрія» Хр. Баумейстера; 1801—1803 г. состоялъ профессоромъ философіи и математики въ Краковскомъ университетѣ. Перейдя въ Россію онъ читалъ логику, метафизику и нравственную философію въ педагогическомъ институтѣ 1803—1819 г., а право—естественное и частное, публичное и государственное въ высшемъ училищѣ правовѣдѣнія. Въ это время онъ далъ переводъ «Естественнаго права» Цейлера 1809 г., 1-ю ч. «Уголовнаго права» Фейербаха 1810 г., «Логическія наставленія» 1815 г. и «Теорію общихъ правъ». Съ 1819 г. до смерти онъ состоялъ профессоромъ права и философіи въ Спб. университетѣ. См. Сухомлинова—Изсл. и статьи I, стр. 249 и сл.; В. Григорьевъ—Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія, Примѣчаніе № 20.—«*Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различію истиннаго отъ ложнаго*» профессора Спб. унив. Лодія признаны въ 1820 г. Ученымъ Комитетомъ «опаснѣйшими по нечестію и разрушительнымъ началамъ». Въ доносѣ въ Ученый Комитетъ, въ которомъ засѣдали Руничъ и Магницкій, было упомянуто и о томъ, что Лодій, превосходя открытостью нечестія и Куницына (автора «Права естественнаго») и Галича (професс. философіи въ Спб. унив. 1820 г.), занимаетъ въ университетѣ мѣсто декана и преподаетъ естественное право.—См. Скабичевскій: Очерки исторіи русск. цензуры, 1892 г. 132 стр.

1) См. Г. П. Данилевскій, Украинская старина, 306 стр.

между ними угорусовъ: Павловича ¹⁾, Дудровича ²⁾ и Билевичей ³⁾.—Дѣятельность этихъ лицъ, однако, была болѣе скромной, чѣмъ Балудьянскаго, Кукольника и Лодія. Это объясняется, какъ степенью ихъ образованія — на родинѣ они были обыкновенными учителями гимназій, какъ Дудровичъ и М. В. Билевичъ, или же только кончили университетъ, какъ Павловичъ, а И. В. Билевичъ былъ только директоромъ народнаго училища — такъ и личнымъ характеромъ, сказавшимся особенно у М. В. Билевича въ охотѣ наживы и доноительства. Впрочемъ, по свидѣтельству Г. П. Данилевскаго (ор. cit. 307 стр.) ректоръ Харьковскаго университета, И. Рижскій, предложилъ еще въ 1805 г., чтобы «стараться въ округѣ имѣть учителей изъ великороссіянъ, для избѣжанія того, дабы учащіеся не навыкли

1) Павловичъ, Конст. Павл., угорскій дворянинъ, род. 1782 г., окончилъ университетъ въ Пештѣ со степенью доктора свободныхъ художествъ и философіи 1806 г., а годъ спустя былъ вызванъ Филиповичемъ въ Россію и опредѣленъ учителемъ естественныхъ наукъ въ земли войска Донскаго, а затѣмъ въ харьковскую гимназію. Въ 1811 г. онъ читалъ въ харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта, римское право. — См. Д. Багалъй—Опытъ ист. харьков. университета, I, стр. 508.

2) Дудровичъ, Андр. Иван., родился около 1780 г., учился въ гимназій въ Будѣ, а университетъ кончилъ въ Пештѣ, прослушавъ математику, физику, естественную исторію, технологію, философію, всемірную исторію, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику и право. Затѣмъ онъ изучалъ угорское право и политическія науки въ Кошицахъ и сталъ присяжнымъ нотариусомъ въ Пештѣ. Послѣ перехода въ Россію онъ преподавалъ въ Черниговской гимназій (подлежавшей вѣдѣнію Харьковскаго университета) естественныя науки, технологію и коммерцію, въ Харьковъ же перевелся только въ 1811 г., какъ преподаватель вышеупомянутыхъ предметовъ и латинскаго языка въ высшихъ классахъ. Выдержавъ въ 1814 г. предписанный экзаменъ, онъ былъ избранъ адъюнктомъ по философіи, которую преподавалъ въ университетѣ уже съ 1812 г. — Багалъй, ор. cit. 509.

3) Билевичъ, Мих. Вас. проходилъ такъ называемую философію (высшую гимназію) во Львовѣ и Пряшевѣ 1799—1802 г., университетъ же прошелъ въ Пештѣ по юридическому факультету 1802—1806 г. Вызванный Харьковскимъ университетомъ въ Россію, онъ былъ назначенъ учителемъ философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣвер. гимназію, въ которой онъ впоследствии преподавалъ и нѣмецкій языкъ и естественныя науки, «получая за усердіе въ службѣ повышение въ чинѣ». Благодаря содѣйствію И. С. Орлая, директора Гимназій высшихъ наукъ, онъ былъ переведенъ въ Нѣжинъ учителемъ нѣмецкаго языка 1821 г. Выдержавъ экзаменъ на профессора политическихъ

неправильному произношенію російскаго языка», — а «славяно-россійскій» языкъ карпаторусовъ быть навѣрно, не очень бѣденъ неправильностями произношенія. Въ виду чего и въ виду увеличенія мѣстныхъ культурныхъ силъ — приливъ карпаторусскихъ учебныхъ силъ въ Россію естественно долженъ былъ прекратиться. Къ тому же сама карпатская Русь перестала производить болѣе выдающіяся педагогическія силы — объ чемъ свидѣтельствуешь между прочимъ исторія Казанскаго университета.

Послѣ разгрома Казанскаго университета «попечителемъ» Магницкимъ 1819—1820 гг., послѣдовало высочайшее повелѣніе: «для поподненія отыскать способныхъ профессоровъ и въ другихъ учебныхъ округахъ, предпочтительно же изъ русскихъ, а въ случаѣ недостатка выписать и изъ чужихъ краевъ, но тоимо

наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ сталъ старшимъ профессоромъ этого предмета въ той же гимназіи. (См. Архивъ Гимн. Высш. наукъ кн. Безбородке въ Нѣжинѣ 1823 г., Дѣло о чиновникахъ 146 л. и Дѣла 1820—1821 г. 292 л. и 315 л., Послужной списокъ Билевича).— Денщип свои читалъ Билевичъ по сочиненіямъ де-Мартини, Кукольника (римск. и русск. гражд. право) и А. Смита (полит. эком.). Какъ общественный дѣятель, онъ былъ ретроградомъ въ родѣ Рувича въ Магницкаго; на своихъ товарищѣхъ въ гимназіи онъ доносилъ, что они распространяютъ вредныя идеи Канта и Шада (1827 г.).—См. Гимн. высш. наукъ и Лиц. кн. Безбородке, 1881 г., статью Н. Лавровскаго, стр. 70, 84 и сл.

Билевичъ, Ив. Вас. родился 1774 г. Окончивъ педагогическіе курсы во Львовѣ въ 1798 г., онъ учительствовалъ въ народномъ училищѣ въ Садагорѣ и Вацковцахъ, а затѣмъ служилъ повѣтчикомъ и переводчикомъ во Львовской губерніи. Съ 1798—1808 г. онъ былъ директоромъ главнаго народнаго нѣмецкаго и волошкаго училищъ въ Сочавѣ, откуда и переселился—по приглашенію Филиповича—въ Россію учителемъ нѣмецкаго и французскаго языка въ Курскую гимназію. Унавъ отъ брата Мих. Вас., что съ еге переходомъ на кафедру политическихъ наукъ освободится кафедра нѣмецкаго языка, Иван. Вас. проситъ Орлая о назначеніи его на это мѣсто. Мѣсто получилъ галицкій нѣмецъ, львовянинъ Зингеръ. Желая чѣмъ-нибудь наградить себя за потерю хорошаго мѣста И. В. Билевичъ проситъ Орлая въ 1824 г. о принатіи его сына казеннокоштнымъ пансіонеромъ гимназіи — въ чемъ тоже отказано. — [См. Архивъ Гимназ. высшихъ наукъ кн. Безбородко 1822 г. № 1, Дѣло о чиновникахъ 81 л., 84—87 л. послужной списокъ; 1823 г. Дѣло о чиновн. — прошеніе Билевича о каедрѣ нѣм. яз. 87 л.; 1824 г. Текущія дѣла 94—95 л. — писъмо Билевича къ Орлаю о сынѣ. Журналъ конференціи 1824 г. 134 л. — отказъ; 1824 г. Исходящія бумаги, 6 л. и Дѣло о чиновн. 27—36 л. и 74—75 л. дѣла Зингера].

не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ»¹⁾. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ, исполняя этотъ указъ, явился со слѣдующей докладной запиской: «для замѣщенія каедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи [полит. экон., нат. ист., химіи и метал., теор. и опыт. физ., технол., анат., физіол. и судеб. врачевн. науки, врачевн. веществословія и фармаціи, хирург., повивальн. искуств., скотолеч., греч. словесн., древности и лат. словес.]. За симъ слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи, но въ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. *Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ, которая защищаетъ доселѣ племена Славянскія отъ духа философізма.* Но извѣстно, что правительство Австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Россовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ [С.-Петербургскомъ] каедръ, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ него сюда людей. Одинъ слѣдовательно остается для сего способъ — непосредственное сношеніе правительствъ. По сему приѣмлю смѣлость испрашивать, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы Министерство наше Иностранныхъ Дѣлъ вошло въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, для пріобрѣтенія ученыхъ изъ Карпато-Россовъ къ занятію въ Казанскомъ университетѣ праздныхъ каедръ». Было соизволено²⁾ — вполнѣдствіи, однако, профессоръ изъ карпаторусовъ въ Казанскомъ университетѣ не оказалось.

1) См. Н. П. Загоскинъ—Исторія импер. Казанскаго универ., Каз. 1904 г. III т., 311 стр.

2) Сборникъ постановленій по Министерству Народн. Просвѣщенія, т. I, стр. 1357—1358, № 469.

Новые выходцы изъ Карпатской Руси не появлялись въ Россіи, продолжали дѣйствовать только раньше вызванные, Бальдьянскій и Лодій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. Послѣ смерти В. Г. Кукольника 1821 г. мѣсто директора Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ получилъ придворный докторъ И. С. Орлай¹⁾. Мы и остановимся на дѣятельности этихъ лицъ.

Правительство Александра I, отличавшееся большимъ либерализмомъ въ первое десятилѣтіе его царствованія, стало постепенно—подъ вліяніемъ западноевропейскихъ событій—переходить къ реакціи, которая послѣ отечественной войны и событій 1813—1815 гг. окончательно и воцарилась на русскомъ дворѣ.

1) Иванъ Семеновичъ Орлай родился въ Угорской Руси 1770 г., оставивъ мѣсто учителя гимназіи въ Вел. Карловцахъ въ Угорщинѣ, весной 1791 г. прибылъ въ Россію, гдѣ и учился въ Спб. медико-хирургическомъ училищѣ до 1793 г. (Проф. Кочубинскій въ соч. «Начальные годы русск. славяновѣдѣнія» 228—229 стр. ошибочно утверждаетъ, что Орлай былъ вызванъ въ Россію Новосилцевымъ въ 1804 г.). Послѣ окончанія мед.-хирург. училища Орлай состоялъ военно-больничнымъ врачомъ, а затѣмъ помощникомъ ученаго секретаря Медицинской коллегіи. Получивъ правительственную стипендію, Орлай изучаетъ медицину въ вѣнскомъ университетѣ 1794—1797 г. Возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ прошелъ всю учено-чиновничью лѣстницу, отъ больницы до директорства въ Нѣжинской гимназіи 1821—1826 г. и въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣ 1826—1829 г., онъ былъ: штабсъ-лѣкаремъ, помощникомъ лейбъ-медика, ученымъ секретаремъ Мед.-хирург. Академіи, гоф-медикомъ, сотрудникомъ придворнаго доктора бар. Виліе по изданію «Полевой фармакопеи», членомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Германіи, почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ Общества ист. и древн. русскійскихъ — За границу онъ ѣздилъ 1806 г. для полученія степени магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кенитсбергскомъ университетѣ, а затѣмъ 1810 г. и около 1820 г. — До полученія мѣста директора въ Нѣжинѣ онъ думалъ о кафедрѣ медицины въ Московскомъ университетѣ, что, однако, бар. Виліе отсовѣтовалъ ему. — (См. Арх. Гимн. высш. наукъ въ Нѣжинѣ: 1820 г. 285 л. Копія указа министру А. Н. Голицыну отъ 16 сент. 1821 г. о назначеніи Орлая директоромъ гимназіи; 1822 г. дѣло «О чиновникахъ» № 1, л. 63 и сл. Послужной списокъ Орлая; 1824 г. «Текуція бумаги» 83—84 л. и 86 л. Вопросъ о кафедрѣ въ Моск. университетѣ. — Эти матеріалы были использованы Н. Лавровскимъ и Н. В. Кукольникомъ въ изданіи «Гимназія высш. наукъ и Лицейки-Безбородко», Спб. 1881 г. 40—53, 61—63, 183, 202—205 стр.—Объ Орлаѣ — директорѣ Ришельевского лица въ Одессѣ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ въ своей «Автобіографіи». Спб. 1886 г. 79—81 стр.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ послѣдствій этой реакціи явились разгромъ Казанскаго университета и судъ надъ профессорами С.-Петербургскаго университета—Раупахомъ, Германомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Эти профессора обвинялись въ распространеніи безбожія, противогосударственныхъ началъ, словомъ въ порчѣ молодежи ¹⁾. Профессорскій судъ, въ присутствіи попечителя университета Рунича, состоялся въ 1821 г. Ректоромъ университета былъ въ то время проф. Балудьянскій, въ судѣ же принималъ участіе и деканъ — юридическаго факультета проф. философіи Лодій. Оба профессора угрорусина выступаютъ, вмѣстѣ съ остальнымъ незначительнымъ большинствомъ профессоровъ нѣмцевъ и нѣсколькихъ русскихъ, въ защитѣ обвиненныхъ, т. е. въ защитѣ поправной свободы университетскаго преподаванія и научнаго изслѣдованія ²⁾. Это выступленіе Балудьянскаго и Лодія является нынѣ шагомъ большого значенія, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, что австро-угорская Русь начала XIX в., хотя и была уже заражена духомъ рабскаго лоялизма и фанатическаго клерикализма, все же таки — подъ вліяніемъ нѣмецкаго философскаго критицизма (Балудьянскій учился въ Вѣнѣ, Лодій же былъ поклонникомъ философіи Вольфа) успѣла дать выдающихся защитниковъ свободы человѣческаго духа. Если же вспомнимъ, какія надежды возлагалъ министръ Голицынъ въ своей докладной запискѣ государю на карпаторусовъ, чуждыхъ «духа философизма», такъ мы и убѣдимся, что Балудьянскій и Лодій, не оправдавъ надеждъ реакціоннаго правительства, явились лучшими представителями прогрессивныхъ элементовъ своей родины.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что Балудьянскій, Кукомъ-никъ, Лодій и Орлай оставались въ довольно близкихъ сноше-

1) См. Сухомлиновъ—Изслѣдованія и статьи I, 307—337 стр. Истор. записка проф. Пайсова.

2) Ibidem, объ участіи Балудьянскаго въ дѣлѣ профессоровъ Спб. университета 303—305, 311, 313, 315, 319, 323, 331—332 стр.; объ участіи Лодія 311, 315, 319—320 стр.

ніяхъ со Сперанскимъ, принимая вмѣстѣ съ нимъ живое участіе въ дѣятельности Библейскаго Общества, масонской с.-птб. ложи и либеральныхъ кружковъ. — Лодій же посовѣтовалъ Сперанскому вызвать изъ Львова масона Фесслера и былъ свидѣтелемъ пріянія Сперанскаго въ ложу 1810 г.¹⁾

Къ характеристикѣ дѣятельности Лодія слѣдуетъ прибавить еще то, что онъ, по свидѣтельству намѣстника львовскаго василіанскаго монастыря — В. Компаневича, обогатилъ монастырскую библіотеку цѣнными пожертвованіями въ книгахъ²⁾. Оба же дѣятеля вмѣстѣ съ Кукольниковъ и Орлаемъ, оставались въ сношеніяхъ съ василіанскимъ игуменомъ во Львовѣ Модестомъ Гриневецкимъ³⁾.

Самую живую, однако, дѣятельность направленную преимущественно къ тому, чтобы познакомить русское общество съ положеніемъ своей родины, проявилъ угорусинъ И. С. Орлай. Онъ былъ причастенъ къ вызову карпаторусскихъ ученыхъ — Балудьянскаго, Кукольника и Лодія — въ Россію; а самое главное — онъ далъ двѣ статьи по исторіи Карпатской Руси и вошелъ въ сношенія съ современными учеными этнографами, Ходаковскимъ и Кеппеномъ, и такимъ образомъ содѣйствовалъ пробужденію интереса у русскихъ ученыхъ къ Карпатской Руси.

Во II-ой книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» 1804 г. появилась статья «Исторія о Карпато-Россахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ, съ ними случившихся». Редакція журнала, помѣщая статью, напечатала слѣдующее заявленіе: «Сію статью получили мы отъ надворнаго совѣтника Орлая, одного изъ карпатороссіянъ, служащихъ нынѣ при вы-

1) См. А. Н. Пыпинъ. — Общественное движеніе... ¹ стр. 303—311.

2) См. письмо В. Компаневича къ М. П. Погодину отъ 23 февр. 1837 г. въ «Письмахъ изъ слав. земель» 538 стр.

3) Ibidem.

сочайшемъ дворѣ штабъ-лѣкаремъ. Сообщаемъ оную нашимъ читателямъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что они конечно не равнодушно читать будутъ извѣстія о своихъ единоплеменникахъ, о коихъ наши историки весьма мало упоминають».—Оставляя пока въ сторонѣ «филологическія» разсужденія Орлая, въ которыхъ онъ старается, на основаніи звукового сходства отдѣльных словъ, опредѣлить происхожденіе названій «Русь — Варяги — Угры», мы остановимся только на его историко-общественныхъ выводахъ. Итакъ—Орлай утверждаетъ, что предками Угорской Руси являются кіевскіе русичи, вызвавшіеся провожать мадьяръ въ Паннонію черезъ Волинь и Галичину за Карпаты, поселившіеся въ окрестностяхъ Оросъ-Варъ. Это произошло подъ конецъ IX в. Впослѣдствіе переселенія русскихъ въ Угорщину происходили еще въ 1113 г. (Оросъ-Фалва), 1285 г. въ Шаршскую землю, 1299 г. въ Мукачевское княжество и въ 1339 г. подъ начальствомъ князя Феод. Коріатовича¹⁾. Русскіе переселенцы, однако, пользовались наравнѣ съ мадьярами и куманами одинаковыми правами завоевателей земли²⁾, а только со временемъ мадьяры «не признали ихъ за своихъ союзниковъ и лишили ихъ тѣхъ правъ, на коихъ основывался общій договоръ для пріобрѣтенія земель»³⁾. На основаніи этихъ посылокъ, Орлай приходитъ къ слѣдующему выводу⁴⁾. «Карпатороссіяне, лишась отечества, закона прародительскаго, свободы славянскому благодородству свойственной, платятъ нынѣ за неосновательныя предпріятія праотцевъ своихъ, переселившихся изъ Россіи въ вольную Паннонію, кажется, только для того, чтобы невиннымъ образомъ отторгнутые отъ тѣла своего, служили по слабости своей посмѣяніемъ сильному другому народу. Сколь непостояненъ жребій народовъ, и что переселенія не были полезны потомкамъ,

1) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г., кн. II, стр. 158—172 и кн. III, стр. 263 и сл. и перепечатка въ «Матеріалахъ». стр. 56—83.

2) Ibidem II, 171 стр.

3) Ibidem II, 172 стр.

4) Ibidem III, стр. 281—293.

- еще и теперь намъ доказываетъ Молдавія и Валахія, населенныя повелителями міра римлянами, подпавшими нынѣ подъ иго тѣхъ народовъ, коихъ они называли варварами. Сего жребія должны ожидать и Американскіе переселенцы, кои съ хорошимъ намѣреніемъ переселены; но кто можетъ отвѣчать за непостоянство сего благоденствія и за всегдашнюю ихъ связь съ Метрополією?
- Такъ отдѣлялись отъ своего тѣла и другіе народы, и *потомъ* *яко Обри* (какъ говоритъ Несторъ). *Чѣмъ народъ единоплемennыи и болѣе сосредоточенъ, тѣмъ онъ единомысленнъ, сильнѣе и важнѣе; чѣмъ болѣе находится между имъ иноплемennыхъ, тѣмъ болѣе несогласій, неудачи въ предпріятіяхъ, какъ въ Турціи, въ Австріи. Потому то гораздо полезнѣе народъ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять; выподнѣ смежныхъ единоплемennиковъ соединять, нежели искать владѣній въ отдаленности...* Я же съ моей стороны надѣюсь, что сіе краткое начертаніе подастъ поводъ Русскимъ Писателямъ подробнѣе войти въ сіе столь по моему мнѣнію достопамятное происшествіе переселенія Карпато-Россіянъ, для пополненія Россійской исторіи, не отрекаясь и далѣе любезнымъ моимъ соотечественникамъ съ моей стороны служить въ открытіяхъ путей сокровенныхъ до части сей, если дойду только до прямого источника.

Свое обѣщаніе Орлай сдержалъ вполнѣ. Будучи избраннымъ въ члены соребнователи Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ въ 1815 г., онъ послалъ въ Общество статью «на польскомъ языкѣ касательно жителей Малой Россіи, сирѣчь бѣлой, червонной и черной Россіи — которую — опредѣлено разсмотрѣть въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій»¹⁾. Съ этого времени начиная, частыя сношенія Орлая съ Обществомъ ист. и древ. рос. не прекращаются. Онъ направлялъ въ Общество записки, рукописи и книги, относящіяся преимущественно къ

1) См. Записки Общества ист. и древ. рос. засѣд. 1-ое отъ 9 февр. 1815 г. 12 стр.

исторіи Югозападной Руси¹⁾, а въ 1824 г. письмо-статью «О Югозападной Руси», напечатанную въ «Трудахъ и запискахъ Общества ист. и древн. росс.» 1826 г. I, стр. 220—228²⁾.

Эта статья оказывается болѣе широко задуманной и болѣе живой, чѣмъ первая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Орлай старался въ ней обратить вниманіе русскаго общества, въ первомъ же ряду — членовъ историческаго Общества, на нѣкоторыя неправоильности въ сочиненіяхъ русскиѣ историковъ относительно судьбы Южной Руси. Къ этимъ неправоильностямъ принадлежатъ: употребленіе названія «венгры» — съ польскаго *węgorz* (!) —

1) Укажемъ на главнѣйшіе предметы сношеній: въ 3-мъ засѣданіи Общества отъ 16 іюня 1815 г. было читано отношеніе Орлая съ приложеніемъ латинской книжки, содержавшей нѣкоторые законы Симлезскихъ славянъ и 10-ти латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненій 1590—1796 гг. Въ 7-омъ засѣданіи отъ 29 февр. 1824 г. было «читано письмо д-ра И. С. Орлая къ г. секретарю Общества, въ коемъ помѣщены любопытныя свѣдѣнія о нашихъ однородцахъ карпатороссахъ, говорящихъ Кіевскимъ Русскимъ нарѣчіемъ, къ сему письму присоединены: 1) Проектъ князя Сапегы (копія на польскомъ съ переводомъ) объ уничтоженіи греко-росс. исповѣданія, 2) Образчикъ Чернорусскаго Галичскаго нарѣчія [это письмо З. Д. Ходаковского къ Орлаю отъ 15 stycznia 1820 г. — было напечатано какъ приложение Б.) въ протоколахъ 7 засѣданія Общества за 1824 г.], отдѣльно же — Хроника, писанная 1670 г. [это Кройника густынскаго монастыря, см. Полн. собр. русск. лѣтоп.], 2) Замѣчанія о Малороссіи съ 25-ью раскраш. изображеніями сословныхъ представителей отъ гетмана до крестьянина, 3) три статьи касательно запорожскихъ казаковъ [2) — 3) определено отдать д. ч. Д. Н. Бантышъ-Каменскому на разсмотрѣніе: замѣчанія Бантышъ-Каменскаго были напечатаны, какъ приложение А) къ протоколамъ за 1824 г.], 4) Славянская миеодрія по нѣмецки Кайсарова и 5) указы конца XVII в. о собираніи травъ и доставленіи ихъ въ Аптекарскій магазинъ. — Въ 11-мъ засѣданіи того же года была получена отъ Орлая рукопись Ригельмана о Донскихъ казакахъ, о казакахъ малороссійскихъ и 8 грамотъ малоросс. гетмановъ. — Въ 1826 г. въ засѣданіи отъ 28 янв. разсматривается рукопись «Поученія митрополита Фотія» (жившаго въ XV в.), подаренная Орлаемъ; въ засѣд. же отъ 26 марта поспѣваетъ отъ Орлая «Краткое описаніе православ. монастыря на горѣ Чернекъ близъ Мункача», а въ засѣд. отъ 17 мая было получено Обществомъ сочиненіе «Scriptores regum Moscovitarum». — См. «Записки» и «Лѣтописи Общества» за указанные годы. — Въ изданіи же Строева — «Библиотека Имп. Общества ист. и древ. росс.» М. 1845 г. I, № 200 «Исторія... о листрійскомъ... ферарскомъ соборѣ» и книга «Трактъ или путь изъ Цареграда до Іерусалиму и до иныхъ святыхъ мѣстъ» 128 стр. значатся подаренными Орлаемъ въ бібліотеку Общества.

2) См. «Матеріалы» 41—46 стр.

вмѣсто русскаго «угры». Карпатская Русь не Польша, въ виду чего русскіе ошибаются, наполняя эту Русь въ своихъ географическихъ, статистическихъ и описательныхъ сочиненіяхъ «болѣе поляками, нежели природными ея жителями русскими» (ор. cit. 223 стр.). Такъ же неестественнымъ является и то, что «самые писатели русскіе галицкіе и поднесъ еще не приняты въ число русскихъ писателей, каковыми они въ самомъ дѣлѣ были, а причислены къ литературѣ польской: я здѣсь говорю о Зиморовичѣ, котораго рукопись хранится въ Львовскомъ монастырѣ¹⁾; объ Окшичѣ Ореховскомъ... о Хоткевичѣ²⁾ и многихъ другихъ...» (224 стр.). Не менѣе важно заняться русскимъ историкамъ разборомъ богатаго архивнаго матеріала, хранимаго въ галицкихъ городскихъ архивахъ, такъ какъ съ его помощью можно будетъ пролить много свѣта на исторію Руси вообще. Обративъ наконецъ вниманіе на сродство карпаторусовъ съ малорусами (225 стр.), Орлай излагаетъ судьбы своей родины — Угорской Руси, сохранившей по его мнѣнію — древнерусское нарѣчіе «гораздо чище нынѣшняго кievскаго» и кончаетъ свое письмо слѣдующими знаменательными словами: «Всѣ сіи обстоятельства, будучи достойны вниманія всякаго благонамѣреннаго русина и истиннаго сына отечества своего, доказываютъ необходимость вникать въ дѣла Южной Россіи со всевозможнымъ тщаніемъ, что найпаче предлежитъ сдѣлать гг. членамъ Историческаго Общества, и дабы можно было достигнуть въ преднамѣреваемомъ успѣхѣ, должно имѣть непосредственныя сношенія съ вышеозначенными мѣстами».

Необходимость познакомиться сѣвернорусамъ съ историческими судьбами Карпатской Руси была, повидимому, любимой мечтой Орлая, такъ какъ изложенные выше выводы находимъ и въ его отвѣтѣ попечителю Харьковскаго учебнаго округа,

1) Хроника г. Львова.

2) Должно быть Ходикевичъ Климентъ, бывшемъ профессоромъ богословія во Львовѣ издавшемъ около 1747 г. «Dissertationes historico-criticae de episcopatu Leopoliensi ritus graeci».

предложившему основать историческое общество при Нѣжинской гимназіи¹⁾.

Совѣтуя сѣвернорусскимъ историкамъ знакомиться съ Карпатской Русью, самъ Орлай сохранилъ тѣсныя сношенія съ своей родиной до конца жизни: онъ посѣщалъ неоднократно Австрію, снабжалъ пряшевскую семинарію книгами, переписывался съ старшими угрорусами и принималъ близкое участіе въ развитіи младшихъ земляковъ. О послѣднемъ свидѣтельствуютъ лучше всего письмо къ Орлаю угрорусина Ляцкого и статья о Карпатской Руси И. Бережанина²⁾, полученная Орлаемъ въ Вѣнѣ 1827 г. и переданная П. И. Кеппену въ 1828 г.

Дѣятельность Орлая въ Россіи можно опредѣлить—на основаніи вышеизложеннаго—какъ одно изъ самыхъ живыхъ культурныхъ звеньевъ, соединявшихъ въ 1-ую треть XIX в. Карпатскую Русь съ Россіей. Балудьянскій и Лодій явились только представителями науки, за свободное развитіе которой они достойно ратовали. Въ общественной же дѣятельности они были довольно робки. Лодій подарилъ, правда, библіотекѣ львовскаго святооуфріевскаго монастыря собраніе историческихъ книгъ, но вмѣстѣ съ Балудьянскимъ не совѣтовалъ министру Голицыну входить въ непосредственныя сношенія съ Карпатской Русью, боясь навлечь на своихъ земляковъ преслѣдованія со стороны австрійскаго правительства. Не такъ отнесся къ этому вопросу Орлай. Непосредственное знакомство съ Карпатской Русью онъ считалъ необходимымъ источникомъ надлежащаго развитія русской исторіи, чему и посвятилъ лучшія страницы своей дѣятельности.

Продолжателемъ дѣятельности Орлая въ Москвѣ явился его землякъ Юрій Ивановичъ Гуда-Венелинъ. Венелинъ, подобно

1) См. Матеріалы, 36—41 стр.

2) См. Матеріалы, 46 стр. и слѣд.

Орлаю, кончилъ гимназію и такъ называемую философію на Угорщинѣ—въ Ужгородѣ и Сатмарѣ. Вписавшись во Львовскій университетъ 1822 г., онъ занимался древней исторіей и источниками по исторіи славянъ. Въ 1823 г. онъ оставилъ Львовъ и отправился въ Россію. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Кишиневѣ онъ переехалъ въ Москву, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и окончилъ его въ теченіе четырехъ лѣтъ со степенью врача 1829 г. Въ это время, однако, онъ продолжалъ заниматься древнѣйшей исторіей славянъ, особенно же болгаръ и, благодаря этимъ занятіямъ, вошелъ въ очень близкія сношенія съ Погодинымъ и кружкомъ московскихъ историковъ. Разносторонняя ученая дѣятельность Венелина, какъ историка и грамматика болгаръ, знатока славянской этнографіи и археологіи и кандидата на профессора славистики въ Московскомъ университетѣ, не входитъ въ кругъ подлежащей работы. Для насъ важна роль Венелина въ сношеніяхъ Карпатской Руси съ Россіей. Этимъ и займемся.

Въ 15-мъ номерѣ «Московского Вѣстника» 1828 г. появилась слѣдующая замѣтка Погодина: «Венелинъ... природный карпатороссъ, коротко знающій Венгрію, Трансильванію, Галицію, Болгарію, общалъ намъ доставлять свѣдѣнія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ» (278 стр.). Напечатанное при жизни Венелина († 1839 г.), не содержало почти ничего болѣе важнаго, чѣмъ относилось бы непосредственно къ Карпатской Руси. Несмотря, однако, на это, мы вправѣ—на основаніи сохранившагося рукописнаго матеріала—заключить, что Венелинъ навѣрно въ значительной степени содѣйствовалъ знакомству московскихъ учено-литературныхъ круговъ съ Карпатской Русью. Больше же всего, кажется, воздѣйствовалъ онъ въ этомъ отношеніи на своихъ сверстниковъ—молодежь, которая—по свидѣтельству Погодина—очень его любила¹⁾. — Въ бумагахъ Венелина, кра-

1) См. Барсуковъ—Жизнь и труды Погодина, V, стр. 36.

нящихся въ библіотекѣ «Общества ист. и древ. росс.»¹⁾ и въ Румянцевскомъ Музеѣ, находимъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ Южной и Карпатской Руси. Къ послѣднимъ принадлежатъ: № 38. Нѣсколько словъ о Россіянахъ Венгерскихъ и также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви въ Венгріи, 10 л. F^o, составлено въ Кишиневѣ около 1823—24 г.; № 15. Мадьярскія слова, взятые изъ русскаго языка, 1 л. F^o и № 98. Пословицы карпаторусскія 1 л. F^o ²⁾).

Главныя мысли, высказанныя Венелиномъ въ этихъ статьяхъ, сводятся къ слѣдующему: Угорская Русь одного происхожденія съ Кіевской, Волынской и Галицкой частями древней Руси. Такъ какъ она отошла отъ общерусскаго центра — она и пала: часть можетъ существовать только въ цѣломъ, но никакъ не самостоятельно (№ 38).—Хотя южане и сѣверяне отличаются другъ отъ друга многими чертами, все-жъ-таки ни сѣверяне, ни южане сами себя источникомъ быть не могутъ, ибо сколько они не войдутъ въ самихъ себя, все выйдетъ одно и то же. Само собою разумѣется, что источникомъ многого хорошаго, многого поэтическаго для Сѣверной Руси есть Южная, источникомъ для Южной—Сѣверная. Одна безъ другой много бы потеряла; одна другою только и можетъ уллучиться, существовать: ибо ни та, ни другая не составляетъ цѣльнаго народа, а часть его. Такимъ образомъ и народная поэзія южанъ весьма много хорошаго можетъ сообщить Сѣверу, можетъ сообщить свою теплоту чувствъ, свою жизненность, свою драматургію. Обоюдный источникъ богатый, двадцати-милліонный! Какъ не порадоваться! — пишетъ Венелинъ въ книжкѣ «Объ источникѣ народной поэзіи вообще, и о южнорусской въ особенности» (Москва 1834 г. 55—56 стр.). Одно изъ лучшихъ звеньевъ, соединяющихъ отдѣльныя части

1) См. Е. И. Соколовъ—Библіотека Общества ист. и древн. російскихъ, Москва, 1905 г. стр. 567—596: Бумаги Ю. И. Венелина, и отдѣльный оттискъ изъ «Чтеній» 1899 г.

2) Эти статьи напечатаны нами въ «Матеріалахъ» 86—120 ст. вмѣстѣ со статьей № 10 Объ украинскомъ правописаніи 7 стр. F^o.

русского народа находить Венелинъ въ правописаніи, которое «должно быть постоянно: писать какъ уже разъ принято и повсемѣстно писать одинаково — тѣмъ болѣе, что — правописаніе, принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно русское не по преимуществу, но общерусское». — Не то говоритъ Венелинъ о великорусскомъ нарѣчіи, какъ о литературномъ общерусскомъ: оно литературное общерусское *par excellence*, подобно какъ французскій *langue d'oïl*, завладѣвшій наукой, литературой и образованнымъ обществомъ вмѣсто *langue d'oc*. И народъ понималъ это громадное значеніе единого литературнаго языка, стремясь инстинктивно къ объединенію. «Бѣда—заключаетъ онъ—когда мѣлкій языкъ раздробленъ на нарѣчія; тамъ тогда на всякой почти десятой верстѣ находятся карантинны и таможни, препятствующія общему мыслей и ощущеній. Такой народъ не можетъ развиваться и ознаменовать свое бытіе на поприщѣ историко-политическомъ» (№ 10).

Если Венелинъ знакомилъ московскихъ ученыхъ и литераторовъ съ Карпатской Русью, то выводы объ единоплеменности и о культурно-литературныхъ связяхъ играли въ этомъ знакомленіи не ничтожную роль. Въ этомъ отношеніи Венелинъ не только продолжалъ начатое своимъ землякомъ Орлаемъ дѣло, но и превзошелъ его, такъ какъ расширилъ и старался обосновать вопросъ объ единствѣ русскихъ племенъ, что и должно было только усилить ученый интересъ сѣвернорусовъ — непосредственно познакомиться съ Карпатской Русью.

Сравнивая начала, на какихъ происходили сношенія Карпатской Руси съ Россіей кон. XVIII и въ нач. XIX в., мы убѣждаемся, что на смѣну первоначальному древнему единовѣрію появились новыя начала: народъ, несшій непосильное иго панщины и австрійско-мадьярскаго бюрократизма, мечталъ о льготахъ и свободѣ и сталъ надѣяться на могущественнаго російскаго импе-

ратора, какъ на своего освободителя. «Заступались вѣдь московскіе государи за вѣру благочестивую православныхъ подданныхъ тогдашней Польши, отчего-жъ бы и російскимъ царямъ не заступиться за бѣдный народъ?»— На мѣсто древнихъ монаховъ—просителей и жалобщиковъ, радѣвшихъ только о благочестивой вѣрѣ, въ Россіи появились карпаторусы, ученые и образованные люди новаго вѣка. Они и принесли новое начало, одушевлявшее уже съ конца XVIII в. лучшую часть Западной Европы. Этими началомъ были племенное самосознаніе, любовь родины—ея свѣтлаго прошлаго и будущаго, желаніе возратить родинѣ прошедшую славу и мощь. Вотъ причины, почему на смѣну единовѣрью появились толки и доказательства объ единоплеменности.

Источникъ идеи объ единоплеменности, выдвинутой въ Россіи столь опредѣленно угрорусскими дѣятелями, слѣдуетъ искать въ современномъ умственномъ движеніи среди югозападнаго славянства. Угорскіе сербы, проживавшіе и учившіеся подъ конецъ XVIII и въ началѣ XIX в. въ Пештѣ и другихъ городахъ Угорщины, были вѣдь проникнуты и воодушевлялись симпатіями къ Россіи, какъ единственной независимой славянской державѣ. Тѣ же симпатіи были у словаковъ и чеховъ, посѣщавшихъ пештскій и вѣнскій университеты. Понятно, что эти симпатіи не могли не отразиться въ міровоззрѣніи горстки угрорусскихъ студентовъ, выступавшихъ впослѣдствіи первыми сознательными народными дѣятелями. Не безъ значенія, навѣрно, остались и симпатіи къ Россіи народной массы, изъ которой вышли эти дѣятели.

Съ другой же стороны нельзя обойти молчаніемъ усиленные изслѣдованія по исторіи, этнографіи и языку народа, вызвавшія—какъ среди славянъ, такъ и неславянъ—на границѣ XVIII и XIX вв. болѣе или менѣе ясное сознаніе о племенномъ родствѣ отдѣльныхъ племенныхъ группъ и сознаніе о необходимости національнаго и племенного единенія. Укажемъ только на чешско-словацкое возрожденіе, зарожденіе южнославянскаго илиризма и наконецъ на славянскую взаимность. Въ томъ же самомъ слѣ-

дуетъ намъ искать источникъ идей и выводовъ о племенномъ единствѣ Карпатской Руси — кромѣ Южной — и съ Сѣверной. Вѣдь изученіе древней Руси указывало на общее историческое начало, на общіе литературные памятники, на одинъ литературный языкъ — на сѣверѣ до половины XVIII в., въ Карпатской же Руси и понѣмѣ (нач. XIX в.). — Вотъ все то, что угрорусамъ давало право выступить съ положеніемъ о племенномъ единствѣ ихъ родины съ Россіей. И хотя уже тогда нѣкоторые сѣвернорусскіе современники, а тѣмъ болѣе ученые южнорусы, возставали противъ этого, замѣчая: «Вишь, какихъ русаковъ открылъ намъ!», такъ угрорусы вполне спокойно отвѣчали имъ: «Да, русаковъ по ихъ родинѣ, по ихъ происхожденію, по ихъ крови, а не по нынѣшнему ихъ языку, вѣрѣ и чувствованіямъ¹⁾».

Одушевленные этимъ открытіемъ, сознательные угрорусы стремились интегрировать то, что историческая жизнь разбила на частицы, желая такимъ способомъ сообщить своему мелкому, прибитому народу прежнее значеніе и новыя силы культурной жизни. Нареканія и жалобы на раздѣленность и на происшедшій отъ нея для Карпатскаго племени вредъ — съ одной стороны, указанія же на величіе и мощь древней княжеской Руси и нынѣшней Россіи — съ другой, внушали невольно мысль о причинно-послѣдовательной связи народнаго преусиѣнія и его политически-государственной независимости. Угрорусы не дошли, правда, до тѣхъ выводовъ, такъ какъ интересовались преимущественно вопросами исторіи, литературы и языка — поэтому они и заговорили только о племенномъ единствѣ. Это единство должно было — по ихъ мнѣнію — найти себѣ главное выраженіе въ общемъ литературномъ языкѣ и культурномъ развитіи. Замѣтить однако слѣдуетъ, что угрорусы, говоря о племенномъ единствѣ — родствѣ, были далеки отъ мысли подчинять свою Карпатскую или Южную Русь — Сѣверной, какъ «самой старѣйшей»

1) См. Ю. И. Венелинъ — О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россіею. Москва 1848 г. 9 стр.

или «настоящей» Руси. Русскія племена — по ихъ выводамъ — равноправные наслѣдники древней Руси.

ГЛАВА II.

(Интересъ къ славянству въ Россіи. Кеппенъ, Погодинъ и Срезневскій въ Карпатской Руси. Журнальныя статьи. Переписка и сношенія карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными. Чисто-научный характеръ этихъ сношеній въ первую половину XIX в. Значеніе русской науки въ умственномъ движеніи Галицкой Руси).

Уже дѣятельность угрорусовъ Орлая и Венелина могла явиться достаточной, чтобы вызвать въ русскихъ ученыхъ кругахъ историковъ и этнографовъ живой интересъ къ судьбамъ Карпатской Руси. Кромѣ нея, однако, въ 1-ую треть XIX в. появилось довольно много другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, заставившихъ русскихъ историковъ, этнографовъ и языковѣдовъ обратить вниманіе и на Карпатскую Русь. Итакъ: первоисточники русекой старины — лѣтописи и литературные памятники знакомили сѣвернорусскихъ ученыхъ съ Южной Русью, колыбелью русской державы и культуры. Тѣ же памятники посвящали не мало упоминаній и самой отдаленной части Русской земли — Карпатской Руси. Изученіе народной словесности опять указывало сѣвернорусамъ на Южную Русь, какъ на колыбель народнаго творчества; оно же приносило съ собой отзвуки галицкой колядки и бытовой пѣсни ¹⁾. Однимъ словомъ — русская наука, географія, исторія, этнографія, филологія были уже немыслимы безъ основнаго изученія, какъ отдѣльныхъ частей русской земли, такъ и славянства. Это прекрасно поняли русскіе ученые и радѣтели отечественной науки — гр. Н. П. Румянцевъ, митрополитъ Евгеній, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, кн. Церте-

1) См. «Матеріалы» 14—15 стр.

левъ, Павловскій, Калайдовичъ, Кеппенъ и другіе современники, старавшіеся пополнить этотъ пробѣлъ зарождавшейся русской науки изученіемъ быта, языка и исторіи Югозападной Руси и Славянства. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ стремлений явились путешествія русскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, а между ними и по Карпатской Руси.

Первымъ русскимъ ученымъ, посѣтившимъ въ научныхъ цѣляхъ Карпатскую Русь былъ *Петръ Ивановичъ Кеппенъ*.— Уроженецъ и воспитанникъ умственного центра Южной Руси— Харькова, Кеппенъ уже въ дѣтствѣ изучилъ, какъ южнорусское нарѣчіе, такъ и его словесность. Судя по библиографическимъ запискамъ Кеппена, источниками его знакомства съ Карпатской Русью были: вопросы, предложенные Россійской Академіей въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (1763, I, стр. 382 и 478), относившіеся къ «Бѣлой, Малой и Черной Русіи» и требовавшіе отвѣта «Отъ чего Галиція названа?»; статья Орлая въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 г.; исторія Карамзина I и VIII томы; замѣтка о галицкорусскихъ пѣсняхъ въ «Вѣстникѣ Европы» (102 ч. 47 стр.) и проектъ Ходаковского въ «Сынѣ Отечества» 1820 г.¹⁾

Цѣли своего пребыванія въ Карпатской Руси Кеппенъ опредѣлилъ очень ясно: собрать матеріалы о нарѣчіяхъ русняцкихъ²⁾, и опредѣлить границы карпато(чермно)русскаго нарѣчія въ Западной Галичинѣ³⁾.

О томъ, какъ Кеппенъ исполнилъ задуманный планъ узнаемъ изъ его путевыхъ записокъ и нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ имъ въ русскихъ журналахъ послѣ возвращенія въ Россію.

1) См. въ Библ. Акад. Н. ркп. отд.—П. И. Кеппена: Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ I, н-ра листочковъ 603—607.

2) См. письмо К—на къ Калайдовичу въ Сѣвер. Арх. 1823 г. V, стр. 18.

3) См. Bulletin de l'Acad. Impér. des Sciences de S.-Petersb. 1861. III, стр. 508 донесеніе К—на академику Кунику.

Первое, что поразило Кеппена въ граничномъ городѣ Галицкой Руси—Бродахъ, былъ языкъ народа, значительно отличающійся отъ южнорусскаго. — Прибывши подъ конецъ января 1822 г. во Львовъ, Кеппенъ первымъ дѣломъ посѣтилъ архивы и библіотеки. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказалъ ему ректоръ университета и прокураторъ галицкихъ Василианъ, д-ръ Модестъ Гриневецкій. Немногочисленные славянскія рукописи университетской и василианской библіотекъ, ровно какъ и старопечатныя книги послѣдней заинтересовали Кеппена больше всего. Затѣмъ онъ списалъ для Калайдовича надгробную надпись Ивана Оедорова и занялся библиографіей исторіи Львова, галицкой митрополіи и Галичины. Въ разговорахъ съ Гриневецкимъ онъ затронулъ вопросъ — о подложности учредительныхъ грамотъ кн. Льва, о западной границѣ Галицкой Руси и объ ея культурномъ прошломъ, причемъ не оставилъ безъ вниманія и нынѣшняго ея развитія. Однимъ изъ образчиковъ послѣдняго былъ «славено-россійскій» языкъ самого Гриневецкаго¹⁾.

Осмотрѣвши въ четыре дня всѣ достопримѣчательности Львова, Кеппенъ отправился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Березинымъ въ Перемышль. Здѣсь онъ познакомился съ каноникомъ Лавровскимъ, съ помощью котораго опредѣлялъ границы западныхъ галицко-русскихъ діалектовъ и мимоходомъ коснулся до статистики Галицкой Руси. Предметами разговоровъ съ Лавровскимъ были — малорусская литература, работы Котляревскаго, Павловскаго, Цертелева и труды митр. Евгенія. — Съ гр. Н. П. Румянцевымъ—Лавровскій оказался уже знакомымъ, списавъ по его порученію лѣтопись XVI в.²⁾, находившуюся въ то время въ его рукахъ. Съ каноникомъ Могильницкимъ Кеппенъ не успѣлъ познакомиться, хотя очень желалъ свидѣться съ первымъ галицкорусскимъ грамматикомъ³⁾.

1) См. «Путевыя записки П. И. Кеппена» въ «Матеріалахъ» 128—9 ст.

2) Этотъ списокъ находится нынѣ въ Библіот. Народ. Дома во Львовѣ № 217; см. наше «Описаніе 2» 27 стр.

3) І. Могильницкій работалъ въ то время надъ гал.-рус. грамматикой; ркп. хранится во Львовской митрополичьей библіотекѣ.

Въ Угорщинѣ Кеппенъ посвятилъ довольно много вниманія русскому островку въ Трансильваніи и семейству Балудянскихъ. — На обратномъ же пути въ Варшавѣ онъ возвратился еще разъ къ вопросу о западной границѣ Галицкой Руси, провѣривъ свои наблюденія съ помощью гр. Тарнавскаго изъ Дзикова¹⁾.

Непосредственное знакомство Кеппена съ Карпатской Русью дало нѣсколько хорошихъ інформаціонныхъ статей. Такъ — въ «*Запискѣ о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ*» (Библиограф. Листы 1825, № 33) находимъ цѣльную картину значенія Карпатской Руси для русской діалектологіи, географіи и исторіи. Въ 22-омъ номерѣ «Вѣстника Европы» 1828 г. появилась замѣтка Кеппена по статистикѣ Галичины, а съ 1836 г. небольшія замѣтки о литературномъ движеніи въ Галичинѣ стали появляться и въ Ж. М. Н. Пр.

Все это только содѣйствовало ознакомленію русскаго ученаго міра съ Карпатской Русью. Этимъ, однако, не исчерпывался интересъ Кеппена къ ней. Оставаясь подъ впечатлѣніемъ недавнихъ занятій карпаторусской діалектологіей, Кеппенъ пишетъ Добровскому въ августѣ 1823 г. о томъ, что нельзя смѣшивать карпаторусское съ бѣлорусскимъ, такъ какъ первое принадлежитъ нераздѣльно къ малорусскому; хотя возможно, что между бѣлорусскимъ и руснякскимъ (карпаторусскимъ) слѣдовало бы внести среднее — литовскорусское нарѣчіе²⁾. — Еще важнѣе являются заботы Кеппена объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Руководимый этимъ желаніемъ, онъ обратился къ Орлаю съ просьбой прислать ему образцы угрорусскаго нарѣчія—тогда онъ и получилъ статью И. Бережанина («Матер.» 46—56 стр.). Пользуясь приглашеніемъ славистовъ Шафарика и Челаковскаго въ книгохранилища Академіи Наукъ, Кеппенъ обратился 15 января 1830 г. къ секретарю Академіи, П. И. Соколову, съ пред-

1) См. въ «Матеріалахъ» выдержки изъ «Путевыхъ записокъ К—на».

2) См. И. В. Ягича — Источники для слав. филологіи, II, стр. 185 (Сборн. Ак. Н. 62 т.).

ложениемъ: «весьма полезно бы было для языкознанія, если бы одинъ изъ призываемыхъ филологовъ на пути въ Россію побывалъ въ странѣ, обитаемой карпатороссами, которые обыкновенно именуются русняками... всего полезнѣе бы было поручить г. Челаковскому, чтобы онъ на пути своемъ въ С.-Петербургъ провелъ нѣсколько времени въ сѣверновосточной Венгріи и въ восточной Галиціи, а потомъ во Львовѣ¹⁾». Объ этомъ предположеніи извѣстилъ Кеппенъ того же дня Ганку¹⁾, который опять передалъ все Челаковскому. Челаковскій откликнулся немедленно на эту вѣсть въ письмѣ къ Кеппену, пиша: «es kam mir vor, als wenn Sie diesen Gedanken in meiner Seele gelesen hätten... Dieser nach dem Russischen zunächst am meisten ausgebreiteter slavische Volksstamm ist in der That einer vorzüglichen Beachtung werth, und Nachforschungen über seine Sprache etc. sind an Art und Stelle um so nothwendiger, als die Litteraturschätze und Hilfsquellen so ganz unbedeutend sind, dass sie nicht einmal jenen der Lausitzer Slaven die Wage halten können»²⁾.

1) Ibidem 401—402 стр.

2) Ibidem 414 стр.

Для оцѣнки глубокаго пониманія К—номъ значенія южнорусскаго языка вообще укажемъ еще на слѣдующее: въ «Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ» Кеппена (т. I, 246—283 стр.; ркп. въ I Отд. Библ. Акад. Н. въ Спб.), въ «Малороссійскихъ» находимъ А. Павловскаго — Опытъ словаря Малороссійскаго нарѣчія 1826 г., содержащій «Предъизвѣщеніе» (2 л.) и буквы А—Б (16 л.)^{fº}, со слѣдующей припиской К—на на обложкѣ: «Сей опытъ малор. словаря составленъ по просьбѣ моей г. надов. совѣт. Алексѣемъ Павлов. Павловскимъ въ маѣ или іюнѣ 1826 г. Авторъ для соображеній заимствовалъ отъ меня Словаремъ Россійской Академіи — Речникомъ Српскимъ Вука Стефан. Караджича. По полученіи отъ г. Павл. сего опыта я представилъ оный его впресх. А. С. Шишкову, надѣясь, что можетъ быть Росс. Акад. поощрить составителя къ продолженію сего полезнаго труда. Г. Министръ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что уже одинъ небольшой Словарь Малоросс. нарѣчья былъ купленъ Академіей, которая изданіе онаго поручила Н. И. Гнѣдичу, Г. Калинину и кн. Цертелеву. Рукописный словарь сей былъ раздѣленъ на три части, изъ коихъ одна уже затеряна. По совѣту моему Г. Павловскій самъ явился къ А. С. Шишкову и получилъ отъ него обратно свой опытъ. Сиятъ, на первый случай, дѣло кончилось. Дабы однако трудъ не пропасть, я просилъ г. Павл. дозволить мнѣ оставить у себя сію рукопись, сообщивъ ему съ оной точную копію, на что онъ и

Наконецъ, важно еще и то, что Кеппенъ вызвалъ у каноника Лавровскаго цѣлый рядъ научныхъ интересовъ, послѣдствіемъ которыхъ явилась кратковременная переписка галицкаго ученаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ («Матер.» 138—141). Предметы трехъ писемъ Лавровскаго (1822—1823 г.) и отвѣта Кеппена 1825 г. чисто-научные: годъ написанія Остромирова Евангелія, его мѣсяцесловъ и полное факсимильное изданіе, списокъ лѣтописи для гр. Румянцева, историческій очеркъ и грамматика галицкорусскаго языка, руснякъ—русинъ—русскій, списокъ Волынской лѣтописи—вотъ и все, что занимало Лавровскаго, о чемъ онъ переписывался съ русскими учеными. Не за другимъ обращались къ нему и послѣдніе: списать лѣтопись для гр. Румянцева, помочь составить полный списокъ славянскихъ инкунабуловъ, принять въ даръ одно-другое изданіе, прислать статью для «Библиографическихъ Листовъ»—и конецъ непродолжительной перепискѣ.

Несмотря, однако, на эту непродолжительность переписки, каноникъ Лавровскій и его ближайшій современникъ Могилъницкій получили возможность не только расширить свои познанія по древнерусской письменности, но и проникнуть глубже въ нее и принять дѣятельное участіе въ зарождавшейся русской наукѣ.

Съ судьбами Карпатской Руси М. П. Погодинъ сталъ знакомиться довольно рано по тѣмъ немногочисленнымъ статьямъ, которыя появлялись въ отдѣльныхъ книжкахъ русскихъ журналовъ, по «Письмамъ русскаго офицера» Ѳ. Глинки и по исторіи Карамзина, вошедшимъ въ разрядъ его юношеской и студенческой лектуры¹⁾. Познакомившись въ 1824 г. съ членами Румян-

согласился, обѣщая мнѣ (8 окт. 1826 г.) въ послѣдствіи продолжать начатое имъ составленіе словаря, коего польза очевидна для каждаго просвѣщеннаго филолога, занимающагося словенскими языками.—П. Кеппенъ.

1) См. Н. Барсуковъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, I, стр. 4—9.

цевскаго Кружка, Общества исторіи и древностей російскихъ, а 1826 г. съ Кеппеномъ и Ходаковскимъ, Погодинъ могъ легко расширить свое знакомство съ этой частицей Русской Земли. Въ 1828 г. Погодинъ былъ уже настолько заинтересованъ неросійской Русью, что передалъ своему другу угрорусину Венелину отдѣлъ о Карпатской Руси въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Характеръ отношеній Погодина къ Карпатской Руси, до путешествія 1835 г., можно лучше всего опредѣлить его украинскими симпатіями, которыхъ онъ вовсе не скрывалъ. Такъ— въ 1829 г. Погодинъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ Котляревскаго въ Полтавѣ, Квитку и Артемовскаго въ Харьковѣ¹⁾. Затѣмъ онъ вошелъ въ дружескія сношенія съ Максимовичемъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ, лучшими представителями тогдашней Украины—Малороссіи. Малороссіей же, какъ сейчасъ увидимъ, Погодинъ считалъ и Галицкую Русь. Наконецъ нельзя забывать, что Погодинъ принадлежалъ уже въ то время къ историкамъ—патріотамъ школы Карамзина, преклонявшимся передъ древностью и величіемъ русской земли и мечтавшимъ о необходимости объединенія разъединенныхъ частей. Подобные объединительные планы—насчетъ славянскихъ племенъ—находимъ, независимо отъ русской исторической школы, и у дѣятелей славянскаго возрожденія, особенно чеховъ, словаковъ и сербовъ. Преданность официально провозглашеннымъ началамъ русской государственности—самодержавію, православію, народности—дополняетъ намъ эту бѣглую характеристику міровоззрѣнія Погодина въ періодъ его перваго путешествія по славянскимъ землямъ, т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства.

Галицкую Русь Погодинъ посѣтилъ впервые осенью 1835 г. на обратномъ пути отъ чеховъ въ Россію. Съѣхавшись во Львовѣ съ русскими путешественниками Д. М. Княжевичемъ, Н. И. Надеждинымъ, П. В. Киреевскимъ и кн. Крапоткинмъ²⁾, онъ

1) Ibidem II, стр. 315—325.

2) См. «Матеріалы» (ст. 142, вып. 2).

посѣтилъ съ ними Василянскій монастырь и познакомился съ игуменомъ Компаневичемъ, который обѣщался ему доставить нѣкоторыя старопечатныя книги и древнія рукописи. Такъ какъ проф. Завадскій былъ главнымъ руководителемъ Погодина по обозрѣнію Львова, Погодинъ перезнакомился въ этотъ разъ съ одними польскими учеными—Я. Н. Каминскимъ, Ю. Росцишевскимъ и К. Туровскимъ. И къ нимъ обратился Погодинъ съ просьбой доставлять ему древніе славянскіе памятники, рукописные и печатные, на что даже оставилъ у проф. Завадскаго известную сумму дукатовъ¹⁾. Наконецъ въ Бродахъ Погодинъ завязалъ сношенія съ комиссіонеромъ Гартенштейномъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное Погодинымъ изъ Галичины, было то, что «въ Галиціи есть множество любопытнаго и важнаго для русской исторіи»²⁾. Это «любопытное и важное» Погодинъ старался впослѣдствіе получить въ свое древнехранилище, какъ въ обмѣнъ за русскія книги, такъ и за деньги. Письма Завадскаго, Компаневича и Зубрицкаго, равно же случайно дошедшія до насъ письма Погодина къ Компаневичу и Вагилевичу даютъ намъ довольно цѣльную картину того, что перешло въ руки Погодина изъ Галичины. Такъ: сборникъ пѣсенъ Жеготы Паули (Завад.), Слова Ефрема Сирина XIII в., Іоанна Дамаскина — О священствѣ 1614 г. (?) [Комп.—Зубр.], Служебникъ 1702 г., Псалтирь 1704 г., Катавасія 1723 г., Апостолъ 1706 г., Евхологіонъ 1720 г., Служебникъ Страт. 1604 г. (?), Купчая 1421 г., Собраніе автографовъ южнорусскихъ и польскихъ дѣятелей XVII в., письмо патр. Мелетія, Требникъ Страт. 1606 г. (?) [Зубр.]—вотъ все то, что было послано или предположено послать (отмѣчено—?) Погодину изъ Львова. Изъ книгъ, посланныхъ Погодинымъ во Львовъ, слѣдуетъ отмѣтить: Исторію Карамзина въ 2-хъ экземплярахъ (Василянской библіотекѣ и Зубриц.), Сводъ законовъ, русскія лѣтописи и цѣлый рядъ изда-

1) См. «Письма къ М. П. Погодину» 531—532 стр. (письмо А. Завадскаго).

2) См. Барсуковъ, IV, стр. 329.

ній по русской исторіи и литературѣ — Зубрицкому, коробъ книгъ черезъ Княжевича на руки Компаневичу въ Василянскую бібліотеку и К. Туровскому.

Судя по довольно пренебрежительному отношенію Компаневича и его наслѣдника Терлецкаго, бібліотекарей монастырской бібліотеки, къ старопечатной книгѣ¹⁾, и по естественному стремленію — какъ Зубрицкаго, такъ и его младшихъ современниковъ получить многосодержательную новую русскую книгу, этотъ обмѣнъ былъ совершенно цѣлесоотвѣтствующимъ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ насъ еще болѣе то, что русская книга вызвала въ Галичинѣ оживленное умственное движеніе, древняя же книга, посланная Погодину, не только сохранилась до нашихъ дней и стала доступной широкимъ кругамъ ученыхъ, но и явилась живою связью культурныхъ интересовъ Карпатской Руси и Россіи.

Кромѣ полученія древней книги, Погодинъ желалъ еще познакомиться поближе съ умственной жизнью страны. Исполняя это желаніе, Вагилевичъ, Зубрицкій, Головацкій и кто-то изъ знакомыхъ поляковъ²⁾, доносятъ Погодину очень пространно о современномъ литературномъ движеніи въ Галичинѣ и сообщаютъ ему одну-другую статью по исторіи Карпатской Руси для напечатанія въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ. Погодинъ пользуется этими культурными услугами своихъ незнакомыхъ корреспондентовъ и печатаетъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Москвитинѣ», «Чтеніяхъ» и Ж. М. Н. Пр. отрывки писемъ, статьи-пересказы и оригинальныя статьи русскихъ галичанъ³⁾, вводя ихъ такимъ способомъ въ ряды тружениковъ русской науки, и знакомя русское общество съ далекой частицей Руси. Участіе

1) См. Hawryło Rusyn — Zustände der Russinen.

2) «Матеріалы» стр. 142.

3) Вагилевича письма въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г., ч. 9 и 1839 г. ч. 19; Моск. Наблюд. 1836 г., VII; Головацкаго Я. — «Вел. Хорватія» въ Москвитин. 1841; Зубрицкаго — «О типографіяхъ» въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г., ч. 19 и 1846 г. ч. 58; «Крит.-истор. повѣсть» въ Чтеніяхъ 1845 и др. — см. «Матеріалы» 15—20 стр.

галичанъ въ русскихъ изданіяхъ принесло имъ, кажется, чуть-ли не первый гонораръ деньгами ¹⁾ и книгами. Наконецъ, Погодинъ не забывалъ освѣдомлять своихъ галицкихъ корреспондентовъ объ умственной жизни въ Россіи, что опять переходило на страницы львовскихъ «Rozmaitości» ²⁾).

Важнѣе всего, однако, явились заботы Погодина объ изученіи карпаторусскаго нарѣчія. Погодинъ, подобно Кеппену, обратилъ вниманіе Академіи на необходимость изученія этого нарѣчія. Благодаря Академію за избраніе въ члены, Погодинъ писалъ Д. И. Языкову: «Познакомься коротко во время своего путешествія со многими славянскими учеными и находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ ними, я могу быть посредникомъ между ними и Академіей, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, кои по какимъ бы то ни было причинамъ не могутъ быть ведены сначала официально. — 2) Славянскія нарѣчія, родныя намъ, столь мелкія къ изученію, и совершенно у насъ неизвѣстныя, даже между писателями, представляютъ обильную, непечатую еще руду для обогащенія языка русскаго. Если Академія пожелаетъ содѣйствовать распространенію ихъ въ Россіи, то я могу найти людей, которые возмущаются перевести разныя грамматики и словари по указаніямъ и совѣтамъ туземцевъ. — 3) *Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще совершенно словарей или грамматикъ, напримѣръ малороссійское у насъ и русское въ Галиціи. Я получилъ недавно извѣстіе изъ Лемберга, что г. Вагилевичъ занимается давно составленіемъ Словаря Последняго нарѣчія* ³⁾, а для перваго готовъ посвятить труды свои г. Бодянский, собравшій уже нѣсколько тысячъ словъ. Не благоугодно ли Академіи, чтобъ я вошелъ въ переговоры съ этими учеными, вытребовалъ у нихъ планы ихъ трудовъ, и свѣдѣнія, не нуждаются ли они въ какомъ пособіи, чтобъ ускорить

1) Головацкому — 40 гульд., «Письма» 564 и 8 стр.; Вагилевичу — за колядки 60 гульд. «Пис.» 648 стр.; Зубрицкому — 100 руб., «Пис.» 596 стр.

2) Rozmaitości 1836 г., № 38 и 1837 г. №№ 28 и 41.

3) П — нъ говоритъ здѣсь, повидимому, о письмѣ Вагилевича отъ 8 березня 1836 г. (Моск. Наблюд. 1836 г., кн. VII и «Матер.» 145—152 ст.).

окончаніе изъ столько нужныхъ сочиненій». — Академія приняла «съ благодарностью» это предложеніе Погодина и отвѣтила ему, что «будетъ ожидать отношеній, въ особенности по составленію г. Вагилевичемъ Словаря Русско-Галиційскаго»¹⁾.

Не станемъ входить въ мотивы заботъ Погодина-историка о грамматикахъ и словаряхъ славянскихъ нарѣчій. Помимо преемственности требованій современныхъ славяновѣдovъ (Кеппенъ, Бодянский), одну изъ причинъ слѣдуетъ видѣть въ извѣстномъ приключеніи Погодина, когда онъ — на вопросъ Шафарика о русскихъ нарѣчьяхъ долженъ былъ сознаться, что не имѣетъ понятія о нихъ. Къ тому же самъ Вагилевичъ первый обратилъ вниманіе Погодина на свой словарь еще въ мартовскомъ письмѣ 1836 г. Поощренный Академіей, Погодинъ переписывался съ Вагилевичемъ болѣе трехъ лѣтъ объ этомъ словарѣ. Словарь, однако не появился²⁾, такъ какъ Вагилевичъ задумалъ его слишкомъ широко, собирая матеріалы для «южнорусскаго словаря» вообще, не имѣя для этого ни подготовки, ни источниковъ, ни времени³⁾. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что Погодинъ просилъ Вагилевича «послать извѣстіе къ Шафарику въ Прагу о карпатскихъ племенахъ и о нарѣчьи»⁴⁾, что Вагилевичъ исполнилъ къ величайшей радости Шафарика⁵⁾. — Не бесполезно будетъ прибавить, что Погодинъ хлопоталъ такъ же усердно и о славянскомъ словарѣ Линде, равно такъ же безъ особеннаго успѣха. (Р.Ф. Вѣст. 1905, III ст. 70—73, 78—79 статья В. А. Францева).

Во второе путешествіе по славянскимъ землямъ 1839 г. Погодинъ не былъ въ Галичинѣ, хотя первоначально думалъ заѣхать во Львовъ изъ Маріенбада. Возвратившись въ Москву,

1) См. Бумаги и дѣла импер. Акад. Наукъ 1835 г., № 85, л. 86—88: письмо М. П. Погодина отъ 2 іюля 1836 г. (Ркп. отдѣл. Библ. Ак. Наукъ).

2) Отдѣльныя тетради этого словаря были посланы кан. А. С. Петрушевичемъ въ бібліотеку Академіи Наукъ вмѣстѣ съ его «Славянскимъ корнесловомъ».

3) См. «Письма» 628 и 630 стр.

4) Письмо Погодина къ Вагилевичу отъ 27 мая 1836 г. въ «Матеріалахъ».

5) См. «Письма» 624 и 627 стр.

Погодинъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварову съ донесеніемъ о своемъ путешествіи, въ которомъ коснулся и до Карпатской Руси. Матеріаломъ для этого донесенія послужили 6 писемъ Вагилевича 1836 — 9 г. и первое письмо Зубрицкаго 1839 г., которыя Погодинъ соединилъ въ одну общую картину умственной жизни Галицкой Руси¹⁾, украсивъ ее рядомъ патетическихъ положеній, продиктованныхъ ему руссійскимъ патріотизмомъ. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «самые Русины, которые до сихъ поръ какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно, особенно у насъ—Русины, угнетенные болѣе всѣхъ, потому что ближе къ намъ, подъ тройнымъ игомъ австрійцевъ, поляковъ, католицизма, провозглашаютъ теперь свое ния, занимаются своей исторіей, т. е. русской исторіей, записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словомъ начинаютъ свою собственную, особенную литературу»... «Во всѣхъ главныхъ славянскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ исторію, тотъ знаетъ безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ великими явленіями въ исторіи гражданскихъ обществъ, и славянамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія, и Австрійская имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе. . . . Австрія, при пламенной ненависти 25-ти милліоновъ противъ 5-ти, какъ мозаическое цѣлое не можетъ удержаться долго. Она разорвется на составныя свои части въ первую войну. Австрія боится болѣе всего Россіи, которой безъ ея вѣдома симпатизируютъ всѣ славяне, вплоть до Адриатическаго моря. Славяне смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда летятъ ихъ сердца. Туда устремлены ихъ мысли и желанія. Тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія. . . и ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда ударить желанный часъ. . . Она избавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобъ и мы явились нако-

1) См. Погодина—Истор. политич. письма и записки, М. 1874 г.

нецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе . . . » (20—22 ст.). Такъ-де говорили и о томъ-де мечтали австрійскіе славяне.

Перешедши затѣмъ къ изложенію возможности осуществленія этого плана, Погодинъ писалъ, что «возможность самая возможелѣнная для народа, самая пріятная, самая легкая для исполненія, какъ думаютъ славяне, подъ покровительствомъ Россіи, которой почти принадлежитъ уже по праву Галиція, какъ населенная чистыми русскими, исповѣдниками греческими, которые привержены къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ уніатовъ; за ними послѣдуютъ русины въ сѣверовосточной Венгріи, потомъ словаки, сербы австрійскіе, чехи и т. д. Тогда, говорятъ славяне, образуется славянское федеративное государство, Россія во главѣ, отъ восточнаго океана до Адриатическаго моря, государство, которому исторія не представляетъ подобнаго, которое будетъ повелѣвать всѣмъ остальнымъ міромъ» (24 стр.). Указавъ затѣмъ на священную обязанность и христіанскій долгъ русскаго государства «пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ на то политическія отношенія, пособить для религіи, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлью. Такъ младшій разбогатѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разореннымъ братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію» (25 стр.), Погодинъ предлагалъ открыть двери училищъ, университетовъ и духовныхъ академій для болгаръ и сербовъ, чтобы они послѣ разносили «русскій духъ». Но «второе, или лучше, другое первое право на русскую помощь принадлежитъ русинамъ. Другое первое, говорю я, ибо эти русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древняго, знаменитѣйшаго Галицкаго княженія, суть чистые русскіе, такіе же русскіе какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши родные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ одну исторію съ нами, чистые русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ подъ тройнымъ-четвернымъ игомъ нѣмцевъ, поляковъ, жиждовъ

католицизма, и горько жалуются на наше невниманіе. Въ ожиданіи благопріятныхъ случаевъ необходимо поддерживать ихъ возникающую литературу, частнымъ образомъ, чрезъ вторыя, третьи руки: доставлять пособіе авторамъ, печатать книги, назначать преміи на заданныя темы объ исторіи, языкѣ, посылать въ библіотеки русскія книги, содѣйствовать сочиненію лексикона, грамматики, собранію преданій, пѣсень (27 — 28 стр.) ...назначить академическія, небольшія преміи за сочиненіе грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ то: нашего малороссійскаго, галицкаго (39 стр.) ...словари малороссійскій и галицкій (40 стр.) ...снабдить русскими книгами по филологіи и исторіи главныя нѣмецкія библіотеки въ Австріи—въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ, Львовѣ» (41 стр.).

Сравнивая предложенія Погодина съ требованіями Вагилевича и Зубрицкаго, бывшими въ то время въ перепискѣ съ нимъ, убѣждаемся, что Погодинъ правильно указалъ министру Уварову на необходимость русской книги во Львовѣ, на важность печатанья галицкорусскихъ сочиненій, прежде же всего словаря и грамматики, о чемъ хлопоталъ преимущественно Вагилевичъ. Остальное же, какъ — пособія авторамъ черезъ вторыя-третьи руки, повсемѣстныя сознательныя племенно-религіозныя симпатіи широкихъ массъ карпаторусскаго населенія къ Россіи, мечты о распаденіи Австріи среди образованнаго общества — является уже исключительною собственностью самого Погодина. Объ этомъ не писали ему ни Вагилевичъ, письма котораго къ Погодину за время 1836 — 9 г. всѣ сохранились, ни Зубрицкій. Правда, Вагилевичъ называетъ Погодина «побратимомъ далеко-стороннимъ» (Письма, 627 и 633 стр.) и обратился къ нему съ первымъ письмомъ, какъ къ собрату сѣверно-русину, интересующемуся галицко-русской словесностью, а Зубрицкій писалъ къ нему, какъ къ знатоку русской исторіи: но на основаніи этого еще нельзя было говорить объ общенародномъ чувствѣ. Чувство любви и, какъ мы выше убѣдились, даже надежда на

могущество Россіи были въ народѣ, только на другихъ основаніяхъ: желаніе платить меньше налоговъ, освободиться отъ непосильнаго рекрутскаго набора, уйти отъ панщиннаго произвола не имѣло и не имѣетъ ничего общаго съ племенными самосознаніемъ и симпатіями, на которыя Погодинъ возложилъ столь много надеждъ.

Если же обратить вниманіе на содержаніе карпаторусской литературы, особенно же на *ионимую* «Русалку Днѣстрову», такъ приходится недоумѣвать, на основаніи чего Погодинъ доносилъ гр. Уварову о столь яркой вѣрѣ карпаторусскихъ дѣятелей въ близкое распадёніе Австріи? Самихъ дѣятелей и литераторовъ Погодинъ не зналъ, исключая игумена Компаневича, который какъ по возрасту, такъ и по своимъ литературноисторическимъ работамъ вовсе не принадлежалъ къ живымъ дѣятелямъ-организаторамъ. Въ средѣ же самыхъ живыхъ дѣятелей возрожденія, І. Левицкаго, Лозинскаго, Зубрицкаго, Головацкаго, Шашкевича и Вагилевича созрѣвали совершенно другія идеи, въ родѣ созданія народной литературы русско-польскихъ отношеній, — *рѣшаемыхъ и поддерживаемыхъ австрійскимъ правительствомъ!* Галицкорусское движеніе 1848 г. — лучшее доказательство несостоятельности добавочныхъ заявленій Погодина насчетъ Галицкой Руси 1839 г.

Больше всего однако приходится недоумѣвать историка карпаторусскаго возрожденія по поводу «приверженности къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, русскихъ уніатовъ», которою Погодинъ старается обосновать право Россіи на Галичину. Историческіе факты говорятъ о совершенно противоположномъ, происходившемъ въ средѣ карпаторусской церковной іерархіи. Укажемъ только на сочиненіе угрорусина Базиловича (О фундаціи Коріатовичей), на заботы Львовской капитулы и ея представителей при папскомъ нунціѣ въ Варшавѣ (Widok przemosu, дѣятельность Левинскаго), направленные къ сохраненію уніи на всемъ пространствѣ бывшей Польской Рѣчи Посполитой и наконецъ на дѣятельность митрополита

Левицкаго, стремившихся какъ разъ къ усиленію своей церкви и власти, что ни въ коемъ случаѣ не могло содѣйствовать «приверженности къ православію». Этой приверженности въ данное время не было и среди галицкорусскаго духовенства: стоитъ только вспомнить сѣтованія передъ Кеппеномъ 1822 г. профессора богословія въ Львовскомъ университетѣ д-ра Модеста Гриневецкаго, по поводу слишкомъ пристрастнаго (!) отношенія къ униі историка Каменскаго ¹⁾, и безпристрастные (?) выводы его современника каноника Гарасевича въ ркп. *Annales ecclesiae ruthenicae*, чтобы убѣдиться въ томъ, что и воспитанному ими простому духовенству православіе было не меньше чуждо, чѣмъ самимъ учителямъ. Вопросъ же объ обрядной сторонѣ, выступавшій въ то время на дневную очередь (Якимовича-Пасхалія), былъ слишкомъ зачаточнымъ явленіемъ, чтобы на его основаніи дѣлать какіе-нибудь болѣе серьезные выводы.

Мы нарочно отвели столько мѣста разсмотрѣнію донесенія Погодина и его отношеній къ галицкорусскимъ литераторамъ, чтобы хотя отчасти уловить «настоящую истину» и отдѣлить ее отъ легендарныхъ слуховъ, потревожившихъ первоначально нѣмецкую, а за ней и польскую печать 60-хъ годовъ XIX в. Раньше чѣмъ перейдемъ къ этимъ слухамъ, рассмотримъ еще сношенія Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ въ періодъ 1840—2 гг. и остановимся вкратцѣ на второмъ донесеніи Погодина 1842 г. ²⁾.

Двойное ходатайство — передъ Академіей и министромъ — о литературно-денежной поддержкѣ ученыхъ предпріятій русскихъ галичанъ, особенно по составленію грамматики и словаря, кажется, внушило Погодину надежду на осуществленіе этихъ плановъ, о чемъ онъ и сообщилъ Вагилевичу. Послѣдній, сообщая Погодину въ октябрѣ 1840 г. о своихъ литературныхъ трудахъ, напомнилъ ему объ этомъ: «Вы минѣ такожъ обѣщались придбати

1) См. Матеріалы 131 ст.

2) См. Истор.-полит. письма.

деяке пособіе до совершенія моїхъ трудівъ. Ци є надѣжа?»¹⁾. Къ этому вопросу возвратился Вагилевичъ еще разъ въ январьскомъ письмѣ 1842 г., говоря: «Вы бысте мене дуже утѣшили, слыбысте мѣнѣ прислали пособіе на изданіе переводівъ на южно-русскій языкъ тай на Символику—котри я би хотѣвъ печатати. Рівно якъ на гостину въ цѣли ученій»²⁾. Когда же Вагилевичу было отказано въ священіи, онъ обратился къ Погодину съ запросомъ, нельзя ли ему получить мѣсто въ одной изъ библіотекъ или даже профессуру, «до которой я съ хѣтью и учитися буду що потрібне». Въ тѣхъ же письмахъ Вагилевичъ просилъ и о присылкѣ украинскихъ изданій — Квитки, Котляревскаго, Илюмовскаго, Сепельникова, Артемовскаго, Шпигоцкаго (Пис. 614 стр.), Шевченка и Довгоносенка (ibid. 643 стр.).

Письма Зубрицкаго этого времени содержатъ еще меньше интереснаго: извѣстія о книгахъ, обмѣнъ книгами, інформація объ умственномъ движеніи и объ ученыхъ заведеніяхъ во Львовѣ, статьи для «Чтеній» и «Москвитянина», посредничество между Погодинымъ и львовскими литераторами вообще,—вотъ все то, о чемъ писалъ старикъ. Предположивъ же, что онъ оставилъ самое главное до личнаго свиданія съ Погодинымъ, то и въ такомъ случаѣ намъ легко возстановить содержаніе предполагаемаго разговора. Первое письмо Зубрицкаго послѣ свиданія съ Погодинымъ, отъ 17 августа 1842 г. содержитъ довольно пространное повтореніе этого разговора между обоими историками, учениками Карамзина и горячими поклонниками Древней Руси. Національный характеръ государства, православная вѣра, сильная власть князя — въ былое время, вотъ главные основы ихъ міровоззрѣнія и поклоненія; пришлые элементы, наѣзники, угнетеніе православной вѣры и ея перемѣна, національный гнетъ — вотъ болѣе новыя явленія русской, особенно же югозападно-

1) Письма ст. 637.

2) «Письма» 639 стр.; Вагилевичъ говоритъ здѣсь о Несторовой лѣтописи и о Словѣ о полку.

русской исторіи, а тѣмъ самымъ самыя жизненныя темы разговора. О такомъ характерѣ разговора свидѣлствуютъ намъ путевыя воспоминанія Погодина изъ Малороссіи и Галичины 1842, его второе донесеніе министру и письма Зубрицкаго 1842—3 г. О Малороссіи Погодинъ писалъ въ «Москвитянинѣ» 1843 г.: «Поляки и жидаы оказали на ней все свое вліяніе... Замѣчательно, что русскіе крестьяне укрѣпились вполне здѣсь за своими господами, т. е. поляками, только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи». Проѣздомъ черезъ Галичину Погодинъ занесъ въ свой дневникъ: «Поляки нахлынули потокомъ на Галицію въ XIV ст. и разорвали ее на части. Какія полаты выстроили они на трудахъ несчастныхъ малороссіянъ, подвергнувшихся сперва двойному игу католиковъ и жидовъ, а потомъ тройному съ придачею австрійцевъ! Народъ начинаетъ теперь сознать свое происхожденіе, и сердце его обращается невольно къ Сѣверу. Духовные, купцы, ремесленники, не только поселяне, говорятъ: мы русскіе! Да они настоящіе русскіе, какъ въ Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ; говорятъ тѣмъ же языкомъ, исповѣдуютъ ту же вѣру. Объ этомъ въ Европѣ не имѣютъ понятія, да и у насъ мало!»¹⁾).

На этотъ разъ Погодинъ пребылъ во Львовѣ всего 2—3 дня въ исключительномъ обществѣ Зубрицкаго: первый день въ гостинницѣ, такъ какъ ему нездоровилось, остальное же время, осматривая Львовъ. Православная церковь и ея небольшой архивъ, Ставропигійскій Институтъ и Василианскій монастырь— вотъ то, что привлекло къ себѣ вниманіе путешественника. Затѣмъ Погодину не хотѣлось оставаться во Львовѣ и дѣлать знакомства, «чтобы не возбудить попусту подозрѣній у мнительнаго мѣстнаго правительства, которое слѣдитъ за всякимъ шагомъ путешественниковъ, особенно русскихъ». (Барсуковъ, VII, стр. 19).

Послѣ этого посѣщенія Галичины Погодину больше уже не

1) См. Барсуковъ, VII стр. 15—17.

пришлось сноситься лично съ русскими галичанами въ Австріи, исключая 1853 г., когда онъ видѣлъ И. Ф. Головацкаго въ Вѣнѣ («Письма» 654 стр.). Одни письменныя сношенія не прекратились, обнявъ по 1850 г. 9 писемъ Зубрицкаго и 4 письма Вагилевича 1843—5 г. Предметы переписки остались прежнія—донесенія о ходѣ литературныхъ работъ, просьбы о присылкѣ книгъ, извѣстія о посылаемыхъ книгахъ, совѣтъ Зубрицкаго использовать и галицкорусскій словарь при составленіи русскаго (Пис. 570 стр.), его же радость по поводу предстоящихъ крестьянскихъ реформъ въ Галичинѣ (ibid. 581 стр.) и библиографическіе вопросы.

Со вторымъ посѣщеніемъ Галичины соединено и донесеніе Погодина министру народнаго просвѣщенія отъ 1842 г.; такъ какъ это донесеніе явилось почти исключительною собственностью славянофильскихъ теорій Погодина, то нѣтъ ничего удивительнаго, что оно не заключаетъ въ себѣ ровно ничего изъ переписки Зубрицкаго и Вагилевича съ Погодинымъ. Правда, личное свиданіе съ Зубрицкимъ могло повліять на «донесеніе» Погодина. Если, однако, обратимъ вниманіе на то, что все донесеніе проникнуто однимъ духомъ и одной мыслью—славяне-де любятъ Россію и православіе и видятъ въ Россіи единственную опору и надежду себѣ—такъ будетъ ближе къ правдѣ предположить, что мнѣнія Зубрицкаго сыграли въ немъ такую же незначительную роль, какъ и мнѣнія многихъ, несимпатизировавшихъ Россіи славянскихъ дѣятелей. Вотъ главнѣйшія мѣста этого донесенія: «Обстоятельства въ нашей несчастной Галиціи еще тяжеле. Словаки и иллиры находятъ еще какое-нибудь спасеніе подъ покровомъ венгерской конституціи, а русины въ Галиціи беззащитны и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ славянъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку и исторіи. Каково же имъ жить несчастнымъ! Ненависть поляковъ подаетъ австрійцамъ самыя удобныя средства и благовидные предлоги угнетать ихъ и душить всякое націо-

нальное, т. е. русское движеніе, въ самомъ зародышѣ. Не смотря на то, оно есть и усиливается безпрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознають живѣе и живѣе свое русское происхождение и влекутся сердцемъ къ Россіи. Извѣстіе объ уничтоженіи униі ихъ обрадовало, и они готовы обратиться къ нашему православію, которое держалось у нихъ, какъ извѣстно, долѣе, чѣмъ у насъ, и только недавно, въ прошедшемъ столѣтіи, уничтожено. «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ», говорятъ они всякому русскому путешественнику. «Вотъ эту церковь обратимъ мы въ православный соборъ», сказалъ мнѣ одинъ старецъ, когда вы придете къ намъ во Львовъ. Хоть бы вы промѣнили насъ на Польшу! Ну, что вамъ въ Польшѣ? тамъ васъ не любятъ, а мы вамъ преданы душою и тѣломъ». Русины совѣтуютъ выводить польскій духъ изъ возвращенныхъ губерній, волинской, подольской и пр., скупая имѣнія хоть понемногу отъ польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на кievскихъ контрактахъ, возвышая и освѣщая Кіевъ пребываніемъ царской фамилии, привлекая туда русскихъ капиталистовъ, которые могутъ легко и выгодно приобрѣтать земли, обращая большее вниманіе на благосостояніе крестьянъ, которые стоятъ тамъ подъ игомъ польскихъ помѣщиковъ, католиковъ, жидовъ. Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. Многіе духовные лишились мѣстъ своихъ, студенты выгнаны, граждане изъ средняго сословія отданы подъ строжайшій присмотръ. Извѣстный почтенный адвокатъ ¹⁾ просилъ позволенія брать для прочтенія сводъ русскихъ законовъ, подаренный нашимъ правительствомъ публичной бібліотекѣ, полиція отказала, несмотря на поруки и залогои...» (52—53 стр.). Дальнѣйшая часть донесенія содержитъ изложеніе замысловъ австрійцевъ о Малороссіи: «Недавно получили они темное понятіе о томъ, что русское народонаселеніе Галиціи, вмѣстѣ со всею Малороссіею, отличается отъ жителей Москвы

1) Зубрицкій.

и прочих сѣвернорусскихъ губерній, и бросилось съ жадностью на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертациі (?), надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность галичанъ къ Россіи. Виды его простираются слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россіи и привлекать малороссіянъ къ себѣ, не говорю уже о польскихъ помѣщикахъ, ненавидящихъ Малороссію. Съ этою цѣлью оно хочетъ устроить центръ малороссійской литературы у себя и препоручить съ значительными выгодами издавать по своимъ видамъ журналъ на малороссійскомъ языкѣ въ Вѣнѣ!... Вотъ какъ дѣйствуетъ австрійское правительство!... Австрія слаба и при первой войнѣ разлетится на части, тѣмъ болѣе, что славяне уже созрѣли... Австрія поддерживаетъ римскую церковь въ неистовствахъ противъ уничтоженія униі, распространеніемъ между католическими славянами нелѣпыхъ сочиненій и статей о притѣсненіи католичества въ Россіи, возстановленіемъ духовенства противъ насъ... русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ въ Волыни, Подоліи и проч. Для распространенія слуховъ есть, кажется, особенные чиновники» (54—5 стр.).

Сравнивая оба донесенія Погодина министру, мы приходимъ къ двумъ выводамъ: Погодину желательно, чтобы славянская наука и умственная жизнь безпрепятственно развивалась во благо самихъ славянъ, освобождая ихъ отъ гнета иноплеменныхъ правительствъ. Такъ какъ славяне дѣйствительно проявляли въ этомъ отношеніи много успѣшной энергіи, несмотря на большіе недостатки въ средствахъ культурныхъ и матеріальныхъ — Погодину казалось естественнымъ поддержать это славянское движеніе. Эту мысль продиктовали ему славянофильское мировоззрѣніе и патріотическая гордость, твердившая патріотамъ-славянофиламъ о специальномъ призваніи Россіи пособлять нероссійскимъ славянамъ. Когда, однако, зашла рѣчь объ осуществленіи этихъ плановъ, т. е. о дѣятельной помощи, оказалось, что русскіе славянофилы располагали очень незначительными сред-

ствами, какъ книги и небольшіе гонорары за журнальныя статьи, чѣмъ не очень-то можно было пособить славянскому дѣлу. — И предъ нами второе явленіе. Россійское правительство провозгласило еще въ началѣ 30-хъ гг. извѣстное заявленіе о «самодержавіи—православіи—народности», что вѣдь и составляло основаніе погодинскаго славянофильства: отсюда выводъ — правительство должно исполнить то, что является патріотической обязанностью нашей, слѣдовательно и его. Чтобы достичь этого, нужно было представить славянское движеніе въ самомъ привлекательномъ для правительства видѣ. Это Погодинъ и сдѣлалъ, объединивъ, въ своемъ воображеніи все то, что подходило подъ его мѣрку и отвѣчало его желаніямъ.

Въ виду этого мы не въ состояніи понять, на какомъ основаніи многіе польскіе и галицкорусскіе изслѣдователи и обозрѣватели этого періода карпаторусскаго возрожденія утверждаютъ, что Погодинъ явился въ Галичину *съ цѣлю*—доказать русскимъ галичанамъ, что они «настоящіе москали», т. е. великорусы¹⁾. Мы уже выше указывали на украинскія симпатіи Погодина — онѣ не перемѣнились и въ 40 годы. Онъ по прежнему былъ въ дружбѣ въ украинцами Максимовичемъ и Бодянскимъ; не отрицалъ отличности южнорусовъ отъ сѣвернорусовъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ донесенія; продолжалъ въ «Москвитянинѣ» высказывать свои симпатіи къ украинской литературѣ — къ Квиткѣ, «Молодику» Бецкаго и къ Кулишу²⁾, въ своихъ же историческихъ трудахъ отводилъ надлежащее мѣсто «малороссіянизму» Кіевской Руси³⁾. Считая же Карпатскую Русь частью Малороссіи, какъ могъ онъ примѣнять къ ней другія мѣры? И намъ кажется, что до 1856 г., т. е. до появленія его «Записки о древнемъ русскомъ языкѣ», Погодинъ нигдѣ и не выступалъ съ мнѣніемъ о сѣвернорусскомъ характерѣ древней Кіевской

1) См. «Матеріалы» стр. 155 выдержки изъ «Раміѣтника» Г. Богданскаго стр. 155 и выше «Введеніе».

2) См. Барсуковъ VII, главы 22 и 23.

3) См. Погодина — Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи 1846, III стр. 357.

Руси; да и въ этой «Запискѣ» Карпатская Русь явилась колыбелью малорусовъ! Въ виду этого у насъ и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы Погодинъ доказывалъ карпаторусамъ ихъ тождественность съ сѣверорусами. Не менѣе невѣрнымъ оказывается мнѣніе, будто бы Погодинъ насаждалъ среди карпаторусовъ «москвофильство - русофильство» посредствомъ книги. Онъ посылалъ имъ новыя историческія изданія, о которыхъ галичане его просили; своимъ же «Москвитяниномъ» освѣдомлялъ ихъ объ украинской литературѣ: Вагилевичъ обращался даже два раза къ нему съ просьбой о присылкѣ цѣлаго ряда украинскихъ изданій!

Наконецъ, еще нѣсколько словъ о спеціальной миссіи Погодина, привлекать славянъ на сторону руссійскаго правительства, что опять для многихъ является предметомъ «вѣры». У Погодина не было такой миссіи, только онъ создалъ себѣ планъ, что руссійское правительство обязано поддерживать стремленія славянъ, въ этомъ направленіи онъ и старался повліять на правительство. Объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующій, далеко не полный, хронологическій перечень, какъ мнѣніи правительственныхъ и частныхъ лицъ, такъ и нѣкоторыхъ дѣяній самого правительства. Такъ: Александръ I не разрѣшилъ Шишкову въ 1817 г. употребить въ рескриптѣ на имя гр. Остермана, выраженіе «соплеменные намъ славянскіе народы», чтобы подозрительные нѣмцы не подумали, что мы, сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды¹⁾. — Еще строже относился къ славянофильству Николай I. На слѣдственномъ дѣлѣ объ И. С. Аксаковѣ онъ поставилъ слѣдующую резолюцію: «Подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію словенскихъ племенъ въ другихъ государствахъ таится преступная мысль соединенія съ сими племенами, несмотря на подданство ихъ сосѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ

1) См. Порфирьевъ—Ист. рус. словес. II³, изд. 2-е, стр. 80.

покушеній на гибель самой Россіи»¹⁾). Этотъ принципъ нашелъ себѣ лучшее выраженіе въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 30 мая 1847 г., въ которомъ — между прочимъ — было сказано, что мысль западныхъ славянъ (особенно богемцевъ) о будущемъ политическомъ сліянніи всѣхъ славянъ въ одно государство можетъ увлечь людей пылкихъ и не прозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній. Въ виду же того, что Русь развивалась одна безъ посторонней помощи — слѣдовательно, все что она имѣетъ, принадлежитъ ей одной, безъ участія другихъ славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ ней руки и молящихся о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по разсчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма, московскому университету влгается въ обязанность: истребить вліяніемъ своимъ необдуманные порывы «нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, отдѣлившихъ себя отъ общихъ историческихъ мнѣній не столько по убѣжденію, сколько по легкомыслію и добродушной мечтательности. Не славнѣе-ли для насъ имя русскаго, то знаменитое наше имя, которое съ основанія государства нашего повторялось и повторяется милліонами народа въ жизни общественной? Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ Русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго словенства, сохранилъ вѣру отцевъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи, всю народность!»²⁾). — Еще рѣзче отзывался о славянахъ фельдмаршалъ Паскевичъ: «Вы вѣрите этимъ словенскимъ движеніямъ?—говорилъ онъ А. О. Смирновой — это все возмутители, бунтовщики; я этимъ всѣмъ воли не даю; у меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить: всѣхъ ихъ подальше!» — Какъ, и богемцы у васъ не въ милости? — спросила Смирнова. «Бунтуютъ противъ Австріи, все это непокорность!» отвѣтилъ генералъ³⁾). То же мнѣ-

1) См. Сухомлиновъ—Изслѣд. и статьи II, 505 и Францевъ—Очерки по ист. чешск. возрожд. 385 стр.

2) См. Барсуковъ IX, стр. 235—237.

3) См. Дневникъ А. О. Смирновой отъ 12 мар. 1845 г.—У Барсукова VIII, 425 стр.

ніе, что русское правительство не могло сочувствовать славянскому движенію, разъ чехи затѣяли революцію и оказались вѣроломными зачинщиками козней—повторилъ въ 1848 г. Давыдовъ въ письмахъ къ Погодину¹⁾).

Если прибавимъ къ тому большую оппозицію, проявленную многими современниками—Н. А. Полевымъ (Библи. для чт.), А. Д. Галаховымъ (Отеч. Зап. 1844, авг.), Н. А. Мельгуновымъ—придавшими направленіе и исключительность погодинскаго патріотизма—то убѣдимся, что Погодину не такъ легко было получить «официальную» миссію проповѣдать русофильство. Да и что русофильство не было такъ повсемѣстно, какъ многимъ кажется—объ этомъ свидѣлствуютъ Надеждинъ и Княжевичъ. «Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы—заноситъ Никитенко въ свой «Дневникъ» 24 окт. 1841 г.—Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ. Разговоръ шелъ о словенахъ Австріи. Я не ошибся, я всегда думалъ, что словенскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарика, Ганки, Погодина, но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ словенофиловъ»²⁾).

Славянофильство русскаго правительства совпадало всегда съ чисто политическими вопросами, какъ русско-турецкимъ и русско-польскимъ, и нерѣдко не было чуждо «разсчетовъ не всегда безкорыстнаго эгоизма». Интереснѣе же всего, что впоследствии уже явно «славянофильствующее» правительство сочло возможнымъ предпринять множество глубоко антиславянскихъ

1) См. Барсуковъ, *ibidem*.

2) См. Русская Старина 1889, XI, стр. 331—2.

мѣръ по отношенію къ полякамъ, западнорусскимъ уніатамъ и южнорусамъ.

Осенью 1837 г. Галицкую Русь собирався посѣтить Бодянский—въ Бродахъ, однако, онъ былъ остановленъ для двухнедѣльнаго карантина — по причинѣ чумы въ Одессѣ, въ виду чего онъ отправился на Варшаву въ Прагу¹⁾. Впослѣдствіи онъ думалъ побывать въ Галичинѣ виѣстѣ съ Срезневскимъ, подѣ конецъ своей командировки 1842 г., но этотъ планъ ему не удалось исполнить. Не смотря на это, Бодянский, какъ секретарь московскаго общества исторіи и древностей, вошелъ въ очень живыя сношенія съ Д. И. Зубрицкимъ и Я. О. Головацкимъ. Сношенія Бодянскаго съ Зубрицкимъ начались въ 1845 г. по дѣлу «Критико-историч. повѣсти Черв. Руси», переведенной Бодянскимъ съ польскаго на русскій языкъ для «Чтеній». Какъ долго продолжалась переписка Зубрицкаго съ Бодянскимъ, пока неизвѣстно²⁾, во всякомъ случаѣ можно предположить, что она совпадала съ участіемъ Зубрицкаго въ «Чтеніяхъ» 1845—8 г. Сношенія съ Головацкимъ начались около 1847 г., когда Бодянский получилъ для «Чтеній» его «Народныя гал. рус. пѣсни», а затѣмъ не прекращались все время печатанія 1863—1878 г. Въ обоихъ случаяхъ — характеръ этихъ сношеній былъ информационно-научный³⁾.

Изъ другихъ славистовъ и ученыхъ путешественниковъ Карпатскую Русь посѣтили: М. М. Кирьяковъ 1835 г. ⁴⁾, А. Тере-

1) См. «Письма» 4 стр.

2) Письма Зубрицкаго и Головацкаго къ Бодянскому находятся въ собраніи А. А. Титова №№ 1482 и 1502.

3) Въ бумагахъ Я. О. Головацкаго въ Библ. Народнаго Дома во Львовѣ хранится много писемъ Бодянскаго по поводу изданія «Народ. пѣсенъ».

4) См. Е. И. Соколовъ—Библ. о—ва истор. и древн. рос. Бумаги Бодянскаго №№ 234—6.

щенко 1840 г.¹⁾, Н. И. Надеждинъ вторично 1845 г.²⁾, бар. Шодуаръ 1842 г.³⁾, И. И. Срезневскій лѣтомъ 1842 г. и историкъ М. М. Лунинъ 1844⁴⁾. Изъ нихъ только Срезневскій вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Головацкими и Вагилевичемъ и проявилъ много живого интереса къ карпаторусскому умственному движенію.

Послѣдній мѣсяцъ своего трехлѣтняго пребыванія въ славянскихъ земляхъ И. И. Срезневскій посвятилъ изученію Карпатской Руси⁵⁾. Въ іюлѣ 1842 г. онъ прибылъ въ Ужгородъ, гдѣ познакомился съ епископомъ Васиіемъ Поповичемъ и «настоящимъ хохломъ», издателемъ славянорусской грамматики, М. Лучкаемъ. По пути въ Галичину онъ остановился въ Мукачевѣ и Верецку по одному дню, а затѣмъ на Сколе и Стрый прибылъ во Львовъ 19 іюля, гдѣ прожилъ 19 дней. К. В. Запъ познакомилъ его съ Я. Головацкимъ, Вагилевичемъ, Зубрицкимъ, І. Левицкимъ («плохой грамотѣй, хотя и написалъ грамматику»); а изъ поляковъ—съ Каминскимъ, Бѣлевскимъ и Залѣскимъ. Послѣдній, по наблюденію Срезневскаго, «сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ». Старикъ Росцишевскій посѣтилъ самъ Срезневскаго и навѣщалъ его почти ежедневно, что наконецъ путешественнику въ тяготу стало.

Личное знакомство съ молодыми галицкорусскими литераторами и общіе южнорусскіе литературные интересы явились удобной почвой для нѣскольکو лѣтней переписки галичанъ съ Срезнев-

1) См. «Сѣверная Пчела» 1840 г. 1072 стр., гдѣ Т—ко въ «Очеркѣ путешествія» говоритъ о любви львовскихъ семинаристовъ къ русской книгѣ и о дороговизнѣ оной. Замѣтка же его на 1075 стр. о симпатіяхъ славянъ къ Россіи вызвала негодованіе старика Зубрицкаго въ письмѣ къ Погодину противъ «Вертопраховъ» (Письма 562 стр.).

2) Надеждинъ посѣтилъ Львовъ въ первый разъ вмѣстѣ съ Княжевичемъ 1835 г., см. «Матеріалы». 142 ст.

3) См. д-ра Студинскаго—3 кореспонд. Зубр. 35 стр.

4) См. письмо Запа къ Срезневскому 21 сент. 1844 г.—«Матеріалы» 162 стр.

5) См. Путевыя письма И. И. Срезневскаго, Спб. 1895, стр. 317—323.

скимъ¹⁾. Изъ этой переписки узнаемъ, что Срезневскій явился однимъ изъ лучшихъ литературныхъ руководителей для Головацкихъ и Вагилевича. Возрастомъ—ровесникъ, по убѣжденіямъ украинскій патріотъ, ученый славистъ не могъ не произвести самого живого и хорошаго впечатлѣнія на молодыхъ галицко-русскихъ патріотовъ-писателей.

Я. Головацкій и Вагилевичъ опредѣлили свое отношеніе къ Срезневскому въ стихахъ на память и запискахъ, называя его братомъ, и раскрывая предъ нимъ свою вѣру въ будущее (Пол.) и горькую тоску наболѣвшей души (Вагил.).—И. Головацкій былъ не менѣе плѣненъ личностью Срезневскаго, пославъ ему въ Словачину изъ Вѣны 1842 г. письмо, исполненное одной любви и благодарности за задушевныя рѣчи собрата о «русинахъ и словенахъ». Вторично благодарилъ И. Головацкій Срезневскаго въ письмѣ 1846 г., посланномъ съ «Вѣнкомъ», за всѣ науки, которыя «глубоко вкопались, вросли въ душу и незабутными не-одступными товарищами и руководителями останутъ въ (его) стремленію; они бо возбудили (его) дѣятельность, они одушевили идею славянства».

Такимъ же руководителемъ можно назвать Срезневскаго и по отношенію къ Я. Головацкому и Вагилевичу. Переписывался съ ними, онъ давалъ имъ рядъ порученій, тѣмъ и направлялъ на надлежащій путь ихъ занятія. Такъ—онъ обратился черезъ Вагилевича къ Я. Головацкому за пословицами, матеріалами о Хмельницкомъ, грамотами, пѣснями и библіографическими указаніями. Я. Головацкій снабдилъ его кое-чѣмъ: лично передалъ сборникъ колядокъ Бѣрецакаго, использованный въ 1843 г. Костомаровымъ²⁾; черезъ Запа послалъ приповѣдки, а съ Гавличкомъ грамоты и пѣсни для Бодянскаго въ Москву.—Занятія же Вагилевича галицкорусской этнографіей Срезневскій использовалъ для статей Сементовскаго («Молодикъ» 1843 г.). Самого же

1) «Матеріалы» 163—185 стр. 2 письма И. Головацкаго 1842 и 1846 годовъ, 1 письмо Я. Головацкаго 1844 г. и 3 письма И. Вагилевича 1842—44 г.

2) Сж. «Матеріалы» 192—198 стр.

Вагилевича поощрялъ дать обзоръ умственной жизни Галицкой Руси.

Въ благодарность за литературную помощь, оказанную ему галичанами, Срезневскій послалъ: Бѣрецкому за колядки — по экземпляру всѣхъ малорусскихъ изданій; Я. Головацкому — Запорожскую Старину, Украинскія Баллады Галки, Думки Могилы, Наталку Полтавку и Марусю. Получилъ-ли Вагилевичъ какія-либо книги отъ Срезневскаго не знаемъ, хотя онъ просилъ о многихъ русскихъ и украинскихъ изданіяхъ взаимѣнъ за свою грамматику. Кстати укажемъ на то, что Вагилевичъ, посылая свою грамматику Срезневскому, просилъ его передать по одному экземпляру Максимовичу, Костомарову и Метлинскому «для побратимства», а Востокову и Гречу, «яко учителямъ».

Эти кратковременныя сношенія русскихъ галичанъ съ Срезневскимъ прекратились послѣ 1844 г. Я Головацкій оставилъ Львовъ, Вагилевичъ поступилъ въ бібліотеку Оссолинскихъ и былъ занятъ въ *Czasopismie*, а И. Головацкаго поглотили заботы о хлѣбѣ и по изданіи «Вѣнка». Да, и у Срезневскаго не оказалось столько времени, чтобы слѣдить за тихой галицкорусской жизнью.

Срезневскій, подобно Кеппену и Погодину, не пропускалъ удобнаго случая, чтобы знакомить Россію съ Карпатской Русью: въ «Донесеніи министру», напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. 1843 г. 37 ч., онъ далъ сжатую, но очень вѣрную картину карпаторусской умственной жизни, а на другомъ мѣстѣ извѣстіе о приповѣдкахъ Илькевича; въ «Вѣстникѣ русскаго географическаго общества», 1852, I, обстоятельную статью «Русь Угорская». — Въ бумагахъ же Срезневскаго находимъ рядъ изданныхъ и неизданныхъ произведеній карпаторусскихъ литераторовъ 40-выхъ годовъ, какъ Вагилевича, обоихъ Головацкихъ, Духновича и Шашкевича¹⁾.

1) Матеріалы 194—199 ст.

Для полноты обзора сношеній галицкихъ писателей съ русскими учеными укажемъ еще на (2) письма Вагилевича къ Лукашевичу, письмо къ Кирѣевскому 1838 г. о колядкахъ и украинскихъ поднаръчїяхъ¹⁾ и письмо къ Востокову²⁾, отправленное вмѣстѣ съ грамматикой 1845 г. — Зубрицкій же и Я. Головацкій переписывались съ Максимовичемъ³⁾.

Подводя общій итогъ сношеніямъ карпаторусскихъ дѣятелей съ русскими учеными въ 1-ую половину XIX в., мы вправѣ опредѣлять ихъ общимъ названіемъ—племенно-научныя. Источникомъ этихъ сношеній, какъ мы убѣдились, были обостронные научные интересы, проявившіеся съ особенной силой въ періодъ 1835—1848 г., т. е. въ періодъ практическаго изученія славянства начинающими русскими славяновѣдами и изученія родины и славянства львовскимъ кружкомъ галичанъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ однородныхъ научныхъ интересовъ, въ послѣдствіи же и личнаго знакомства русскихъ галичанъ съ сѣверянами, явилась довольно оживленная, хотя и непродолжительная переписка. Предметомъ переписки были вопросы научно-информативнаго характера и обменъ книгами. Книги получались во Львовѣ русскія историческія и украинскія беллетристическія. Съ помощью этихъ книгъ львовскій кружокъ получилъ возможность познакомиться — по ученымъ изданіямъ лѣтописей и литературныхъ памятниковъ—съ древнерусскою исторіей вообще и съ южнорусскою въ частности. Литературныя же украинскія произведенія являлись для львовской молодежи лучшими образцами зарождавшейся мѣстной литературы.

Въ виду того, однако, что во Львовѣ среди университетской

1) См. «Письма» 641 и 646 стр. «Матеріалы»—письмо Вагилевича къ Срезневскому, 28 июня 1844 г. стр. 179.

2) См. Переписка А. Х. Востокова, Спб. 1873 г. 376 стр. № 295.

3) См. д-ра Студинскаго—3 корреспонд. Зубр., 25—36 стр. 5 писемъ Максимовича къ Зубрицкому 1840—43 г.

молодежи и младших писателей оказалось немного живого и способного къ литературно-ученому труду матеріала, нѣтъ ничего удивительнаго, что эти сношенія съ русскими учеными были довольно спорадически и непродолжительны. Кратковременность сношеній была обусловлена еще тѣмъ, что львовскіе литераторы — Зубрицкій, Головацкій и Вагилевичъ были все автодидакты, безъ надлежащей основной школы, слѣдовательно могли только пойти въ ученіе къ своимъ русскимъ знакомымъ, а никакъ не въ ихъ товарищи. Эту сторону своего автодидактизма и отмѣтили — Зубрицкій въ письмѣ къ Погодину, И. Головацкій въ обоихъ письмахъ къ Срезневскому. Я. Головацкій и Вагилевичъ не сдѣлали этого. Послѣдній же, создавши себѣ обширный планъ филологическихъ, историческихъ и этнографическихъ работъ и, не успѣвши сосредоточиться ни на одной изъ нихъ, старался готовые научные выводы другихъ примѣнять къ отдѣльнымъ случайнымъ явленіямъ (Розгорецкія надписи, Мечъ Бужскій), хотя для этого и не было основанія. Совершенно естественно, что въ такихъ условіяхъ переписка съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и Лукашевичемъ не могла продолжаться; подобно тому, какъ и переписка каноника Лавровскаго съ Кеппеномъ и Востоковымъ должна была прекратиться уже вскорѣ послѣ того, какъ началась.

Итакъ, научные интересы сблизили обѣ стороны, но они же и отчуждали ихъ взаимно: одна сторона оказалась недостаточно подготовленной, чтобы вникнуть и углубиться въ нихъ; другая же проникала и углублялась въ нихъ все больше и больше, въ виду чего и удалялась отъ отставшихъ. Если одну изъ причинъ этого явленія видимъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась зарождавшаяся галицкорусская умственная и научная жизнь, такъ другую слѣдуетъ искать въ самихъ дѣятеляхъ. Отсутствіе соотвѣтствующей научной подготовки, недостатокъ мѣстныхъ научныхъ изданій и умственныхъ средоточій, недоступность первоисточниковъ и естественная малочисленность интересующихся наукой въ Карпатской Руси не могли ни содѣйство-

вать развитію науки, ни дать выдающихся ученыхъ. Къ этимъ обстоятельствамъ присоединилось пылкое увлеченіе младшихъ галицкорусскихъ писателей, помимо массы научно-литературныхъ вопросовъ, и злободневной политикой. Это увлеченіе отразилось очень вредно на Вагилевичѣ и Головацкомъ, давшихъ до 1848 г. довольно незначительный вкладъ въ русскую науку, а затѣмъ смѣшавшихъ злобу дня съ наукой, что опять не повысило стоимости ихъ литературныхъ занятій. Старикъ Зубрицкій, вошедши всецѣло въ исторію, далъ значительно тяжелѣе вкладъ въ научную сокровищницу Руси. То же замѣчаемъ и у русскихъ: ученая дѣятельность Погодина прерывается подъ конецъ 40-выхъ гг., когда онъ занялся исключительно политикой; Срезневскій же, Бодянский и Кеппенъ, удалившись отъ политики, продолжали разяснять горизонты русской науки. — Вслѣдствіе всего этого карпато-русская наука и литература оказалась очень неглубокой, неполной, отсталой и мало интересной, между тѣмъ, какъ русская наука и литература, основываясь на незыблемыхъ, а малообразованнымъ карпаторусамъ недоступныхъ общечеловѣческихъ началахъ, развивалась все больше и выше. Вотъ причины, отчуждившія родоначальниковъ карпаторусской умственной жизни отъ лучшихъ представителей современной имъ Россіи.

Другой знаменательной чертой этихъ сношеній явились племенные симпатіи, проявленные особенно галичанами при встрѣчѣ съ русскими, сѣверяниномъ Погодинымъ и южаниномъ Срезневскимъ. Оба имъ братья, только Срезневскій ближе и дороже. Эти симпатіи замѣчаемъ у обѣихъ сторонъ, у русскихъ путешественниковъ даже глубже, такъ какъ у нихъ онѣ были соединены съ чувствомъ состраданія къ притѣсняемымъ мадьярами угрорусамъ (Кеппенъ, Надеждинъ) и эксплуатируемымъ нѣмцами галичанамъ (Кеппенъ, Погодинъ). Сознаніе племенного родства не соединялось, однако — въ этотъ періодъ сношеній, съ вопросомъ о политическомъ объединеніи, или же съ мыслью о превосходствѣ сѣвернорусскаго племени надъ южнорусскимъ.

Племенной разновидности и равноправности не отрицали и

сѣвернорусы. Кеппенъ, Надеждинъ и Погодинъ смотрѣли на зарождавшуюся карпаторусскую литературу, какъ на естественное и очень отрадное проявленіе умственной жизни отдаленной частицы русскаго народа. Мало того, принимая близко къ сердцу интересы русской науки, они старались обратить вниманіе, какъ ученыхъ учреждений, такъ и вѣдающихъ дѣлами русскаго просвѣщенія правительственныхъ сферъ, на важность всесторонняго изученія Карпатской Руси и на необходимость всесторонней поддержки ученыхъ предпріятій первыхъ галицкорусскихъ писателей. Кромѣ этого они же, посредствомъ своихъ статей и книжныхъ посылокъ, немало содѣйствовали ознакомленію галичанъ съ украинской литературой.

Послѣдствіемъ этихъ заботъ явилось то, что въ широкіе круги русскаго читающаго общества проникли довольно обстоятельныя свѣдѣнія о Карпатской Руси и что ученые спеціалисты занесли изученіе этой страны въ кругъ своихъ занятій. Даже Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло необходимымъ поставить въ виду П. И. Прейсу, командированному 1839 г. с.-петербургскимъ университетомъ въ славянскія земли, что «въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ малороссійскому должно обратить особенное его—славянскаго ученаго—вниманіе»¹⁾. О подобной же командировкѣ въ Галицкую Русь, съ цѣлью обогатить ея словарнымъ матеріаломъ свой малороссійскій словарь, хлопоталъ въ 1839 г. передъ Академіей Наукъ и А. Метлинскій²⁾.

Указанное нами выше прекращеніе сношеній галичанъ съ русскими учеными явилось источникомъ новыхъ знакомствъ, связей и симпатій во 2-ую половину XIX в.—Дѣятели карпаторусскаго возрожденія, подъ вліяніемъ современнаго всеславянскаго

1) См. В. А. Францевъ.—Обзоръ изученій Угорской Руси, 156 стр.

2) См. *Бумаги и дѣла Имп. Акад. Наукъ* 1839 г. № 3, л. 22—23. Академія отвѣтила, что выдастъ пособіе послѣ напечатанія словаря.

умственного движенія, принялись за всестороннее изученіе родины и за усиленный трудъ въ пользу родной литературы и національнаго самосознанія. Получивъ смутное понятіе о національной духовной жизни, они старались опредѣлить понятіе «сознательный народный дѣятель-патріотъ». До этого опредѣленія они дошли путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ соображеній—о географическомъ расположеніи и объ политической независимости Карпатской Руси въ старину, о вѣрѣ, объ языкѣ и о всѣхъ свѣтлыхъ явленіяхъ давно прошедшей бывальщины. Нынѣ оказалось не то: много земли было утеряно, и страна давнымъ давно подчинена власти другихъ, и вѣра другая, и языкъ перемѣнился, и свѣтлаго ничего нѣтъ. Это и вызвало у нихъ любовь къ старинѣ, мечты объ ея возвращеніи съ политическимъ и литературнымъ объединеніемъ отдѣльныхъ частей Руси. Съ другой же стороны они вознегодовали на настоящее и почувствовали горечь нерасположенія къ виновникамъ паденія родины. Въ то же время нужно было случиться тому, что потомки древнихъ наѣзтниковъ на родину стали выступать съ цѣлымъ рядомъ предложеній и даже нововведеній—какъ съ польскимъ абецадломъ на мѣсто кириллицы и гражданки, съ притязаніями на участіе галицкорусскаго народа въ возсозданіи польскаго королевства въ историческихъ предѣлахъ, съ объединеніемъ календарей, съ польскимъ происхожденіемъ южнорусовъ, словомъ съ желаніемъ обезличить Галицкую Русь. Неудивительно, что затаенная горечь все усиливалась, пока въ 1848 г. не вызвала въ Галичинѣ русско-польской ненависти, вражды и братоубійственной борьбы.

Мечты о свѣтлой старинѣ, любовь внѣшняго блеска и строй государства, національная нетерпимость и сомнѣніе—вотъ общія черты міровоззрѣнія одной части карпаторусскаго общества и русскихъ славянофиловъ во 2-ую половину XIX в. Близкое родство міровоззрѣній и вызвало—сближеніе, первоначально идейное, а тамъ дружбу и взаимную поддержку обѣихъ сторонъ, и всю роковую цѣпь самыхъ непредвидѣнныхъ и нерѣдко очень вредныхъ для умственного развитія Карпатской и Юго-Запад-

ной Руси событій, составившихъ впоследствии исторію такъ называемой старорусской партіи.

ГЛАВА III.

(Идеи о литературномъ и племенномъ единствѣ у угорорусскихъ писателей. Отношеніе галицкорусскихъ писателей къ этому вопросу. Знакомство Карпатской Руси съ русской литературой. Заключение—связь разсмотрѣннаго періода съ послѣдовавшимъ).

Карпатская Русь была соединена, какъ съ Россіей, такъ и съ православнымъ югославянствомъ, помимо самой церковной книги еще и вышедшимъ отъ нея книжнымъ славянскимъ языкомъ. Правда, этотъ «книжный языкъ» не отличался однообразной стройностью, такъ какъ основывался, несмотря на общепринятую славянами грамматику Смотрицкаго, на отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Но все-таки эти «книжные языки» были столь близки другъ къ другу, что Ломоносовъ могъ правильно заключить въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» (1757 г.), что задунайскіе славяне, «хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской». Внутреннее же развитіе такого «книжнаго языка» было того рода, что книжники конца XVIII и начала XIX вв. могли повторять за Ломоносовымъ: «По времени же рассуждая, видимъ, что Россійской языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отиѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было»¹⁾.

Традиція и современная карпаторусская письменность подтверждаютъ, что помянутые выводы Ломоносова были именно

1) Сочиненія М. В. Ломоносова, изд. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 229.

такъ, а не иначе поняты карпаторусами. Традиція передала карпаторусскимъ грамотеямъ славенскій языкъ съ букваремъ, по которому они научились проходить часословець и псалтырь, а за симъ апостолъ и библію; грамотеи же лучше проходили послѣ псалтыри и «словенскую грамматику» — какъ этого требовалъ Смотрицкій. Итакъ грамотеи знакомились по церковнымъ книгамъ и по словенскимъ грамматикамъ съ «книжнымъ» языкомъ, а не получая въ руки книги небожественной на народномъ языкѣ, за ея рѣдкостью, привыкали думать и другимъ передавать, что книгу слѣдуетъ составлять только «книжнымъ словенскимъ» языкомъ. Тоже предписывала имъ и высшая «грамматическія науки» — риторика, положившая ясно очерченные предѣлы «низкому — *tenui*, посредственному — *mediocri* и превыспреннему — *sublimi*» стилямъ¹⁾.

Слѣдую этой традиціи, карпаторусская письменность сохранила почти до 30-тыхъ гг. XIX в. преимущественный характеръ славенороссійскаго грамотейства, какъ въ языкѣ, такъ и въ содержаніи. Можно бы, правда, указать на рядъ рукописныхъ поучительныхъ евангелій, церковныхъ пѣсенниковъ, на Катихизисъ еп. Винницкаго 1685 г. и на нѣкоторыя почаевскія изданія (Полѣтика свѣдка, Науки парохіальніа з'славенкорускаго на простый и посполитый языкъ рускій преложенія), составленныхъ на болѣе или менѣе чистомъ народномъ языкѣ и содержавшихъ кромѣ нравственно-богословскихъ элементовъ и гражданскіе. Но эти изданія, согласно духу времени, не должны были появляться въ другомъ «стилѣ», какъ «низкомъ»: они вѣдь предназначались для простонародныхъ массъ, къ которымъ по законамъ риторики на другомъ языкѣ нельзя было обращаться. Письменность для «высшихъ» круговъ и цер-

1) А. Мразовича — Руководство къ славенскому краснорѣчію, Будинь 1821 г. 176—181 стр. — Среди карпаторусовъ было въ обращеніи 400 экз. Руководства: митр. Левицкій выписалъ для львовской митрополіи 200, а епископъ Поповичъ для мукачевской епархіи 200 экз. — См. въ «Руководствѣ» — «Пренумеранти».

ковная продолжала оставаться славенороссійской или же польской, а даже латинской, или нѣмецкой (языкъ дѣловодства консисторій, Ставропигійскаго института — на границѣ XVIII и XIX вв.).

Мало того, школьная традиція, столь рьяно оберегавшая права «книжнаго» языка въ книгѣ, внушала исподволь и поддерживала среди карпаторусскаго «панскаго», т. е. чиновнаго и духовнаго сословія, идею о непригожести «хлонскаго» языка даже въ обиходномъ употребленіи, послѣдствіемъ чего явилось то, что многіе выдающіеся карпаторусы не знали роднаго языка и волей-неволей были принуждены употреблять въ своихъ сочиненіяхъ языки общества и школы — польскій, нѣмецкій и латинскій¹⁾ и вводить въ богослужебныя книги надстрочныя транскрипціи латинкою.

Такое отношеніе къ книжному и простонародному языкамъ нашло себѣ, уже подѣ конецъ XVIII в., лучшее выраженіе въ предисловіяхъ къ переводамъ Захарьясевича и Лодія²⁾. По мнѣнію обоихъ переводчиковъ, ихъ славенорусскій языкъ и есть «матерній народный языкъ россійскаго народа» (понятно — Галичины, Лод.), или же «русскій языкъ русскаго народа Галиціи» (Зах.). Несмотря, однако, на это заявленіе о «матернемъ языкѣ», оба профессора-переводчика считали умѣстнымъ извиниться, что въ книгахъ, предназначенныхъ «къ пользѣ юношества Рускаго Галиціанскаго» (Зах.), или же «для пользы учащаго ея юношества Галиційскаго» (Лод.), употребили «выраженій простыхъ».

1) Укажемъ для примѣра на еписк. Бѣлянскаго, Ангеловича, Скородинскаго, каноника М. Гарасевича, д-ра Филиповича, Зубрицкаго (до 1836 г.); о состояніи карпаторусской письменности см. Головацкаго — Дополненіе къ библіографіи Ундольскаго и И. Е. Левицкаго — Гал. русскую библіографію 1772—1800 (Зап. наук. т-ва им. Шевченка 52 т.) и 1800—1861 г. отдѣльнымъ изданіемъ.

2) О. Захар'ясеvичъ — М. Данненмаура Наставленія історіи церковныя, Львовъ 1790 г. II-ая ч.; П. Лодій — Х. Баумейстера Наставленія любуmудрія, Львовъ 1790 г.

Богѣе подробно высказались по вопросу о соотношеніи «книжнаго» и «простонароднаго» языковъ угрорусскіе писатели, занимавшіеся исторіей и языкомъ родины. Хотя только одинъ Лучкай, высказался печатно, выводы же Венелина и Бережанина дошли до насъ въ рукописяхъ¹⁾, мы все таки считаемъ возможнымъ объединить эти выводы, какъ по времени (1827—1836 г.), такъ и по ихъ внутреннему родству.

Раньше другихъ опредѣлилъ свое отношеніе къ народному языку въ литературѣ и общественной жизни, Иванъ Бережанинъ въ статьѣ, посланной 1827 г. изъ Вѣны въ Одессу Орлаю. Предпославъ своей статьѣ «Въ обще о различіи Славянскихъ нарѣчій, собственно же о мало и Карпато или Угрорусскихъ» краткій обзоръ историческихъ судьбъ языка вообще, Бережанинъ говоритъ: «такъ и славянскій съ в'веденіемъ христіанства и обрядовъ церковныхъ изображаемъ, и до той цвѣтущей степени приведенъ есть, въ которой въ большой странѣ Европы еще и нынѣ находится» (Мат. 47 стр.). Славянскій языкъ однако, подобно другимъ, распадается на цѣлый рядъ нарѣчій, въ виду чего «инако велико и малороссіан говорить, инако гадаеть и мовить ляхъ. . . . ихъ же всѣхъ нарѣчія, на колико едино отъ другаго, и на колико отъ церковнаго и русскаго яко основанія и корене своего отдаленны и отличны суть?» Этимъ занимались различные ученые отъ Богорича (1584) до Геркеля (1826), онъ же «для показанія и доведенія того: которое съ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій паче иныхъ лучшимъ и изряднѣйшимъ есть? Слѣдующая ради основанія — полагаетъ — и убо: въ 1-ыхъ того славянскаго народа бесѣда или нарѣчіе паче иныхъ совершеннѣйшимъ, лучшимъ и изряднѣйшимъ, и церковному яко корени и основанію своему сходнѣйшимъ сказатъ можно, его же бесѣда: въ церкви или богочитаніи, въ гражданскомъ и военскомъ Правительствѣ, и въ пре-

1) М. Лучкай — *Slavo-ruthena grammatica*, Budae 1830 (1), Praefatio; Бережанина статья въ «Матеріалахъ» 46—56 стр.; Венелина статьи въ «Матеріалахъ» 86—120 стр.

подаѣніи наукъ въ общихъ училищахъ народныхъ въ употребленіи, слѣдовательно: егоже языкъ дипломатическій есть. По 2-ое паки егоже нарѣчіемъ или бесѣдою богопочитаніе цѣлое гражданское правительство и науки котѣй сочасти только отправляются. По 3-ое того егоже нарѣчіемъ котѣй съчасти набоженство только и науки отправляются. Прочія паки вся таковая нарѣчія нмѣже ниже набоженство отправляются, ниже гражданство управляется, ниже науки преподаются, вуждно суть простая, грубая, и нѣ только погубленная, что слышащему я едва порозумѣть возможно; славянскія ли она, или паче: турско и нѣмецко талианская суть?»

Предоставивъ затѣмъ отдѣльнымъ славянскимъ народамъ испытать по указанному шаблону свои нарѣчія, авторъ «съ любви и ревности къ своему роду, въкратцѣ о мало и карпато или угрорусскомъ нарѣчіи (слѣдующая) преподавъ» спѣшится. Слѣдуетъ краткій обзоръ отличительныхъ чертъ маѣорусскаго отъ церковнаго и великорусскаго языковъ и отдѣльныхъ маѣорусскихъ говоровъ, образовавшихся подъ вліяніемъ польскимъ и румынскимъ (Мат. 48—52). Въ виду того, что у славянъ столько разныхъ нарѣчій, произшедшихъ «съ рознаго ползованія и произношенія само и иногласныхъ писмен ради соединенія или хотѣй толко большаго подобія и поразумѣнія, очень ползовало бы писать славянамъ тако подъ сократительными знаками, какъ тое въ церковныхъ книгахъ изобрѣтается, которымъ способомъ сталося бы, да тыяжде имена и слова кѣйлибѣ ровно пишеть, произносить же по своему нарѣчію, наприимѣръ Бѣъ: Богъ, Бѣгъ, Бѣгъ, Бугъ, Беугъ» и пр. (Мат. 51 стр.). Представивъ затѣмъ образцы угрорусскаго нарѣчія, авторъ статьи говоритъ, что «въ Угророссіи ученна и просвѣщенна его часть, юже чинъ духовный, благородны земляне (немешѣ) дяки и учителяе составляютъ пишеть и говорить чистымъ стариннымъ славянскимъ или русскимъ языкомъ, такъ совершенно и чисто, какъ и самыя великороссіане» (Мат. 54 стр.). На томъ же языкѣ отбывались до 1809 г. всѣ преподаванія во Львовѣ и Ужгородѣ, нынѣ же только нѣкоторые

предметовъ. Въ виду чего «по упомянутыхъ нарѣчіяхъ (яко напри-
мѣръ сербы по своему) новѣ издавать грамматики, только бы
значило, какъ тыя еще болѣе единого отъ другаго и кореннаго
славянскаго или чистаго русскаго языка отдалять, и ктому поспѣ-
шествовать да русскія народы взаим себѣ еще мнѣе какъ днесь
розумѣють, пишутъ же тако глѣюще; ниже русски, ниже сла-
вянски, по французско янгельски, нѣмецко китайски, татаро ко-
затъки (!), полско и угорско цигански» (Мат. 55 стр.). Принимая
же наконецъ во вниманіе, что русскій языкъ распадается на
множество нарѣчій, слѣдуетъ составить нарѣчевой корнесловъ,
который и облегчилъ бы взаимопониманіе, какъ русскимъ, такъ
и славянскимъ народамъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ генезисъ выводовъ Бережанина,
на которыхъ отразились, какъ современные общеграмматическія
правила, такъ и попытки славянскихъ грамматиковъ создать
общеславянскій языкъ. Для насъ важно одно содержаніе ихъ,
которое сводится къ слѣдующему: Славянскій (книжный) языкъ,
образовавшійся со временъ введенія христіанства, достигъ нынѣ
полнаго расцвѣта. Такъ какъ онъ раздѣлился — подобно другимъ
языкамъ, на рядъ нарѣчій, слѣдуетъ опредѣлить, который изъ
славянскихъ языковъ самый лучшій и развитой. Понятно, что
такимъ языкомъ окажется тотъ, который употребляется во всей
культурно-общественной жизни народа. Нужно, слѣдовательно,
подвергнуть надлежащей критикѣ состояніе отдѣльныхъ славян-
скихъ нарѣчій. Авторъ, какъ угроруссинъ, разсматриваетъ только
русскія нарѣчія, не забывая объ отдѣльности простонароднаго
малорусскаго отъ великорусскаго и церковнаго языковъ, и при-
ходитъ къ выводу, что нарѣчевыя особенности можно устранить
путемъ графическихъ сокращеній, которыя внѣшнимъ образомъ
и объединять русскія нарѣчія. Ввиду же того, что довольно мно-
гочисленное угрорусское ученое и просвѣщенное сословіе упо-
требляетъ въ письмѣ и словѣ чистый старинный славянскій, т. е.
руссскій языкъ, слѣдуетъ позаботиться о сохраненіи этого чи-
стаго русскаго языка — не изданіемъ нарѣчевыхъ грамматикъ,

что только удалить племена отъ настоящаго славянскаго (русскаго) языка, лишь изданіемъ полныхъ корнеслововъ.

Выводы Бережанина страдаютъ, повидимому, неполнотой, такъ какъ намъ приходится только изъ контекста заключать о томъ, что языкъ, которому Бережанинъ отдаетъ всякое предпочтеніе, и есть славенорусскій языкъ его статьи и сочиненій славенорусскихъ писателей. Ровнымъ образомъ только вскользь упоминаетъ онъ о томъ, что нарѣчія и говоры славянскихъ, особенно же русскихъ племенъ, являются подраздѣленіями этого книжнаго славенорусскаго языка. Указаніе же на гражданство славенорусскаго языка среди «ученаго и образованнаго» угрорусскаго сословія содержитъ косвенное предписаніе сохранять этотъ языкъ въ письменности. Ясно высказалъ Бережанинъ только требованіе господства одного книжнаго языка у всѣхъ русскихъ племенъ.

У автора славянорусской грамматики, М. Лучкая находитъ болѣе законченную картину соотношенія книжнаго и простонароднаго языковъ. Принявъ, что старославянскій языкъ является матерью славянскихъ языковъ вообще (Graef. VII), Лучкай пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: отдѣльныя нарѣчія, выбившись изъ общей массы родственныхъ («сестеръ») нарѣчій и вытѣснивъ ихъ, проникнули въ науку и общественную жизнь. Это наблюдаемъ въ Россіи, Франціи, Италіи и другихъ странахъ, съ различными нарѣчіями въ народѣ и однимъ господствующимъ нарѣчіемъ въ наукѣ и въ приговорахъ суда. Такое явленіе совершенно естественно: такъ какъ невозможно всѣмъ нарѣчіямъ быть совершенными; если бы, однако, кто-либо пожелалъ сдѣлать ихъ такими, то наконецъ не имѣлъ бы ни одного, или же вскрѣпилъ бы чужія. Подобное произошло у древнихъ славянъ, которые — не будучи литературно объединены — распались на глаголитовъ, уже въ XII в., и поляковъ, чеховъ, русскихъ, сербовъ и хорватовъ, старавшихся образовать свои нарѣчія, — вмѣсто того, чтобы развивать древнеславянскій языкъ. Нынѣ же дошло до того, что даже

незначительныя провинціи, какъ Моравія, Лужица, Каринтія и Карніолія думаютъ о своихъ особыхъ языкахъ. Ввиду этого можно опасаться, что такое отдѣленіе (*separatio*) создастъ много нарѣчій, которыя и будутъ поглощены другими. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ раньше процвѣталъ славянскій языкъ, нынѣ старшіе едва знаютъ родной языкъ.

Зато какимъ исполномъ среди языковъ явился бы прародитель всѣхъ (славянскихъ) языковъ, древнеславянскій, если бы только онъ одинъ сохранился въ качествѣ книжнаго. Это легко исправимо и достижимо: вѣдь нигдѣ нѣтъ образованнаго книжнаго языка, тождественнаго съ простонароднымъ (*sim plebe communis*—VII). Будь это такъ, тогда слѣдовало бы заключить, что поселянину врождены тѣ же понятія и идеи, какія достались образованнымъ путемъ ученія и чтенія. Вездѣ нужно литературному языку учиться, только славяне одни стремятся слить литературный языкъ съ простымъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать этотъ языкъ понятнымъ и доступнымъ массѣ.

Авторъ и стоитъ за старославянскій языкъ, какъ литературный, тѣмъ болѣе, что онъ понятенъ его народу и употребляется образованными, ввиду чего онъ даетъ грамматику этого языка. Желая же показать, насколько карпаторусскій языкъ уклонился отъ старославянскаго, съ которымъ его нѣкоторые смѣшиваютъ, онъ обратилъ вниманіе и на карпаторусскія нарѣчевыя особенности. Слѣдуетъ добавить еще и то, что по мнѣнію Лучкая — карпаторусскій (*guthenica*) языкъ не тождественъ съ русскимъ (*russica* — XII).

Дальше обоихъ земляковъ, Бережанина и Лучкая, пошелъ Венелинъ. И по его мнѣнію южнорусскій языкъ, къ которому принадлежитъ и карпаторусскій, отличается отъ сѣвернорусскаго, будучи съ нимъ равноправнымъ нарѣчіемъ русскаго (идеальнаго, кажется, а никакъ не нынѣшняго литературнаго). И ему не нравилась раздробленность «коренного» народа на племена и нарѣчія,

создающія карантинны мысли и образованности, ввиду чего онъ и не одобрялъ такъ называемаго украинскаго правописанія и стоялъ за одинъ литературный языкъ для всей Руси.

Дальнѣйшіе выводы Венелина отдѣлили его, однако, отъ Бережанина и Лучкаго громадною пропастью. Послѣдніе стояли за литературное объединеніе на почвѣ давно отжившаго и видоизмѣнивагося старославянскаго искусственнаго языка, чѣмъ и присоединились къ школѣ славенороссійскихъ грамотеевъ, съ ихъ лучшимъ представителемъ А. С. Шишковымъ¹⁾ во главѣ. Венелинъ же, на основаніи хорошаго знакомства съ историческимъ развитіемъ русской литературы, понялъ сразу безуспѣшность и мертвенность подобнаго направленія и сталъ въ защиту живого литературнаго языка и правописанія. Но и здѣсь сказался въ немъ тонкій знатокъ: нынѣшній русскій литературный языкъ принадлежитъ особенно сѣвернорусамъ, ввиду чего и справедливо назвать его «русскимъ языкомъ *par excellence*. Но правописаніе принятое русскою литературою принадлежитъ не одной Сѣверной Руси, но и Южной: поэтому оно Русское не по преимуществу, но общерусское» (Мат. 111), будучи созданнымъ преимущественно южнорусскими писателями XVII—XVIII в. А такъ какъ правописанію предстоитъ сдѣлать отдѣльныя нарѣчія и племена въ одно дѣло, оно и должно быть постоянно и повсемѣстно. Это поняли разные народы, которые, хотя «по нещастію разбиты на нарѣчія, но по щастію стремятся обобщить

1) См. его — *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоѣ русскаго языка*. Спб. 1803 г. Вліяніе Шипкова можно замѣтить у Лучкаго и Бережанина, выводы которыхъ напоминаютъ намъ слѣдующее мѣсто статьи Шипкова: «Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало русскаго языка, который самъ собою всегда изобилень былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами заимствованными отъ сроднаго ему еллинскаго языка, на коемъ витѣйствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосеены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники» 2 стр. Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ общимъ вліяніемъ статьи Ломовосова — «О пользѣ книгъ церковныхъ».

сплавить однимъ нарѣчіемъ свои разросшіеся члены и вѣтви. А это стремленіе происходитъ изъ чувства самосохраненія, усиленія себя, упроченія своей независимости, своего счастья». Въ подтвержденіе этого положенія Венелинъ ссылается на высокую степень культурнаго развитія Французовъ съ однимъ литературнымъ языкомъ (7-ми миллионнымъ нарѣчіемъ) для всего народа (32 мил.) и на некультурность немногочисленныхъ чухонцевъ, разбитыхъ на нѣсколько нарѣчій. Сопоставивъ же цифры населенія съ цифрами нарѣчій отдѣльныхъ народовъ, Венелинъ пришелъ къ выводу, что «самый развитый есть Русскій народъ, который заключаетъ въ себѣ болѣе 42 миллионовъ и только два нарѣчія», легко понятныя обоимъ племенамъ (Мат. 118).

Считалъ ли Венелинъ это требованіе литературнаго единенія южанъ съ сѣверянами обязательнымъ и для карпаторусовъ, трудно опредѣлить, такъ какъ въ относящихся сюда статьяхъ рѣчь идетъ преимущественно о Кіевской и Московской Руси, объединенныхъ и политически уже съ пол. XVII в., чему онъ придавалъ большое значеніе. Въ случаѣ, однако, если бы Венелинъ, несмотря на вѣковую политическую и культурно-общественную обособленность и исключительность Карпатской Руси, предписывалъ и ей — еще въ самомъ началѣ умственнаго движенія — примкнуть къ живой сѣвернорусской литературѣ и наукѣ, какъ къ общерусской, то это слѣдовало бы считать — по крайней мѣрѣ — естественнѣе, цѣлесоотвѣтственнѣе и легче осуществимымъ, чѣмъ уродливыя теоріи его земляковъ — современниковъ о «древнеславянскомъ» и «славенороссійскомъ» языкахъ.

Между тѣмъ послѣднія теоріи плѣнили многихъ карпаторусскихъ грамотеевъ начала XIX в. и поработили на долгое время свободную мысль, живое слово и умственное движеніе страны. И понятно, что иначе не могло быть, разъ часть трудоспособныхъ и одаренныхъ писателей замкнула умственную жизнь народа въ узенькія границы отжившаго и изуродованнаго «старославянскаго» языка и его письменности, вмѣсто того, чтобы пре-

доставить самой жизни законное право охватывать все болѣе и болѣе широкіе предѣлы¹⁾).

Среди галицкорусскихъ писателей первой полов. XIX в. не было двухъ мнѣній о соотношеніи галицкорусскаго — вмѣстѣ съ южнорусскимъ языкомъ — къ сѣвернорусскому. Всѣ они соглашались въ томъ, что это два отличныхъ народныхъ языка, объединенныхъ до XV в. общей письменностью, до настоящаго же времени однимъ письмомъ; вообще же сродненныхъ общимъ происхожденіемъ. О подчиненности одного языка другому въ то время и помину не было. Наоборотъ — мнѣніе Шевырева о галицкорусскомъ языкѣ, какъ «польско-русскомъ нарѣчій» (Москвит. 1841 г. 507 стр.), вызвало со стороны Иос. Левицкаго рѣшительное опроверженіе въ *Jahrbücher* Иордана 1844 г. (183 стр.). Къ извѣстной же теоріи Погодина о кievскихъ великорусахъ И. Я. Головацкій, несмотря на свое русофильство, отнесся въ письмахъ къ брату Якову довольно проницески²⁾.

Это единомысліе галицкихъ писателей насчетъ взаимноотношенія обоихъ русскихъ нарѣчій не объединило, однако, ихъ мнѣнія о значеніи народнаго языка въ культурномъ развитіи страны. Одна часть, о которой было выше упомянуто, стояла за строгое

1) Лучшую характеристику этихъ галицкорусскихъ «славенскихъ писаній» далъ Максимовичъ въ «Кіевлянинѣ» 1841 г. 134—141 стр.

2) Обращая вниманіе брата Якова на статью Погодина во 2-омъ вып. «Извѣстій Акад. Наукъ» 1856 г., И. Головацкій писалъ ему: «тотъ москвичъ дерзнулъ утверждать, будто до пришествія татаръ не было малороссіянъ въ Кіевѣ, и что нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія въ Несторовой и проч. лѣтописяхъ!! Но зато нашъ старикъ Максимовичъ разписался въ «Русской Бесѣдѣ» III кн. и рѣшительно опровергнулъ это литературное заблужденіе... Досталось тамъ Погодину хорошо на его долю, за его Улганпатріотизмъ». — См. Студинскій — Кореспонд. Я. Головацкаго, 350—1 стр. Письмо И. Г.—аго отъ 26 апр. 1857 г. — На 354 стр. въ письмѣ отъ 4 мая 1857 г. И. Г.—ій доноситъ брату: «Погодинъ написалъ въ IV книгѣ (Рус. Бес. 1856 г.—авт.) реплику—но такъ слабо и ничтожно доводить свою догадку, что невольно вспомнишь пословицу: Не мавъ волкъ чимъ, та лыкомъ».

отдѣленіе книжнаго отъ простонароднаго—мужицкаго и, во вѣковой традиціи, предлагала въ качествѣ перваго доморощеннѣй славенскій языкъ. Къ нимъ принадлежали такіе строгіе послѣдователи возвышеннаго стиля, какъ Семашъ, Лѣсенецкій, Іос. Левицкій въ переводахъ, цензоръ Вен. Левицкій и церковная іерархія.

Причина этому преклоненію предъ искусственнымъ «книжнымъ языкомъ» слѣдуетъ искать въ школьной традиціи, своеобразномъ аристократизмѣ галицкорусскаго общества и въ подобострастномъ почитаніи языка и буквы священныя церковныя книги. Школьная традиція и почитаніе церковной книги поддерживали долѣе время господство «книжнаго языка», а своеобразный аристократизмъ вложилъ въ уста галицкорусскому мелкому обществу польскую рѣчь шляхты, нѣмецкую чиновничества и латинскую богословія. Искусственность зарождавшейся галицкорусской письменности была обусловлена еще тѣмъ, что она образовалась преимущественно семинарской молодежью, находившейся—во всѣхъ отношеніяхъ—подъ бдительнымъ надзоромъ духовнаго начальства. Послѣднее же—въ силу присущихъ ему понятій—считало указаннымъ отнестись опекуски ко всякимъ «новымъ» начинаніямъ. Оно не одобряло и участія семинаристовъ въ тайныхъ галицкопольскихъ кружкахъ; возстало черезъ своего цензора В. Левицкаго и противъ задуманнаго Шашкевичемъ и товарищами 1835 г. альманаха «Зоря» за гражданку, народный языкъ и полуфонетическое правописаніе; конфисковало въ 1839 г. «Оду архикн. Францу Карлу», напечатанную А. Могилянскимъ гражданкою и запретило въ 1844 г. перепечатанье «Маруси» Основяненка по причинѣ «правописанія та украинскихъ словъ галичанамъ, якобы, непонятныхъ¹⁾».

1) См. письмо Я. Головацкаго къ И. Срезневскому отъ 8 авг. 1844 г. въ «Матеріалахъ» 174 стр.; его же воспоминанія въ «Наук. Сбор.» 1886 г.; Іос. Левицкаго — das Schicksal d. gal.-ruthenischen Sprache въ Jahrbücher Iordana 1844 г. и статью *Historja Rusyna* (Я. Г—го) — Zustände der Russinen in Galizien, тамъ же 1846 г.

Мало того, то же духовное начальство, вмѣстѣ со старшимъ духовенствомъ конца XVIII и начала XIX в., не очень то одобряло употребленіе простаго слова на мѣсто польскаго въ церковной проповѣди, несмотря на то, что цѣлѣписныя и риторическія предписанія XVIII в. ясно допускали «деревенскій мужицкій слогъ» въ комедію, низшій родъ литературы и въ рѣчи къ простонародью. Если же это неодобрительное отношеніе церковной іерархіи къ простонародному языку продолжалось и послѣ 1850 г., то одну изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ видѣть въ нежеланіи наивысшей церковной власти вводить въ церковь «*plebeum sermonem*»¹⁾. Вотъ почему капеланъ митрополита Левицкаго — А. Петрушевичъ обратился, по его же порученію, къ Я. Головацкому въ апрѣлѣ 1855 г. съ предложеніемъ: перевести папскую буллу «нашею рѣчею, т. е. *благородною книжною*, но никакъ *мужиковскою*, чему сопротивляется уже сама важность предмета; подъ свободнымъ переводомъ надо понимать приличное соблюденіе отличительныхъ свойствъ русскаго языка и его словосочетанія, для избѣжанія латинизмовъ»²⁾).

Ничего нѣтъ удивительнаго, что среди такихъ обстоятельствъ — у большинства защитниковъ правъ простонароднаго языка въ зарождавшейся галицкорусской литературѣ не могло появиться достаточно силъ, чтобы окончательно отвести ему надлежащее мѣсто. Вдобавокъ и познанія по языку были у начинавшихъ галицкорусскихъ писателей слишкомъ незначительны и случайны, чтобы можно было — на ихъ основаніи — заняться болѣе успѣшной литературно-филологической работой. Вотъ причины, почему Могилянскій, Левицкій, Вагилевичъ, Лозинскій и Головацкій³⁾ не успѣли дать своимъ современникамъ хорошую гра-

1) См. Die ruthenische Schrift—und Sprachfrage, Львовъ 1861 г. 50—1 стр. Письмо кардинала Франconi 1861 г. отъ имени папы Пія IX къ митрополиту Левицкому.

2) См. Студинскій—коресп. Я. Голов. 194 стр.

3) І. Могилянскаго—возраженіе львовской губерніи 1818 г. на замѣчаніе, будто въ гал.-русскихъ приходскихъ школахъ учатъ великорусскому (russisch) языку, и доказательства, что гал.-рус. и малороссійскій языки независимы отъ

матику народнаго языка и надлежащее понятіе объ его значеніи въ новомъ умственномъ движеніи.

Такъ Могильницкій говорилъ въ одной и той же статьѣ о самобытности галицкорусскаго языка по отношенію къ старославянскому и сѣвернорусскому, но одновременно указывалъ на отличіе книжнаго языка отъ простонароднаго, считая южнорусскій книжный языкъ XVI—XVIII вв. почти тождественнымъ съ нынѣшнимъ живымъ. — По мнѣнію Левицкаго (Gram. X) литература южнорусовъ была обща и сѣвернорусамъ до XV в.; тогда то оба племени употребляли одинъ церковно-славянскій языкъ, какъ въ переводахъ съ греческаго, такъ и въ оригинальныхъ сочиненіяхъ — преимущественно религіознаго содержанія. Тотъ же грамматикъ стоялъ за употребленіе книжныхъ формъ, общихъ церковно-славянскому и славяно-русскому языкамъ; за Максимовичемъ же онъ защищалъ одно общее правописаніе для обѣихъ вѣтвей русскаго народа.

Отношеніе Вагилевича къ сѣвернорусскому языку опредѣляется лучше всего его общерусскими симпатіями и идеями. Считая южанъ и сѣверянъ «синами святой Руси» (Письма 627 стр.), галичанъ даже «внѣ Руси обитающими» (Переписка Восток. 376 стр.) и, видя въ трудѣ «про величіе прежнихъ віт-

церк.-слав. и великорусскаго языковъ—въ М. Nagasiewicz: *Annales ecclesiae ruthenae* 998 стр.; тѣ же выводы относительно самобытности гал.-русскаго языка были повторены Могильницкимъ въ отношеніи въ губернію по дѣлу слав.-русскаго посланія 1821 г. (*ibid.* 1000—1006 стр.) и въ *Rozprawie o języku ruskim* (Сзасорист наук. 1829 г., Ж. М. Н. Пр. 1838 г. I и отдѣльной брошюрой во Львовѣ 1848 г.).

Иос. Левицкаго — *Grammatik der kleinrussischen Sprache* 1834 г.; Доля галицкорусскаго языка въ «Денницѣ» 1843 г. 45 стр. и въ *Jahrbücher* Гордана 1844 г.

И. Вагилевичъ—*Gramatyka języka małoruckiego w Galicyi*, 1845 г.

І. Лозинскаго—*Gramatyka języka ruskiego*, 1846 г. и брошюра «О образованію языка русскаго», 1849 г.—См. объ этихъ грамматикахъ работу д-ра О. Маковей — Три галицкіе грамматики, Льв. 1903 г. изъ 51-аго т. Записокъ наук. т—ва ім. Шевченка.

Я. Головацкаго — *Zustände der Russinen*, 1846 г. и *Rozprawa o języku южнорускомъ и его нарѣчіяхъ*, Льв. 1849 г.

цѣвъ и своѣх сокраян» (Пис. 627) и на пользу «для русскихъ вообще» (Перепис. 376) — цѣль жизни, ввиду чего труды «Русина... тамъ (scil. Россія) появлятися повинни и хосенъ приносити» (Пис. 641), Вагилевичъ повидимому относился къ обоимъ русскимъ нарѣчіямъ, какъ равноправнымъ дѣтищамъ Руси. На основаніи этого онъ и оперъ свою малорусскую грамматику на великорусскія Греча и Востокова (Грам. XXII), позаимствовавъ у нихъ много формъ склоненія и спряженія.

Хотя Лозинскій стоялъ за чистый народный языкъ въ галицкорусской литературѣ и устранялъ такимъ способомъ пеструю искусственность флексійныхъ формъ, замѣчаемую у Левицкаго и Вагилевича, онъ не могъ, однако, не признать за великорусскимъ языкомъ извѣстныхъ преимуществъ въ отношеніи къ южнорусскому. Итакъ — онъ ясно сознавалъ, что «самая большая часть Руси находится подъ вліяніемъ великорусскаго языка, какъ государственнаго. Въ силу чего этотъ языкъ со временемъ больше другихъ повліяетъ на южнорусскій» (Грам. XXI), что, впрочемъ отчасти уже и сказалось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей и въ нарѣчьи самыхъ восточныхъ малорусовъ, освободившихся отъ полонизмовъ (ibid. 126). Въ виду же того, что простонародный языкъ не изобилуетъ большимъ запасомъ словъ, писателю приходится создавать новыя слова изъ народнаго корня, или изъ самыхъ близкихъ южнорусамъ нарѣчій, великорусскаго и польскаго, болѣе близкихъ имъ, чѣмъ церковно-славянскій (ibid. XXXIV—V). Наконецъ, по мнѣнію Лозинскаго, южнорусамъ слѣдуетъ употреблять этимологическое правописаніе, дѣлающее «намъ великорусское письмо болѣе понятнымъ, чѣмъ ихъ языкъ, особенно окрестностей Москвы» (ibid. XL, выноска). — Такое отношеніе Лозинскаго къ сѣвернорусскому языку подсказало ему въ статьѣ «О образованію языка руского» слѣдующее положеніе: «Кто вѣдразу з нашего языка радбы образованный мати, той подобный тому, щобы хотѣвъ овощи перед цвѣтемъ щибати... Едныи чипаются російскаго языка, но тим прислуги своему народови не дѣлают. Наша лѣтература про то е

зубожла, же рускім таланте в польским, російским або нѣмецким писали и пишут языцѣ, а не в своем власным. Другіи берут и слова и формы будь з церковного, будь з російского нарѣчія и без всякого примѣренія творят якісь языкъ новый, который еще никто не говорил и мабуть никто говорить не буде. Така мѣшанина не пріймется в народѣ, и не поможет до образованія языка, еко затамуе поступ его» (5 стр.).

Мнѣніе Я. Головацкаго въ этомъ отношеніи было еще болѣе опредѣленнымъ и категоричнымъ. Въ статьѣ «Zustände der Rusinen» онъ говоритъ, что сѣвернорусскій книжный языкъ понятенъ каждому образованному южнорусину постольку, поскольку опирается на церковно-славянскій и малорусскій языки; только разговорный славяно-русскій языкъ слѣдуетъ раньше изучить, чтобы его понимать (4 стр.). Пренебрежительное же, а подчасъ и враждебное отношеніе Россіи къ возникающей малорусской литературѣ, подвергнутой уже безъ этого слишкомъ сильному вліянію великорусской литературы (3 и 21 стр.) послужило Головацкому доказательствомъ тому, что Галицкая Русь не можетъ тяготѣть къ Россіи (20 стр.). Съ другой же стороны, Головацкій указалъ Австріи на ея прямую обязанность и выгоду поддерживать возникающую малорусскую литературу. Съ защитой полной самобытности южнорусскаго языка Головацкій выступилъ въ «Росправѣ». — Тѣ же политически-литературныя соображенія въ пользу самобытнаго развитія малорусскаго, относительно же галицкорусскаго языка, подъ покровительствомъ Австріи высказали въ 1859 г. и члены азбучно-языковой комисіи Я. Головацкій, Куземскій, Литвиновичъ, Малиновскій и Яновскій¹⁾.

Чтобы уже разъ пресѣчь эту язычную путаницу, ознамено-

1) См. Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage, Льв. 1861 г. — Выводы этой книжки очень интересны: во-первыхъ, какъ свидѣтельство филологическихъ познаній у виднѣйшихъ представителей «Галицко-русской Матицы»; во-вторыхъ же, какъ сводъ ясно сложившейся въ то время программы, такъ называемой старорусской партіи.

вадшую новое умственное движеніе Галицкой Руси, созывавшіе «Зъѣздъ ученыхъ русскихъ во Львовѣ» (12—26 окт. 1848 г.) вмінили ему въ главную задачу — «высвѣтити рѣшницу мовы нашої одъ языка старославянського, такоже одъ російского и одъ польского»¹⁾. Филологическая комисія «Зъѣзда», исполняя это требованіе, поручила Я. Головацкому прочитати въ полномъ собраніи «Зъѣзда» извѣстную «Росправу», доказывавшую полную самостоятельность южнорусскаго народа и языка. — Несмотря однако на это мнѣніе о самобытности, «Зъѣздъ ученыхъ русскихъ» не отрицалъ и родства обоихъ русскихъ племенъ. Предсѣдатель исторической секціи А. С. Петрушевичъ указалъ на то, что «нельзя никогда пренебрегати тую тѣсную связь, которая насъ до половины XIV в. получала съ однокровными и одновѣрными нашими братьями, нельзя пренебрегати тое отношеніе, въ якомъ Русь наша стояла до цѣлой еще самобытной Руси... а черезъ все наше Ляхолѣтіе. Конечно намъ есть неустанно передъ очима имѣти постепенное наше отчужденіе: сперва политическое, послѣ же и религійное отъ прочей Руси... Такимъ то только образомъ розкрыется передъ нами все наше прошедшее и мы легко понимати станемъ положеніе наше теперешное и отгадаемъ будущую нашу судьбу»²⁾. — На необходимость культурной связи съ Россіей указала и философски-естественная секціа «Зъѣзда», когда рѣшила выписать нужныя книги и сочиненія по своимъ предметамъ изъ Россіи³⁾. — Наконецъ, училищная комисія, опредѣливъ ввести преподаваніе «великорусскаго нарѣчія» во 2-ой классъ гимназіи⁴⁾, этимъ самымъ отмѣтила громадное значеніе этого языка для Галицкой Руси.

1) Зоря Галицка, 1848 г. № 17: «Запрошеніе ученыхъ русскихъ на зъѣздъ до Львова».

2) Я. Головацкаго — Историч. очеркъ основанія гал.-рус. Матицѣ, Льв. 1850 г., LXXIV стр.

3) Ibidem LXVIII стр., 3 пунктъ.

4) Ibidem XCIV—V стр.

Умственное движеніе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ начала XIX в., создавшее—въ силу племенного родства, культурно-исторической традиціи и общихъ культурно-національных интересовъ—мощную струю славянскаго возрожденія, могло бы получить то же общее названіе и на основаніи однихъ внѣшнихъ чертъ. Думаемъ здѣсь о томъ: какъ многіе выдающіеся славянскіе дѣятели конца XVIII и начала XIX в., несмотря на свою горячую любовь къ народу, не вѣрили въ возможность созданія такъ называемой національной литературы, въ модерномъ значеніи; какъ тѣ же дѣятели своими славеносербскими, нѣмецкими и латинскими (Райчъ, Добровскій) сочиненіями клали прочныя основанія подъ величественное зданіе какъ разъ національныхъ литературъ; какъ другіе—въ заботѣ о свѣтломъ будущемъ родины—старались найти опору и вѣрный залогъ этому будущему въ славянофильствѣ, особенно же русофильствѣ, политическомъ и культурно-языковомъ. Последнее и было причиной, что вопросъ объ одномъ языкѣ, особенно же общеславянскомъ письмѣ (кирилскомъ, кирилско-латинскомъ и латинскомъ), волновалъ чуть-ли не до послѣднихъ дней славянскія земли. Съ другой опять стороны, почти одновременно съ этими центро-стремительными усиленіями славянъ, начинаютъ проявляться и центробѣжныя силы, стремившіяся создать независимую самостоятельную культуру не только цѣльныхъ народностей, но и ихъ мелкихъ разновидностей (словенцы, хорваты, сербы, словаки, чехи, обѣ Руси). Всѣ указанныя черты славянскаго возрожденія замѣчаемъ и у карпаторусовъ.

Такъ — Гарасевичъ, историкъ униатской церкви и Зубрицкій, первый историкъ Карпатской Руси, писали, первый—по латыни, другой — по польски и нѣмецки; первый галицкій языковѣдъ Могилянскій писалъ по польски и нѣмецки. Всѣ карпаторусскія грамматики до 1846 г. появились не на народномъ языкѣ. Сами же грамматики народнаго языка, Лучкай и Левицкій, относились очень скептически къ его будущей роли въ литературѣ. Желая же сохранить вѣковую внѣшнюю связь юговосточныхъ

славянскихъ письменностей, они—вмѣстѣ съ рядомъ другихъ—выступили съ защитой церковно-славянскаго языка, какъ письменнаго.

Если мечты объ искусственномъ славенорусскомъ языкѣ въ литературѣ, несмотря даже на ихъ прозябаніе и по нынѣшній день, явились неосуществимыми и мало привлекательными, то движеніе въ пользу живого сѣвернорусскаго литературнаго языка, какъ одно изъ проявленій русской центростремительной силы, должно было завладѣть на долгое время умами многихъ карпаторусскихъ дѣятелей. Въ обоихъ случаяхъ все дѣло заключалось въ желаніи найти прочную опору и основу культурному развитію небольшого уголка русской земли—Карпатской Руси. Выводы угрорусовъ, вся дѣятельность Зубрицкаго и его одномышленниковъ (обоихъ Головацкихъ послѣ 1850 г., Гушалевица, свщ. Синеводскаго, Сокульскаго, Раковскаго, Петрушевича¹⁾) свидѣлствуютъ лучше всего о такомъ, а не другомъ зарожденіи общерусскихъ идей въ Карпатской Руси.

Идея объединенія русскихъ племенъ не была чуждой и защитникамъ полной самобытности южнорусовъ. Лозинскій, Вагилевичъ, члены «Зѣзда ученыхъ русскихъ во Львовѣ» не отри-

1) См. Кореспонденцію Я. Головацкаго, изъ которой слѣдуетъ, что одна часть галицкорусскаго общества оставалась подъ мощнымъ впечатлѣніемъ быстраго развитія русской литературы, науки и государственности.

Д. И. Зубрицкаго считаютъ многіе главнымъ врагомъ народнаго языка въ литературѣ. Судя по письмамъ З—аго къ Погодину, начиная съ 1851 г., это казалось бы доказаннымъ, такъ какъ онъ выступалъ противъ «схоластико-польскаго» языка галицкорусской литературы (Письма 586, 608 стр.) и былъ противникомъ раздвоенія русскаго языка (idib. 612—14, 659—60 стр.). Здѣсь З—ій явился выразителемъ той центростремительной силы, о которой мы и говоримъ. Врагомъ языка родного народа онъ, однако, не былъ: въ письмѣ къ Я. Головацкому отъ 22 іюня 1847 г. онъ поощрялъ его заняться «составленіемъ ідіотикона словъ и изреченій малорусскаго языка, не употребляемыхъ въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ... Это очень важный трудъ и славу сочинителю сузить». Въ письмѣ же отъ 2 марта 1848 г. старикъ писалъ, что согласенъ стать редакторомъ «журнала Галицкой Пчелы на нашемъ діалектѣ... хотя едва двѣ или три строки писалъ на малорусскомъ нарѣчійи» и принесетъ свое спокойствіе и старческое здоровье въ народную пользу.—См. Я. Головацкаго: Забѣтки и дополненія, 71—72 стр.

пали, ни родства и близости южанъ и сѣверянъ, и не сопротивлялись культурно-научной общности обоихъ племенъ, стояли за внѣшнее орографическое единеніе южнорусской литературы съ сѣвернорусской и даже находили позволительнымъ и правильнымъ кое-чѣмъ позаимствоваться у сѣверянъ.

Однимъ словомъ—старославянщина, общерусскость и народничество, столкнувшіяся въ періодъ карпаторусскаго возрожденія и вошедшія въ основанія культурно-національной жизни страны, явились не только глухимъ отзвукомъ современнаго славянскаго возрожденія, но и естественнымъ послѣдствіемъ всей предыдущей жизни страны. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ и желаніе первыхъ галицкорусскихъ писателей освободить родную рѣчь отъ полонизмовъ, вошедшихъ и входящихъ въ нее. А такъ какъ, по современнымъ филологическимъ выводамъ Ломоносова, Греча и Шевырева, южнорусскій языкъ подвергся особенно сильной полонизаціи, ввиду чего Гречъ и Шевыревъ считали его польско-русской смѣсью, нечему удивляться—что одни галичане (Зубрицкій) высказались за «чистый» русскій языкъ, другіе же за болѣе свободный отъ полонизмовъ языкъ украинскихъ писателей (Лозинскій). Если же прибавить къ этому общее всѣмъ галицкорусскимъ возродителямъ желаніе, оказать извѣстный отпоръ польскимъ притязаніямъ на южнорусовъ, какъ на польское племя, мы убѣдимся, что у нихъ было слишкомъ много причинъ мечтать о славянскомъ литературномъ единеніи, думать и пытаться создать одну русскую культуру и стремиться къ южнорусскому единству. О политическомъ объединеніи не могло быть и рѣчи, такъ какъ австрійское правительство слѣдило слишкомъ зорко за политическимъ славянофильствомъ, да и въ Россіи оно не пользовалось довѣріемъ правительства. Литературно-языковое единеніе было единственно возможнымъ и естественнымъ проявленіемъ общерусскихъ стремленій у галичанъ.

Наконецъ—восторженное преклоненіе первыхъ чешско-славянскихъ писателей, Добровскаго, Пухмаера, Юнгмана и Ганки передъ русскими языкомъ, литературой и письмомъ; изобиліе

русскихъ историческихъ, этнографическихъ и филологическихъ трудовъ первостепенной важности и для южнорусовъ; участие такихъ выдающихся украинцевъ, какъ Максимовичъ, Гоголь, (Срезневскій), Бодянскій и (Костомаровъ) въ русской наукѣ— были для карпаторусскихъ поклонниковъ славяно-русскаго языка лишнимъ стимуломъ, стоять за его права и въ карпаторусской литературѣ. Что и эти стремленія насадить въ Карпатской Руси славяно-русскій языкъ въ качествѣ общерусскаго литературнаго, не увѣнчались успѣхомъ — неудивительно, такъ какъ семья, школа, общество, политическая и вся культурно-національная жизнь не поддерживали ихъ¹⁾.

Какъ ни мало доступна была русская книга австрійскимъ славянамъ²⁾, еще же менѣе галичанамъ³⁾, она все-таки попадала въ Карпатскую Русь и дѣлала свое дѣло.

Первоисточникомъ знакомства Карпатской Руси съ русской книгой нужно считать труды Добровскаго⁴⁾, содержавшіе луч-

1) Судьбы этого движенія послѣ 1848 г. до 1862 г. изобразилъ очень рельефно проф. К. Студинскій въ предисловіи къ «Кореспонденціи Я. Головацкаго»; общую характеристику галицкой азбучно-языковой распри находитъ въ сочиненіи О. Терлецкаго — Галицко-руське письменство 1848—1865 р., стр. 47—78.

2) См. А. Кочубинскаго—Нач. годы рус. слав. 220—2 стр.; кромѣ этого жалобы на громадныя затрудненія при полученіи и на дороговизну русской книги въ письмахъ Шафарика къ Бодянскому и Погодину, Колара къ Кеппену (Савор. 1904 г. III—IV, стр. 245—6).

3) О торговлѣ русскими книгами въ Австріи и Галичинѣ сообщилъ очень интересныя данныя Ф. И. Свистунъ въ «Вѣстникѣ Народ. Дома» 1904 г. № 255—6, 1783—7 г. письма П. Княжевича «илирическаго и валахійскаго книжнаго лиферанта и города Землина Бургера» къ ректору львовской семинаріи Цавницкому; № 257—8 сношенія Я. Головацкаго съ книготорговцами Кіева и Спб. послѣ 1848 г.

Денница Дубровскаго 1842 г. 256 стр.—жалобы І. Левицкаго; *Литератур. Сборникъ* 1-р. Мат. 1885 г.—въ воспоминаніяхъ Я. Головацкаго и въ автобіографіи І. Лозинскаго.

4) *Literarische Nachricht*... 1796 г. 100—115 стр., *Slavin* 1808 г., *Slovanka* 1814 и 1815 г., Предисловіе въ Пухмаера—*Lehrgebäude der russischen Sprache*, 1820 г.

шіе своды русскаго научнаго движенія. Затѣмъ — переводы, нѣмецкій исторіи Карамзина и польскій литературы Греча, Исторія славянскихъ литературъ Шафарика и довольно подробные обзоры русскаго ученаго движенія въ *Pamiętniku Warszawskim* и львовскихъ *Rozmaitościach*, что все было легко доступно первымъ представителямъ галицкорусскаго возрожденія, Лавровскому, Гарасевичу и Могильницкому.

Первыми русскими книгами, обратившими на себя ихъ вниманіе были труды митр. Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, Карамзина, Сопикова и Калайдовича. Когда же стали появляться *Sa-soris* (1831), Денница Дубровскаго (1842), *Jahrbücher* Иордана и Кіевлянинъ Максимовича — источниковъ знакомства галичанъ съ русской книгой оказалось очень много. Такъ какъ цѣна на русскую книгу оказалась слишкомъ дорогой, галицкорусскіе писатели стали получать ее въ обмѣнъ на старинную славянскую и новую галицкую книгу, или же въ подарокъ отъ русскихъ ученыхъ — Погодина, Бодянскаго, Срезневскаго и Максимовича; пріобрѣтать пришлось имъ сначала очень небольшое. И свои помнили о родинѣ — Орлай и Лодій снабдили русскими книгами львовскую и пришевскую монастырскія бібліотеки.

Русская книга шла во Львовъ по почтѣ; со времени же посвященія Погодинымъ Галичины черезъ бродскаго комиссіонера Гартенштейна, черезъ проѣзжихъ русскихъ и на Прагу черезъ Шафарика ¹⁾ и Ганку; наконецъ же — по свидѣтельству свщ. І. Яновича — и контрабанднымъ путемъ на Почаевъ ²⁾.

Первое свидѣтельство о знакомствѣ галичанъ съ русской

1) Отъ Бодянскаго — см. *Письма Шафарика* 62, 70, 74—6 стр.

2) См. д-ра К. Студинскаго — Кореспонд. Я. Головац. 257 стр. письмо свщ. Яновича изъ Бродовъ отъ 24 февр. 1856 г., въ которомъ читаемъ: «мои Парохіани которіи зпровадзеніємъ книжокъ Почаевскихъ трудилися, одъ року правѣ осѣли и боятся тамже удатися и премицтвомъ заниматься, а притомъ есть родзая Лудей горшѣ Іевреювъ, же собѣ цѣну поднесли за свои труды, бо теперь въ Россіи дуже остро берутъ; въ стичности будучи зъ Надзирателями мусять Імъ платити, и такъ жадеи не хочеть затруднити ся, аби спровадити желемиі книжки».

книгой находимъ въ «Запискахъ» Кеппена (см. Матеріалы). Изъ нихъ узнаемъ, что намѣстникъ львовскихъ Василянъ Гриневецкій и каноникъ Гарасевичъ знали трудъ объ униі Бантышъ-Каменскаго и исторію Карамзина, а перемышльскій каноникъ Лавровскій зналъ Калайдовича — Іоанна экзарха болгарскаго и Сопикова — Опытъ бібліографіи.

Непосредственныя свидѣтельства этого знакомства раскинуты по немногочисленнымъ трудамъ галичанъ. Такъ — въ Rozgrawie Могильницкаго находимъ ссылки на Ломоносова, Карамзина и Греча, съ послѣднимъ даже полемику. — Лучкай упоминаетъ въ предисловіи къ Slavo-Ruthen. Grammatica (IX стр.) невѣрное мнѣніе «Сына Отечества» отъ 1828 г., будто хорватскій языкъ есть церковнославянскій, и полемизируетъ съ Карамзинымъ по поводу расселенія угрорусовъ (XIII стр.). — Антоній Добрянскій, по свидѣтельству его біографа Б. А. Дѣдицкаго, прочелъ Карамзина и Бантышъ-Каменскаго въ 30-тые годы въ Вѣнской императорской бібліотекѣ. — І. Левицкій напечаталъ отрывки нѣкоторыхъ стихотвореній Карамзина въ своей граматикѣ 1834 г., какъ образцы литературнаго языка. — Интересно, что молодой семинаристъ Н. Устіановичъ, получивши впервые 1841 г. русскую книжку — «Кіевлянина» въ руки, призналъ ея языкъ почти малорусскимъ¹⁾, что однако не препятствовало ему выступить въ 1848—9 г. лучшимъ защитникомъ народнаго галицко-русскаго языка въ мѣстной литературѣ²⁾. — Знакомство Головацкаго съ русской книгой относится къ 1835—6 г., когда онъ прошелъ русскую грамматику Геймъ-Гродзицкаго, прочиталъ нѣсколько одъ Державина въ польскомъ переводѣ и приобрѣлъ за 29 флориновъ Исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго (см. Наук. Сбор. 1885 г. 31 стр.). — По словамъ К. Горбала (1836—1904 г.) у тысменицкаго священника І. Недѣльскаго были въ 40-выхъ гг. «россійскія» книги, изъ

1) См. *Наук. Сборникъ* 1885 г., Воспоминанія Н. Устіановича 43 стр.

2) См. *Галичо-русскій Вѣстникъ* 1849 г. статьи Устіановича.

которыхъ онъ мальчикомъ читалъ по складамъ «Увѣщаніе упо-
вающихъ на свою правду»¹⁾; самъ же Недѣльскій сталъ за при-
нятіе готовой «россійской» литературы.

Изъ русскихъ поэтовъ первое мѣсто, по времени и распро-
страненіи въ Карпатской Руси, принадлежитъ Державину. Его
ода «Богъ» появилась впервые въ изданіи Д. Зубрицкаго вмѣстѣ
съ польскимъ и нѣмецкимъ переводами 1830 и 1846 г., а за-
тѣмъ въ «Поздравленіи русинамъ на 1852 г.» съ одой «Безсмер-
тіе души». — Отдѣльныя строфы изъ Державина, какъ мотто,
появлялись цѣлый рядъ лѣтъ въ началѣ галицкорусскихъ одъ и
гимновъ²⁾.

Мотто изъ Ломоносова находимъ въ «Звукѣ радостотворнаго
гласа» М. Левицкому 1838 г.; изъ Пушкина³⁾ и Богдановича
въ «Вѣнцѣ благодарной милости» митрополиту Левицкому» и въ
«Мотилѣ» Рудольфа Моха 1841 г.; изъ Воейкова въ «Вѣнцѣ во
честь Яхимовича» 1851 г., изъ Жуковского же въ сборникѣ
стихотвореній И. Гушалевича п. з. «Цвѣты изъ надднѣстрянской
левады» 1852 г.

Изъ прозаиковъ въ галицкорусскомъ переводѣ появились:
Даля «Изъ солдатскихъ досуговъ» (Я. Голов.) въ «Вѣнку» 1847 г.
317—331 стр. и двѣ «Казки» въ «Галичо-русскомъ Вѣстникѣ»
1849 г.; въ немъ же появился разсказъ Солмогуба «Нечистая
сила». — Петръ Головацкій перевелъ въ 1850 г. «Тараса Бульбу»
Гоголя; свщ. І. Сокульскій цитируетъ въ письмѣ къ Головац-

1) См. Руслан 1904 г. № 233, воспоминанія К. Горбала; В. Коцовскій
указываетъ въ трудѣ «Жите и значене М. Шашкевича» Льв. 1886 г. 47 стр.—
выноска, на воспитанника вѣнской семинаріи І. Недѣльскаго, какъ любителя
ст.-русской книги, имѣвшего нѣсколько номеровъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1805 г.

2) Укажемъ только на нѣкоторые: І. Левицкаго — Стихъ во честь М. Ле-
вицкаго 1837 и 1838 г., Стихъ во честь В. Поповича 1838 г.; С. Лисенецкаго —
Возрѣніе страшилища 1838 г.; І. Левицкаго — Стихъ во честь Г. Яхимовича
1849 г.; и въ «Слезѣ горести на могилѣ Яхимовича» (отъ львовскихъ гимнази-
стовъ) 1864 г.

3) Пушкина читалъ свщ. І. Левицкій 1854 г. — см. Студ. — Коресп. 111 стр.;
за то львовскій чиновникъ Блаймъ (не русинъ) просилъ Погодина уже 1838 г.
о присылкѣ Пушкина (Письма 536 стр.).

кому 1854 г. одно мѣсто изъ разсказа Гоголя — «Какъ поссорились . . .» (см. Коресп. Я. Гол. 118 стр.). — Басни Крылова сыграли, кажется, довольно важную роль у галицкорусскихъ баснописцевъ; этотъ вопросъ, однако, пока еще не изслѣдованъ. Только М. Козановичъ напечаталъ въ «Зорѣ Галицкой» 1852 г. (46 №) басню «Волкъ и лисица» — «на подобіе Крыловой»; очень возможно, что его же басни въ «Отечеств. Сборникѣ» 1854 г. (27—8 №) будутъ тоже «на подобіе Крыловыхъ».

Для полноты этого краткаго обзора, особенно же для иллюстраціи вкуса галичанъ и ихъ знакомства съ русской литературой, приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ, по 1-ому тому «галицко-русской библіографіи» И. Е. Левицкаго всѣ названія переводовъ изъ русскаго, появившихся въ галицко-русскихъ изданіяхъ. Итакъ: Бенедиктова — «Могила» (Поздрав. рус. на 1852 г.), Глинки — «Горе и благодать, Судъ закона, Утѣшитель» (Зоря Гал. 1853 г.), Гребенки — «Мачиха и Панночка, Такъ иногда люди жевятся, Чайковский, Факторъ» (ibid. 1853—1854 г.), а «Записки студента» въ передѣлкѣ Б. Дѣдицкаго въ «Семейной библіотекѣ» 1855 г.; Щербины — «Зеркало души» въ переводѣ Н. Устіановича (Отеч. Сбор. 1853); Хомякова — «Насонъ грядущій, Ночь» (Сем. библи. 1855—6 г.), «Гордыня и смиреніе» въ «Церковной Газетѣ» 1856 г.; Батюшкова — «Надежда» (ibid. 1856); о Лермонтовѣ упомянулъ Гушалевицъ 1856 г. въ письмѣ къ Я. Головацкому (Коресп. 260 стр.); Рылѣва — «Войнаровский, повѣсть изъ часовъ Петра Вел.» (Отеч. Сбор. 1857 г.) и Жуковскаго — «Сонетъ св. Терезы» (Церк. Газ. 1857 г.).

Если прибавить къ этому перечню Костомарова — «Символическія значенія цвѣтовъ деревъ и птыць въ поезіи народной русскою» (Перемишляннинъ 1850), Біографію кн. Меншикова (Зоря Гал. 1855 г.), Устрялова — «О переводахъ сочиненій св. Іоанна Златоуста на русскій языкъ» (Церк. газ. 1856 г.) и многочисленныя ссылки на исторію Карамзина у Зубрицкаго, І. Могильницкаго, Малиновскаго и Петрушевича — то больше намъ не найти до 1861 г. включительно.

Просматривая же первыя галицкорусскія газеты — Зорю Галицку 1848—1850 г., Галичо-рускій Вѣстникъ 1849 г., Пчелу и Новины Гушалевица, намъ приходится прямо недоумѣвать по поводу отсутствія хотя бы одного мало-мальски важнаго репортерскаго извѣстія о культурной и литературной жизни Россіи. Между тѣмъ совсѣмъ другое наблюдаемъ во львовскихъ *Rozmaitościach*, начиная съ 1820 г. и *Czasopismie zakładu Ossolińskiego*. Эти изданія не пропускали ни одного болѣе выдающагося явленія въ области литературы, науки и культурной жизни Россіи, чтобы не увѣдомить о немъ своего читателя. Еще больше интереса къ русской литературѣ проявила російская Польша, давая своимъ землякамъ цѣлый рядъ переводовъ и информационных статей по русской духовной жизни.

Въ чемъ же причина этому странному явленію? Отчего карпаторусы, толковавшіе и мечтавшіе столь усердно о славянскомъ единеніи и племенномъ родствѣ съ сѣвернорусами, и думавшіе даже о необходимости принять готовую славяно-русскую литературу, проявили къ ней столь мало интереса? Отвѣтъ даютъ намъ выше приведенные статистическіе перечни.

Русской наукой интересовались въ Галичинѣ немногія единицы: Гарасевичъ, Гриневецкій, Лавровскій, Могильницкій, Зубрицкій, Левицкій и Лозинскій — изъ старшихъ, Вагилевичъ и Головацкій — изъ младшихъ. Они и были знакомы съ главнѣйшими произведеніями этой науки.

Литературой занимались только младшіе, преимущественно семинаристы — имъ же не были доступны изданія современныхъ русскихъ писателей, лишь старшихъ XVIII в. I. Левицкій поставилъ даже ихъ произведенія въ разрядъ образцовыхъ стихотвореній и для галичанъ. Къ тому же старшіе писатели приходились имъ по вкусу, какъ содержаніемъ и направленіемъ, такъ формой и языкомъ своихъ стихотвореній. Вопросы религіи, восхваленіе властелиновъ міра сего, преклоненіе предъ властью —

ода и гимнъ на книжномъ «россійскомъ» языкѣ, представляли для большинства семинаристовъ и священниковъ — писателей, составителей «благодарственныхъ», «радостотворныхъ» и «слезныхъ» стиховъ лучшее чтеніе и лучшіе образцы.

Когда же въ Галицкой Руси стало усиливаться національное сознаніе, когда здѣсь заговорили о русскомъ имени, русской славѣ и вѣрѣ, о русскомъ языкѣ и народѣ, объ его врагахъ отвѣчныхъ — то естественно: для галичанъ не были заняты и понятны ни Пушкинъ, ни Гоголь, кромѣ Тараса Бульбы, а также ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни Достоевскій, ни Толстой, не пѣвшіе пеановъ древней и самодержавной Руси. Зато куда интереснѣе были статьи Шевырева о гніеніи запада (Москвит. 1841 г. № 1) и о превосходствѣ древнерусской письменности и исторіи, содержащихъ якобы всѣ идеалы нравственнаго развитія (Чтенія по ист. рус. словес. 1—2); патриотическія и религіозныя пѣнія славянофиловъ въ духѣ триединого начала «русскаго міровоззрѣнія» — самодержавіе, православіе и народность! Вѣдь самобытность и древность русскаго востока и его культуры — въ сравненіи съ гнилымъ западомъ — являлись лучшей основой національной гордости для русскихъ галичанъ; тѣмъ болѣе, что они служили имъ доказательствами необоснованныхъ притязаній «ляховъ» на культурное первенство въ Галичинѣ. Славянофильскія же начала стѣсило галичанамъ только переименовать на — «цѣсарь, вѣра — обрядъ, нашъ народъ», чтобы увидѣть въ статьяхъ московскихъ славянофиловъ собственныя мысли и убѣжденія. Романтическое увлеченіе идеей народности, преклоненіе передъ давнопрошедшимъ, традиціонный консерватизмъ и клерикализмъ — были слишкомъ благодатной почвой, чтобы не воспринять столь родственнаго галичанамъ московскаго славянофильства и не осѣнить въ послѣдствіи Карпатскую Русь выросшимъ «горушечнымъ кустомъ». Словомъ, въ Карпатской Руси было довольно подготовленной почвы для воспріятія славянофильски-націоналистическаго движенія 50-тыхъ и 60-тыхъ годовъ.

Наконецъ, нельзя забывать, что младшее галицкорусское поколѣніе, выступившее съ общественной дѣятельностью въ началѣ 50-тыхъ годовъ, знакомилось съ русской литературой по тѣмъ немногочисленнымъ изданіямъ русскихъ славянофиловъ, которыя — время отъ времени — попадали во Львовъ изъ Россіи, или же на Вѣну. Выписывать какія-либо русскія изданія никто не выписывалъ, исключая Я. Головацкаго, продолжавшаго довольно внимательно слѣдить за русской литературой. А такъ какъ русскіе галичане видѣли лучшее проявленіе своего патріотизма въ совершенномъ очищеніи своего національнаго облика отъ «всѣхъ» польскихъ наносныхъ элементовъ, замѣченныхъ ими и въ униатскомъ обрядѣ, и въ языкѣ, нечему удивляться, что они стали жадно прислушиваться къ случайно доходившимъ до нихъ кличамъ московскаго славянофильства. Въ этомъ отношеніи письма И. Головацкаго, Гушалевица, Дѣдипкаго, свщ. Сокульскаго, Синеводскаго и Раевского къ Я. Головацкому содержать обильнѣйшій матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о медленной эволюціи ихъ міровоззрѣнія въ сторону славянофильства, которое и вызвало въ 60-тые годы полный расцвѣтъ старорусской партіи въ Карпатской Руси. Въ то время именно были выдвинуты вопросы — объ очищеніи обряда отъ «латино-польскихъ» примѣсей, о племенномъ единствѣ русскаго народа отъ Карпатъ до Камчатки, объ языковомъ сближеніи, о политическомъ объединеніи Карпатской Руси съ Россіей, словомъ объ интеграціи всего русскаго міра подъ знаменемъ официальной Россіи.

Историку сношеній Карпатской Руси съ Россіей во 2-ую половину XIX в. придется ввиду этого говорить о совершенно другихъ предметахъ, чѣмъ до 1850 г. Мѣсто научныхъ вопросовъ заняли партійный интересъ съ его злобой дня — нареканіемъ на польско-іезуитскій гнетъ и на непригожесть конституціи, обрядомъ, языкомъ, правописаніемъ, гоненіями за патріотизмъ,

и т. д. Галичане не будут интересоваться русской литературой, только славянофильской журналистикой Аксакова, Хомякова, Погодина, Каткова и Данилевского. Они не будут обращать вниманія на русскій народъ и его нужды, только станут заниматься интересами російскаго правительства и православной іерархіи съ ихъ сословно-бюрократическими стремленіями. Въ итогѣ получится то, что значительная часть карпаторусскаго общества выступить самымъ враждебнымъ образомъ противъ культурно-національнаго развитія родной страны, видя въ украинской и мѣстной литературѣ и южнорусскомъ умственномъ движеніи польскую интригу, направленную на раздробленіе и уничтоженіе понятія «одна великая и недѣлимая Русь». Формализмъ славянофиловъ и ихъ карпаторусскихъ единомышленниковъ не могъ дать другого результата, какъ борьбу въ зашитѣ формъ и понятій на мѣсто живого народнаго труда.—Итакъ это міровоззрѣніе и стремленіе одной части карпаторусскаго общества не только не увѣнчается какимъ-либо выдающимся успѣхомъ, но и не явится даже прочнымъ звеномъ, которое соединило бы культурно-національныя стремленія обѣихъ Русей. Мало того, оно вызоветъ въ народной молодорусской, или такъ называемой украинофильской, партіи 60-тыхъ годовъ общую ненависть, какъ къ старорусамъ, такъ и къ Россіи вообще. Такимъ образомъ случится то, что «объединители» на дѣлѣ явятся рьянѣйшими «разъединителями» культурныхъ стремленій и интересовъ русскихъ племенъ.

Характеръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. можно опредѣлить інформаціонно-научными интересами обѣихъ сторонъ. Угরорусы попадаютъ въ Россію въ началѣ XIX в. въ качествѣ профессоровъ, владѣющихъ славенороссійскимъ языкомъ; ихъ земляки устремляются въ Россію для учительскихъ занятій и дальнѣйшаго русскаго образованія.

Русскіе путешественники посѣщаютъ Карпатскую Русь,

чтобы познакомиться съ самой западной частью Южной Руси. Галицкая Русь принимаетъ сѣверныхъ братьевъ очень охотно, такъ какъ ей интересно познакомиться съ сѣвернорусской наукой, обнявшей въ то время и Южную Русь. Благодаря сѣвернорусскимъ трудамъ по русской исторіи, этнографіи, древней письменности и филологіи, Карпатская Русь знакомится съ прошлымъ Южной Руси и принимается за аналогическій трудъ надъ своей бывальщиной. Карамзинъ — Погодинъ, Шишковъ — Востоковъ, Гречъ — Шевыревъ, этнографы южане и сѣверяне, играютъ не ничтожную роль въ трудахъ Головацкаго, Вагилевича, Левицкаго и Могилиницкаго, являясь для нихъ учителями и образцами въ ихъ историческихъ, граматическихъ и этнографическихъ занятіяхъ.

Государственное же и культурно-литературное величіе Россіи, съ одной стороны, и смутное сознаніе племенного родства — съ другой, вызываютъ у отдѣльныхъ карпаторусовъ мысль о необходимости единенія ихъ слабой родины — если не политическаго, такъ литературно-языковаго — съ Россіей. Это и есть первое проявленіе подлиннаго панрусизма на Карпатской Руси. Тѣ же сношенія, однако, даютъ возможность карпаторусамъ глубже изучить и украинское умственное движеніе и въслѣдствіи примкнуть къ нему.

Стеченіе обстоятельствъ прекратило эти оживленные сношенія около 1848 г.; они возобновились только въ 50-тые годы спорадически, съ 60-тыхъ же годовъ непрерывно. Въ этотъ періодъ сносятся уже не только ученые съ учеными, но и общественныя партіи съ партіями.

Такое отношеніе Карпатской Руси къ Россіи не принадлежитъ только ей одной: аналогическія явленія встрѣчаемъ, какъ у чеховъ и словаковъ, такъ и у сербовъ и болгаръ, у которыхъ сознаніе собственнаго слабосилія вызвало первоначально мысль объ одномъ славянскомъ языкѣ, а затѣмъ явное политическое русофильство. Разъ же литературное и политическое русофильство могло появиться у отдаленныхъ соплеменниковъ Великой

Руси, то тѣмъ болѣе оно должно быть оправдано у родныхъ братьевъ ея — карпаторусовъ.

Принимая все это во вниманіе, мы вправѣ заключить, что сношенія Карпатской Руси съ Россіей до 1850 г. явились однимъ изъ важныхъ рычаговъ возрожденія первой.

И. С. Свѣнцицкій.

Львовъ.

